

ГЛЕН КУК

ШЕЛЧУЩИЕ НИКЕЛЕВЫЕ ИДОЛЫ
•
ЖЕСТОКИЕ ЦИНКОВЫЕ МЕЛОДИИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГАРРЕТА

Звезды новой фэнтези

Глен Кук

**Шепчущие никелевые идолы.
Жестокие цинковые мелодии**

«Азбука-Аттикус»

2005, 2008

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Кук Г. Ч.

Шепчущие никелевые идола. Жестокие цинковые мелодии /
Г. Ч. Кук — «Азбука-Аттикус», 2005, 2008 — (Звезды новой
фэнтези)

ISBN 978-5-389-23467-3

Живи Гаррет в нашем мире, а не в мире магии, он бы на равных соперничал с прославленными героями «черного детектива», частными сыщиками Ниро Вулфом, Майком Хаммером, Филипом Марлоу и Сэмом Спейдом. Зато в Танфере, населенном не только людьми, но и эльфами, пикси, гномами, троллями и прочими фэнтезийными существами, ему нет равных. В романе «Шепчущие никелевые идола», взявшись выяснить, почему впал в кому король криминального мира, Гаррет вступит в борьбу с дочкой «короля» – и обнаружит, что не только эта «принцесса» желает ему смерти. В романе «Жестокие цинковые мелодии» Гаррет, уже готовый покончить с частным сыском, вынужден разбираться с паранормальным саботажем. Благое намерение богатого пивовара открыть в Танфере новый театр оборачивается кошмаром: в строящемся здании появились гигантских размеров жуки и рой привидений. И если бы только они угрожали спокойствию и жизни горожан! В злачном квартале орудуют подростковые шайки, а выходцы из семей, проживающих в самом респектабельном районе, оказываются далеко не паиньками в своих интеллектуальных и магических развлечениях.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-23467-3

© Кук Г. Ч., 2005, 2008

© Азбука-Аттикус, 2005, 2008

Содержание

Шепчущие никелевые идола	7
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Глен Кук

Шепчущие никелевые идола; Жестокие цинковые мелодии

Glen Cook

WHISPERING NICKEL IDOLS

Copyright © 2005 by Glen Cook

CRUEL ZINC MELODIES

Copyright © 2008 by Glen Cook

All rights reserved

© В. Ю. Иванов, перевод, 2007

© Н. К. Кудряшев, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Среди читателей немало поклонников фэнтези. Еще больше их у детективов. Странно, если бы никто из авторов не попытался соединить эти жанры в одном произведении. Рэндалл Гаррет, Саймон Грин, Мартин Скотт, Дэниэл Худ, Джеффри Барлоу – вот лишь некоторые из тех, кто потрудился на поприще детективной фэнтези. Но звание ведущего мастера нового жанра по праву принадлежит Глену Куку. С его сериалом «Приключения Гаррета», который также нередко называют «Металлическим циклом».

Мир фантастики

Лаконичный стиль Кука привносит толику сурового реализма в фэнтезийный жанр.

Library Journal

Шепчущие никелевые идола

В первую очередь – моей маме, которая была камнем в бурном потоке.

А также с благодарностью Джими К. и Эллен У.

1

Вот он я – несусь галопом вниз по ступенькам. Шесть футов три дюйма обаяния и пылкости, любвеобильный голубоглазый бывший морпех – о таком знакомстве можно только мечтать! Насвистываю. Правда, для благозвучия не помешал бы еще гулкий голос – а мой, увы, надтреснутый.

Однако что-то было не так. Пораскинем умом. Вчера я рано лег спать – по собственной воле. Не выпив перед этим ни глоточка. И тем не менее нынче утром вполне был готов пуститься в пляс. Я чувствовал себя так хорошо, что забыл быть недоверчивым.

Но мне не дано надолго забыть, что именно меня, малютку Гаррета, боги избрали мальчиком для священного битья и мишенью для своих идиотских развлечений.

Я застыл, не завершив традиционного утреннего правого поворота на кухню.

В коридоре, ведущем от входной двери к кухне, торчал какой-то пацан. Этот оборванец, с перепачканными щеками и рыжими спутанными лохмами, явно стриг себя сам. Ну или его цирюльник был подслеповат и орудовал тупым столовым ножом. Росту в мальчишке было чуть больше пяти футов, а лет ему я дал бы двенадцать-тринадцать; впрочем, для тринадцати чахловат. Одет он был в костюм от нетрезвого старьевщика. Я подозревал, что аура вокруг него довольно пикантна, но находился недостаточно близко, чтобы ее оценить.

Он что, глухой? Его не спугнул грохот, который я поднял, спускаясь по лестнице. Ах, ну конечно – он застрял носом в комнате Покойника! Это зрелище на первых порах может ошеломить. Мой напарник представляет собой четверть тонны мертвой серой плоти, отдаленно напоминая незаконного отпрыска отца-человека и матери-слонихи. Он словно явился из кошмара пьяного художника, обкуренного опиумом.

– Так и хочется забраться к нему на колени и свернуться клубочком! – изрек я.

Паренек пискнул и попятился к выходу, согнувшись так, будто нащупывал себе путь оттопыренной задницей.

– И кто же ты такой будешь? – спросил я, необъяснимо заинтересованный фактом обнаружения незнакомца, вставшего на якорь в моем коридоре.

Скрипнула кухонная дверь.

– Мистер Гаррет! Вы сегодня рано встали...

– Да уж. Рассвет еще не брезжит. Не мог бы ты мне пояснить, в чем дело?

Из кухни показалась известная личность – Дин, мой повар и управляющий. По возрасту он годится мне в деды, но ведет себя скорее как мамаша. Его появление объяснило присутствие мальчишки.

Дин постоянно подбирает всяких бездомных скитальцев, будь они котятками или детьми. В руках его был какой-то предмет, обернутый заляпанной газетой.

– Что вы имеете в виду?

– Ты что-то задумал. Иначе не стал бы называть меня «мистер Гаррет».

Морщины Дина собрались в кислую гримасу.

– Солнце всегда заходит рано, когда боишься саблезубых тигров.

Это означает: ты видишь именно то, чего опасаясь. Моя мать в свое время тоже частенько так говаривала.

– Ну, в этом доме тигры не рыщут.

Заинтригованный, я перевел взгляд на мальчишку. Его физиономия была усыпана миллионом веснушек, а в глазах сверкали вызов, любопытство и страх.

– Это вообще кто? И каким образом вышло, что он ошивается у меня в доме?

Я продолжал изучать пацана. В нем было что-то трогательное. Да что со мной не так?..

Можно было бы ожидать взрыва психического веселья со стороны моего покойного коллеги, но я не ощутил ничего – Мешок с костями крепко спал. Во всем есть свои хорошие и плохие стороны.

Я обратил сердитый взгляд на Дина. По-настоящему свирепый, не просто «для пользы дела».

– Дин, я уже не свищу. Ответь мне.

Сверток в руках этого старого ребенка был заляпан жиром. Опять мне предстоит подкармливать бездомных, пусть и через посредника.

– Э-э... Это Пенни Мрак. Он посыльный.

Мрак? Ну и имечко!

– И что, он принес мне послание?

Я одарил сорванца самым хмурым взглядом. Он не впечатлился. Похоже, его ничто особенно не волновало до тех пор, пока он находился вне пределов взмаха руки. Я не увидел в нем ничего, что предполагало бы аристократическое происхождение, хотя Мрак – имя как раз такого рода, какие в чести у заклинателей и магов с Холма, наших не отличающихся особой скромностью тайных повелителей.

– Да, принес. Оно на кухне, – торопливо отозвался Дин, протискиваясь мимо меня к пацану. – Через минуту я вам его покажу. Пойдем, Пенни. Мистер Гаррет выпустит тебя. Не так ли, мистер Гаррет?

– Ну конечно! Я же душа-парень.

Я прижался к стене, снова пропуская Дина, теперь уже в другую сторону.

Паренек, схватив гостинец, ретировался. Странно. Моя внутренняя реакция хотя и не зашкаливала до предела, но имела силу, какую я обычно берегу для красоток, заставляющих священников жалеть о выборе карьеры.

Я открыл дверь. Оборванец выскользнул наружу и поспешил прочь, сторбившись, словно каждую минуту ожидал удара. Он не замедлил шага, пока не достиг пересечения Макунадо-стрит с дорогой Чародея.

Поедая свою добычу, он оглянулся через плечо, увидел, что я на него смотрю, вздрогнул и шмыгнул за угол.

Б-з-з! Б-з-з!

Послышался звонкий, музыкальный смех. Я почувствовал, что меня тянут за волосы.

– Гаррет завел новую подружку! – пропищал тоненький голосок.

– Привет, Мариэнна.

Мариэнна была пикси-подростком женского пола. Целое вздорное гнездо этого маленького народца жило в щелях наружных стен моего дома. Девчонка любила поддразнивать меня.

– Мне она показалась весьма молоденькой, – заметил второй голос, и мои волосы претерпели еще один рывок. – Она слишком нежна для такого мясника, у которого растительность уже редет на затылке!

– Холлибелл, кошмарная ты мошка! Я так и знал, что ты не оставишь Мариэнну без присмотра.

Холлибелл и Мариэнна – подруги не разлей вода. Впрочем, еще до того, как опадут листья, эти двое обнаружат, что не все парни воняют, неряшливы и отличаются тупоумием.

Вскоре обычный вздох обретет для них такое значение, что будет сотрясать всю их крошечную вселенную.

– Мистер Гаррет!

Это Дин. Он всегда встречается, как только я собираюсь поиграть с малявками.

2

Дин передал мне пакет с посланием.

– Ступайте в кабинет и выясните, что это такое. Я принесу вам чай и бисквиты, а потом займусь завтраком. Как насчет маленьких сосисок и яиц всмятку?

– Отличное меню! – Я внимательно посмотрел на старика. – Так что же ты затеял?

– Затаял, сэр? Что вы хотите этим сказать?

– То, что сказал. У тебя что-то на уме. Думаю, это связано с тем пареньком, который, как говорят пикси, на самом деле девочка. – Таящийся внутри меня жизнерадостный карентийский мальчишка чувал, что так оно и есть. – Каждый раз, когда ты становишься вежливым и начинаешь вести себя как настоящий управляющий, я знаю, что у тебя на уме какая-то гадость. И не надо, пожалуйста, принимать вид оскорбленного достоинства.

Старикану следовало бы отточить мастерство. Увы, он настолько же предсказуем, как и я.

Я угнезвился за письменным столом в отделанной по первому разряду дворницкой, которую использую как рабочий кабинет. Повернувшись на стуле, я послал воздушный поцелуй Элеоноре – женщине на картине за моей спиной. Охваченная страхом, она убегает в бурную, ветреную ночь из мрачного особняка, в котором светится только одно окно. Впрочем, в настоящий момент Элеонора была в неплохом расположении духа и подмигнула мне.

Я разорвал конверт с посланием. Оттуда выпала пачка бумаг.

Бумаги были от Харвестера Темиска, прозванного Жнецом. Это один из тех адвокатов, которые чувствуют себя как дома во всяких юридических уловках, посматривая при этом на циферблат с неизменно ошалелым выражением лица.

У Жнеца Темиска имелся только один клиент – Чодо Контагью, бывший повелитель многочисленных преступных империй Танфера. Царь царей подпольного мира. Верховный жулик. В настоящее время Чодо клюет носом в инвалидном кресле, пребывая в коматозном состоянии, в то время как семейным бизнесом заправляет его прекрасная и помешанная на преступлениях дочка. Впрочем, Белинда делает вид, что получает инструкции непосредственно из императорских уст.

Дин принес мне чай с апельсиновыми корочками и сахарное печенье.

– Сосиски уже на огне. А вместо яиц будут печеные яблоки. Синдж хочет печеных яблок.

Дин подал свой фирменный чай и сласти, а это также служило доказательством, что он задумал недоброе.

– Она бы питалась исключительно печеными яблоками, если бы могла.

Пулар Синдж украдкой пробралась ко мне в подручные и метила на место младшего партнера. Она была хороша и как личность, и как компаньон. Если бы не она, я бы давно уже превратился в мерзкого старого холостяка.

Дин поспешил прочь. Еще одно доказательство: он не хотел отвечать на вопросы. Я принялся за чтение.

Харвестер Темиск напоминал мне, что я обещал посетить его, после того как распутаю дело, над которым работал во время нашей последней встречи. Я так и не выполнил обещания.

– Дин!

– Я готовлю так быстро, как могу.

– Мне никак не найти ту бумажку, где я записал, когда Чодо собирается отмечать день рождения. Я не говорил тебе, когда будут праздновать?

– Сегодня вечером. В «Пальмах». Мисс Контагью заказала весь клуб целиком. Как вы могли забыть?

– Наверное, мне не хотелось об этом помнить.

В общении с Контагью было мало привлекательного. Ну конечно, Белинда... когда она бывала не слишком психованной...

Белинда Контагью – образец прекрасной дамы, не знающей пощады. С ее приходом мрачный, безжалостный мир организованной преступности очень быстро стал еще более кошмарным. Лишь нескольким лицам известно, что именно она является настоящим мозгом Организации. Тот факт, что ее отец находится в коме, держат под большим секретом; об этом знает, может быть, человек пять. И один из них – сам Чодо. Меня беспокоило то, что я входил в число остальных четверых. Для меня не составляло труда оценить логичность сокращения четверки до более контролируемой тройки. Или даже двойки.

Если низшие боссы узнают, что получают указания от женщины, дело может скатиться к гражданской войне. Впрочем, Белинда за это время серьезно поработала над реструктурированием Организации, продвигая тех людей, которых сочла более близкими себе по духу.

Я не хотел идти на праздник к Чодо. И без того уже слишком многие связывали мое имя с Контагью. Если я там покажусь, это только еще сильнее убедит тайную полицию, что я более значительная фигура, чем на самом деле.

Кроме обвиняющей записки, в конверте содержалось несколько документов, подписанных Чодо, – очевидно, еще до того инцидента, который привел его в коматозное состояние. Может быть, Чодо предвидел, что нечто подобное может случиться.

Харвестер Темиск придерживался того мнения, что его наниматель, несомненно, составил на будущее хитроумный план. Именно для этого он наделил Жнеца властью своего поверенного и подобрал ему болвана по имени Гаррет, который был бы у него на побегушках.

На протяжении всей своей темной карьеры Чодо всегда угадывал правильно. Он всегда находился в нужном месте в нужное время. Исключением – возможно – был тот единственный раз, когда его дочери представился случай оживить кошмар: человека, которого она ненавидела больше всего на свете, держали в таком положении, чтобы она могла постоянно терзать его.

Семью Контагью трудно назвать образцовой, исполненной тепла и любви. Они никогда такими не были. Чодо убил мать Белинды, узнав, что та его обманывает. Белинда до сих пор работает над тем, чтобы простить его. Пока что у нее не очень получается.

Появился Дин с моим завтраком.

Темиск не писал о том, чего он от меня хочет, – в основном его заботило, сдержу ли я слово. Я ел и размышлял и не мог изобрести ни единого работающего способа ускользнуть от взятого на себя обязательства.

Я задолжал Чодо. Неоднократно. Он помогал мне часто и без просьб с моей стороны. Он знал меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что после этого я буду плестись по жизни, отягощенный создавшимся дисбалансом. Точно так же, как он умел находиться в нужном месте в нужное время, Чодо всегда определял, где у людей нужные рычаги. За исключением Белинды. Его безумная дочь была его слепым пятном. Если бы не это, он не сидел бы сейчас в инвалидном кресле, пуская слюни себе на грудь.

Дин принес мне еще чая.

– У нас наклеивается новое дело?

Да, сомнений не было: он что-то задумал.

– Нет. Просто надо заплатить по одному старому счету.

Он хмыкнул, без особого воодушевления.

3

Позже зашла Пулар Синдж. Из-за своего хвоста она выглядела в кабинете не очень уместно. В ее руках дымилась большая миска с печеными яблоками.

– Хочешь, могу поделиться.

Она питала неодолимую приверженность к печеным яблокам – пище, обычно не вызывающей ассоциаций с крысиным народцем.

– Нет, спасибо.

Танфер кишит крысами всех мастей, включая два вида обычных вредителей и несколько разновидностей крысиного народца. Эти создания разумны. Размерами они меньше людей. Их предки зародились в лабораториях безумных магов в начале прошлого столетия. По стандартам крысюков Синдж – настоящий гений. Она умнее всех представителей своего племени, которых я когда-либо встречал, а также очень отважна, и лучше ее никто не идет по следу.

– Что будешь делать, когда покончишь с урожаем яблок этого года?

Она оценивающе посмотрела на меня, прокручивая в голове возможные варианты. У крысиного народца отсутствует врожденное чувство юмора. У Синдж оно есть – появилось в процессе обучения, поэтому иногда может принимать необычные обороты.

Пулар Синдж знает, что, когда я задаю вопрос без очевидной связи с повседневной реальностью, обычно это означает поддразнивание. Порой ей даже удается выдать достойный ответ.

Сейчас был не тот случай.

– Хочешь сказать, у нас очередное дело? – спросила она, с трудом пробиваясь сквозь шипящие.

Древние кудесники не особенно постарались облегчить крысюкам задачу ведения беседы.

– Ничего такого, что обещало бы мне заработок.

Я рассказал ей о Чодо Контагью и о своем прошлом. Синдж взяла хвост в руки, обернула его вокруг себя и присела на корточки. У нас в доме есть только один стул, удовлетворяющий ее телосложению, и он находится в комнате Покойника. Повседневной одеждой Пулар служит тускло-коричневое платье из крепкой материи, скроенное согласно ее необычным пропорциям. У этого народца короткие задние ноги – крысюки ходят на них, как люди, – и длинное туловище. Не говоря уже о забавных руках. И волочащихся хвостах.

– То есть ты винишь себя в том, что случилось с этим человеком?

Умный грызун.

– Да, хотя это и было неизбежно, – ответил я и понял, что пора менять тему. – Есть какие-нибудь идеи, что мог задумать Дин?

Синдж по-прежнему не может привыкнуть к тому, как мысли людей мечутся зигзагом туда и обратно. Ее гениальность – явление относительное. Для крысы она феномен, но будь человеком, могла бы претендовать лишь на звание тугодума среднего уровня. Впрочем, это в ней исчезает, по мере того как она начинает понемногу усваивать закономерности явлений и природу вещей.

– Я не заметила ничего необычного. Разве что корзину котят под кухонной плитой.

Она наморщила нос, а ее усы встали торчком. Ни одна кошка размерами меньше саблезу-бого тигра не причинила бы ей особого беспокойства, по инстинкты предков никуда не делись.

– Так я и знал! Значит, котята, да? Этого он уже давненько не пробовал!

– Не сердись на Дина. У него мягкое сердце.

– Мозги тоже. Он ведь делает это за мой счет!

– Ты можешь себе это позволить.

– Мог бы, если бы не тратил деньги зря, платя жалованье никчемному управляющему!

– Только не ругай его.

Это испортило бы половину удовольствия от того, чтобы иметь Дина при себе.

– Я не буду его ругать. Я просто выдам ему бадью с водой. Или, еще лучше, мешок с кирпичом внутри.

– Ты ужасный человек. Однако, если хочешь пойти на день рождения, тебе предстоит еще многое сделать, – заметила она.

Верно. Не говоря уже о непростой задаче привести себя в порядок и одеться как следует, мне было необходимо повидаться со Жнецом – Харвестером Темиском.

– О! У меня отличная идея! Я возьму этих котят с собой на праздник и раздам их там в качестве подарков!

– Ты действительно ужасный человек! Хотя бы посмотри на них, прежде чем решать их судьбу.

– Симпатичными мордочками меня не примешь!

– Если речь идет не о девушках.

– Да, здесь ты меня поймала.

– Пойди взгляни на котят, пока Дин не нашел лучшего места, чтобы их спрятать.

Она поднялась с корточек и взяла свою миску и мой поднос. Мы что, становимся парочкой обывателей?

– Как можно спрятать корзину котят? Они же будут повсюду!

– Эти котята очень воспитанные.

Звучало как парадокс.

– Ладно, только навешу старый Мешок с костями – и сейчас же приду.

4

В комнате Покойника едва теплилась единственная свечка. Как обычно. Не для освещения – она испускала дым, который большинство насекомых находило отпугивающим.

Мешок с костями мертв уже долгое время. Но дело в том, что логхиры – вид, к которому он принадлежит, – после смерти не торопятся покидать свое тело. Когда бодрствуют, они прекрасно сами справляются с паразитами. Однако мой партнер имеет склонность к лени, он чемпион по части откладывания на завтра. Понемногу он становится все более потрепанным.

Его свечи неплохо действуют также и на людей. Пахнут они не намного ароматнее, чем северный конец идущего на юг хорька. Обычно я стараюсь держать дверь Покойника закрытой, но ко мне постоянно забегает разносортная ребятня, а они никогда не оставляют ничего в том виде, в каком это нашли.

Я вошел в кухню со словами:

– Его Милость действительно поживает. Я перебрал все трюки, какие у меня есть в запасе, – ничего не действует.

Дин выглядел озабоченным, а Синдж словно замкнулась в себе.

– Впрочем, ничего страшного. Просто он решил вздремнуть. Мы всегда как-то ухитрились пережить его мертвые сезоны.

Кажется, Дин не хотел, чтобы ему об этом напоминали. Я никогда и ничего не делаю так, как он хочет.

– Итак, Дин, – продолжил я, – говорят, в мою кухню просочилось племя бродячих котят?

– Это не обычные котята, мистер Гаррет. Они принадлежат древнему пророчеству.

– Ну, современное пророчество гласит, что им предстоит отправиться в путешествие вниз по реке, в мешке, с парой битых кирпичей в качестве компаньонов по вояжу... Что ты там бормочешь?

– Пенни не просто какая-нибудь уличная попрошайка. Она жрица.

Я налил себе чая, разглядывая корзину с котятами. С виду вполне обычная мелюзга, серые с полосками. Но в них действительно было что-то странное.

– Жрица. Превосходно.

Для Танфера в этом нет ничего удивительного, это самый захламленный богами город, какие только когда-либо существовали на свете.

– Она последняя из жриц А-Лат, бежала сюда из Йимбера. Ее мать убили фанатики, принадлежащие к культу А-Лафа. И вот теперь они появились в Танфере – ищут котят.

А должно быть, дело просто в том, что кто-то подбил кого-то вложить крупные средства в заболоченные территории за рекой. Подобные аферы возникают у нас ежедневно. Люди мгновенно тупеют до слепоты, стоит только сказать им, что в чем-то замешан бог.

Даже у Синдж был скептический вид.

– Это просто котята, Дин, – произнесла она холодно.

– Йимбер, говоришь?

Я имел лишь самое отдаленное представление об этом небольшом городке. Он располагался от нас в нескольких днях езды вверх по реке. Там бывают проблемы из-за громовых ящеров. Считается, что это город увеселений, которым правит весьма распущенная богиня любви, мира и всего прочего. Йимбер поставляет в Танфер зерно, фрукты, овец, крупный рогатый скот и древесину. А в последнее время также шкуры громовых ящеров. До сих пор никто не слышал, чтобы он экспортировал религиозных беженцев – или фанатиков, если уж на то пошло.

Одним из основных продуктов Танфера, в свою очередь, являются низкого рода мошенники. Вот только я не мог в тот момент сообразить, как именно девчонка могла нагреть Дина с помощью корзинки котят.

Впрочем, религиозный оборот дела наводил на размышления.

– Внимательно слушаю, – произнес я. – Ты еще не рассказал, каким образом со всем этим связаны котята.

– Они – Удача А-Лат.

Я пытался вытянуть из него что-нибудь еще, но он замкнулся. Возможно, просто сам больше ничего не знал.

– Похоже, придется привлечь к этому делу старшего брата...

Весь фасад дома сотрясся от громового удара. Я зарычал, словно голодный злобный волк. Меня уже достали все эти люди, норовящие высадить мою дверь.

5

Моя нынешняя парадная дверь лишь чуть-чуть недотягивает по размерам до ворот замка. Я установил ее по той причине, что предыдущую регулярно выламывали здоровенные озлобленные громилы – как правило, волосатые и всегда неуклюжие.

Тип, которого я увидел в глазок, недоумевающе потирал плечо. Он удовлетворял всем этим определениям, особенно по части волосатости. Исключение составляла только макушка – блестела как полированная.

Бугай был одет, но по виду сошел бы за деревенского кузена снежного человека. С еще худшим вкусом. Определенно это была какая-то помесь, скорее всего включавшая в себя тролля, великана, гориллу или медведя. Причем всем его предкам была отпущена двойная доля безобразия. Этого парня не просто задело кривым хлыстом – нет, на него свалилось целое кривое дерево и впоследствии пустило корни.

– Ух ты! – воскликнул я. – Ребята, вам стоит на это посмотреть. На нем зеленые шерстяные штаны в клеточку!

Мне никто не ответил. Дин возился с арбалетом, Синдж куда-то подевалась, и я решительно ничего не ощущал со стороны здорового, обвисшего куска мяса, который как раз в такие моменты предположительно должен был проявлять сокрушительную ментальную энергию.

На дверь обрушился еще один могучий удар. Сверху посыпалась гипсовая пыль. Я снова воспользовался глазком.

Йети был не один. Еще двое в точности таких же, как он, в мешковатых зеленых клетчатых штанах, оскверняли мои ступени. Позади них отирался какой-то тип, который мог быть их тренером, с озабоченным выражением лица – и, разумеется, в таких же кошмарных штанах.

Вокруг понемногу начинала собираться толпа.

Большинство взрослых пикси моей колонии повывлетали из гнезд. Некоторые жужжали вокруг, словно огромные разноцветные жуки, другие притаились в укромных уголках и щелках, готовые действовать. Кроме того – вот уж в ком никогда не подозревал способности появляться вовремя! – в половине квартала от дома показался мой приятель Плоскомордый Тарп. Также я мельком заметил Пенни Мрак.

Прошагав в кабинет и послав воздушный поцелуй Элеоноре, я порылся у себя в хламовнике и извлек дубовую палку со свинцовым набалдашником. Такие штуковины бывают весомым аргументом при разговоре с чрезмерно возбужденными господами, наподобие той скирды волос, что топталась у меня перед дверью.

Упомянутый джентльмен продолжал упражнять свое плечо. Дверь упрямо не поддавалась грубой силе.

– Ты готов, Дин? Просто направь рабочий конец ему между глаз, когда он перестанет катиться.

Я сделал шаг к дверному глазку – волосатик потирал второе плечо. Он оглянулся на человека, стоявшего на улице. Тот кивнул. Еще одна попытка. Плоскомордый наблюдал поодаль, ожидая развития событий. Громила ринулся на приступ.

И тогда я распахнул дверь. Издав хриплый возглас, гость нырнул внутрь, по пути каким-то образом споткнувшись о хозяйскую ногу. Игрушка в моих руках с удовлетворительным шмяком приземлилась на его затылке.

Двое других волосатых ребят тоже бросились в атаку, но их внимание было отвлечено: внезапно они ощутили на своих шкурах множество ползающих крошечных человечков, вооруженных малюсенькими копьями. Очень, очень острыми копьями. Покрытыми бурой коркой яда.

Синдж перегнулась с навеса над крыльцом, тыча вокруг себя рапирой. Кончик рапиры тоже был бурым – Синдж переняла у Морли некоторые его неприятные привычки.

Плоскомордый ухватил того парня, что стоял на улице, несколько раз врезал ему, пока тот не прекратил извиваться, сунул под мышку и спросил:

– Ну и что мы делаем дальше?

– Понятия не имею, – ответил я. – Надеюсь, ты не поломал этого приятеля?

– Вроде дышит. Ничего, он еще встанет. Правда, скорее всего, тут же пожалеет об этом.

Ты как, придешь в клуб сегодня вечером?

– Не могу. У меня коронный выход – день рождения Чодо.

– Что? Ты серьезно? Это сегодня? Проклятье, а я и забыл! Я там должен обеспечивать безопасность.

Тарп двинулся прочь.

– Эй!

– Ох, прости. Что ты хочешь, чтобы я сделал с этим парнем?

– Положи на землю и ступай своей дорогой. Ребята Шустера уже на подходе.

Городская полиция – это звучит хорошо. Да это и есть хорошо. Когда она не суется в твои дела. Что весьма может случиться, если ты все время ходишь на цыпочках возле самой границы закона.

Рядом материализовались трое стражей порядка. Двое были обычными патрульными, третий – гонцом Шустера по имени Косс.

Он тоже узнал меня:

– Вы, Гаррет, просто притягиваете неприятности! – И беспокойно покосился на мой дом.

Гонцы – это открытое широкому зрителю лицо танферской тайной полиции. Они опознаются по красным фуражкам с мягким козырьком, а также по армейскому вооружению. Эти ищейки обладают немалой властью, но даже они не любят оказываться в пределах досягаемости копателей в чужих мозгах – вроде нашего Покойника.

– Он спит, – обнадежил я Косса.

Если хотите солгать убедительно, говорите чистую правду. Мое ручательство уверило Косса лишь в том, что Покойник в настоящую минуту, несомненно, роется в самых темных закоулках его пустой черепушки.

Впрочем, он продолжал выполнять то, что ему положено.

– Итак, Гаррет, что тут затеяли эти ребята?

– Хотели вышибить мне дверь.

Он должен был спросить, я понимаю. Мне тоже зачастую приходится задавать кучу тупых вопросов – потому что нужны ответы, чтобы было с чем продвигаться в сторону более важных вещей.

– Зачем?

– Спросите у них. Я их никогда прежде не видел. Такое я бы запомнил. Одни штаны чего стоят!

Пока мы переговаривались, патрульные вязали волосатикам руки.

– Да, там внутри еще один. Мой человек держит его на мушке.

Я двинулся к тому типу, которого Плоскомордый оставил лежать на мостовой. Мне хотелось кое-что выяснить, до того как его утащат в камеру Аль-Хара.

– Косс! – крикнул из глубины дома патрульный. – Этот болван не хочет сотрудничать!

– Продолжай его бить. Со временем он поменяет позицию. – Сказав это, Косс дунул в свисток.

Секундой позже со всех направлений раздались ответные свистки. Я пошевелил ногой безвольное тело:

– Эти парни похожи на иностранцев.

Косс хмыкнул:

– С первого взгляда видно опытного детектива! Сразу понял, что ни один местный портной не стал бы так рисковать репутацией... Эй, вы! Подойдите-ка поближе. Что здесь произошло? – Это относилось к зевакам, собравшимся вокруг в поисках развлечения.

В мире происходят удивительные перемены. Ошеломляющие перемены. Несколько карантийцев добровольно признались, что они что-то видели! И вдобавок кое-кто был даже не прочь рассказать об этом! Более традиционным ответом – в случае, если бы представителям закона удалось изловить и стреножить потенциального свидетеля, – была бы симуляция слепоты, возникшей в результате того, что врожденная глухота распространилась на глаза. В прежние времена, бывало, выяснялось, что свидетели вообще не говорят по-карептийски, несмотря на то что родились в пределах королевства.

Пожалуй, Шустеру удалось добиться чересчур больших успехов в плане насаждения в умах идеи гражданской ответственности. Мои пикси, впрочем, принадлежали к старой школе.

Все свидетели сошлись на том, что Безобразные Штаны попросту пришли и принялись ломиться в дверь, игнорируя зрителей, словно ожидали, что им позволят делать все, что они пожелают, без всяких последствий.

Я пощекотал лежащего типа мыском ноги в области паха, на случай если он просто прикидывался.

– Гаррет! – погрозил мне пальцем Косс. – Не надо.

– Должна же жертва преступления иметь хоть отдаленное представление, почему кому-то пришло в голову вламываться к нему в дом!

– Мы расскажем обо всем, что вам следует знать.

– Это утешает.

Какое облегчение! Мне ничего не придется решать самому. Тайная полиция готова снять эту заботу с моих плеч. Они все сообразят за меня, а мне можно спокойно лечь на спинку и получать удовольствие.

Спорить я не стал. Имя Гаррета и так уже стоит в списках Шустера слишком близко к началу. Вокруг меня постоянно что-то происходит, уж не знаю почему. Может быть, это из-за того, что я такой красивый, а Фортуна не любит слишком смазливых ребят?

Я сообщил пикси-караульным, что оценил их поддержку.

– Там у Дина в доме выводок котят – скажите ему, что я приказал зажарить их для вас.

6

Плоскомордый нагнал меня по пути.

– Так и думал, что ты вряд ли уйдешь далеко, – сказал я.

– Похоже, пахивает работенкой?

– Не думаю, чтобы у меня что-нибудь было... А впрочем, погоди! Кажется, есть одна странность. Уличный мальчишка, который называет себя Пенни Мрак. Бегаёт с поручениями, разносит письма – ну, ты знаешь. Тут их таких тысячи. По виду тянет лет на двенадцать, но может оказаться девочкой немного постарше. И она может быть как-то связана с тем, что у нас тут только что произошло.

– Хочешь, чтобы я поймал ее?

– Нет. Просто выясни все, что сможешь, – особенно где ее можно найти. По правде говоря, она меня не слишком волнует. Моя главная забота сейчас – день рождения Чодо.

Плоскомордый хмыкнул.

Тарп очень велик – естественно, для человеческого существа. И очень силен. И отнюдь не сообразителен. Но он очень хороший друг. Я многим ему обязан, так что, когда могу, подкидываю ему кое-какую работу. Особенно если есть шанс, что это обернется чем-то действительно интересным.

Я не представлял себе, какая у мальчишки-посыльного может быть связь с неожиданным визитом зеленых господ. Но иного объяснения не придумал тоже. Впрочем, Танфер кишел людьми, живущими в поисках нового взгляда на мир.

И тем не менее из всех плохих парней в округе вряд ли нашелся бы хоть один, который бы не знал, что бывает, если подойти слишком близко к Покойнику.

В этой сумасшедшей басне насчет чужеземных богов было нечто завлекательное...

– Считаю, что я уже занялся этим, – заверил меня Плоскомордый.

Я поделился с ним тем немногим, что знал сам, включая описание Пенни Мрака – столь убогое, что для изменения внешности ему было бы достаточно просто переобуться.

– И обещай мне, что не будешь связываться с Торнадой. Моя жизнь в последнее время была прекрасной, и я предпочел бы, чтобы та женщина и в дальнейшем не путалась у меня под ногами.

Торнада – это наша общая приятельница. Можно так сказать. Хотя по большей части это ходячее стихийное бедствие, а не женщина. Это самое аморальное существо, какое я когда-либо встречал; социального самосознания в ней не больше, чем у камня. Плюс твердокаменное устремление сделать мир лучшим местом для жизни. Дело только в том, что Торнада абсолютно не имеет представления о том, что в этом мире есть настоящие, живые люди помимо нее самой.

– Не думаю, Гаррет, что с ней могут возникнуть проблемы.

– С ней всегда возникают проблемы.

– У нее роман.

– Что, у Торнады? Она влюблена? В кого-то, кроме самой себя?

– Ну, насчет любви я не знаю... Там завелся такой маленький шустрик, он настолько от нее без ума, что у нее вряд ли есть шансы влипнуть в серьезные неприятности. Он повсюду ходит за ней, и все, что она делает, – он все это записывает. Создает о ней эпическую поэму.

– Что ж, тем лучше!

Абсолютно все стодится, пока Торнада не сваливается мне на голову, пытаюсь пожить на том, что попадет под руку. Увы, это ее обычный способ вести дела.

– А сейчас ты куда направляешься? – поинтересовался Плоскомордый.

– К поверенному Чодо. Он настаивал, чтобы я заглянул к нему. Кажется, что-то связанное с завещанием старика.

– Ладно, тогда до вечера.

– Пока! Только не слишком зарывайся там насчет беспристрастного подхода ко всем гостям. Договорились, старина?

7

До сих пор я ни разу не бывал у Харвестера Темиска. У нас с ним было немного дел даже в те времена, когда его клиент был жизнеспособен. Как я ни ломал голову, не мог представить, что ему могло от меня понадобиться.

Он не стал воздвигать себе солидного фасада. Его маленькая лавочка была еще менее уютной, нежели та дыра, в которой ютился я, прежде чем объединил усилия с Покойником и собрал нужную сумму, чтобы купить нам дом. В те времена я спал, готовил, жил, любил и работал в одной тесной комнатухе.

Темиск не особенно походил на адвоката. Во всяком случае, выглядел не так, как, по моему мнению, должен выглядеть адвокат, какими мы привыкли их видеть. В нем не было ничего скользкого или елейного, ни единой унции. Он казался приземистым за счет ширины плеч, – возможно, в прежние времена Жнец был скорее гангстером, чем поверенным.

Впрочем, с учетом характера Чодо это могло быть и защитной окраской. Поверенный явно переживал не лучшие времена. Его прическа далеко отстояла от былого совершенства, а одежда была та же самая, что и в нашу последнюю встречу.

– Спасибо, что пришли.

В его голосе звучало легкое неодобрение. Должно быть, он заметил, что от меня не ускользнули свидетельства его нынешнего неблагополучия.

– Трудно ожидать, – пояснил Темиск, – что у тебя будет много работы, когда твой единственный клиент находится в коме. Он основал трест, который не дает мне умереть с голоду, – но не сделал в него весомых капиталовложений. Вы просмотрели бумаги, которые я вам послал?

– Просмотрел. И не смог в них ничего понять. Также я не смог угадать, чего вы от меня хотите.

– Мне было необходимо встретиться с вами лицом к лицу. Кто-нибудь из Организации интересовался мной? Или состоянием Чодо?

– Не думаю, чтобы кто-нибудь, кроме Белинды, вообще знал, что вы еще при деле.

– Мне следовало бы обидеться, но я скорее рад этому. Надеюсь, они вскоре забудут обо мне окончательно.

Его что-то беспокоило; он не мог усидеть на месте. Это не вязалось с тем образом, который создавали его квадратная голова, серебристая седина, кряжистое туловище и карие, с прищуром глаза.

– То есть в основном вы хотели напомнить мне о том, что я задолжал Чодо? И что вы готовы призвать вексель к оплате?

– Именно.

Ему не хотелось начинать этот разговор. Он понимал, что уже не сможет взять свои слова обратно.

– Тогда вам лучше приступить к делу. Особенно если хотите, чтобы что-то прояснилось прежде, чем начнется празднество. Белинда вряд ли станет его переносить.

Белинда – вот приманка, на которую он должен был клюнуть.

– Меня беспокоит то, что может случиться сегодня вечером.

Праздник мог стать замечательной декорацией, чтобы избавиться от людей, которые не нравились Белинде, – если именно это она и задумала.

Но лишь тот, кто знал правду относительно состояния Чодо, мог иметь на сей счет какие-то подозрения. Впрочем, многие из тех, кто не знал ничего, все равно находили довольно неестественным, что Большой Босс управляет делами через дочь. Это длилось уже слишком долго.

Крысы чуяли запах жареного.

Умные люди могли зайти просто для того, чтобы повнимательнее посмотреть на Босса. Оценка его здоровья – или отсутствия такового – дала бы им потенциал для личного продвижения.

– Что она собирается отмочить? И если отмочит, то как? – задумчиво проговорил я.

– Я тоже не имею понятия.

Здесь что-то не клеилось. У меня ушла секунда, чтобы понять, что именно.

– Погодите-ка! Вы связались со мной еще до того, как Белинда объявила о празднике. У вас что, была какая-то закрытая информация?

– Если бы! Нет, у меня теперь практически нет контактов внутри Организации. То, зачем я вас позвал, касается не праздника. Речь идет о... Гаррет, мне кажется, настало время вызволять его. Этот праздник только усложняет дело.

– Не возражаете, если я сяду? – (Самым лучшим предметом обстановки его конторы был стул для клиентов.) – Время вызволять Чодо? Что это, по-вашему: собрать пару эскадронов драгун и устроить налет на особняк Контагю? Вряд ли осуществимо...

– Я не имел в виду вызволять физически. Ментально! Если мы разобьем цепи, сковывающие его мозг, физическая сторона сама позаботится о себе.

– Вы меня совсем запутали. Насколько я знаю, жертвы комы действительно иногда возвращаются в сознание – не слишком часто. Но это никогда не случится, если все вокруг считает твоё пребывание в коме настолько удовлетворительным состоянием, что лучше этого может быть только смерть.

– Вы никогда не знали никого, кто вернулся к жизни после долгого пребывания в коме?

– Нет.

– Но вам известен хотя бы один человек, который когда-либо был в коме? Кроме Чодо?

– Да, во время войны. Как правило, это были люди, которых чем-нибудь ударило по голове.

– Вы их наблюдали близко в течение длительного времени?

– Нет. К чему вы клоните?

– К предположению, что Чодо вовсе не находится в коме, а его состояние лишь внешне напоминает кому и вызвано химическим или магическим воздействием. Я не думаю, что он пребывает без сознания. Я думаю, он просто не способен общаться с внешним миром.

У меня на спине закопошились гигантские волосатые пауки с холодными коготками. Такое предположение вызывало к жизни целую стаю очень неприятных возможностей.

– Допустим, вы правы. Но у Чодо такая сила воли, какой я не встречал больше ни в ком. Несомненно, он смог бы как-нибудь выбраться из подобной ситуации.

– Разумеется. Он сделает это.

– И вы каким-то образом должны это обеспечить?

– Это означало бы, что он предвидел такую возможность. Он был очень умен, Гаррет, он видел людей насквозь, как никто другой, однако ясновидящим все же не был.

– Но?

– Вот именно. Но! Он был помешан на планировании непредвиденных ситуаций. Мы каждую неделю часами сидели, просчитывая всевозможные случайности.

– Вот как?

Мне это было знакомо. Мы и сами часто занимались этим в те времена, когда я еще был симпатичным молодым морским пехотинцем и приглядывал за тем, чтобы орды проклятых венегетов не явились сосать кровь и души из возлюбленных королевских подданных. Большинство из которых имело весьма слабое представление о том, кто у нас король на этой неделе.

– Он был о вас высокого мнения.

– И вы можете быть уверены, что мне не доставляет удовольствия слышать это.

Мы снова возвращались к вопросу о том, сколько я должен Чодо Контагью за то, что он был так добр ко мне. Независимо от того, хотел я этого или нет.

– Непредвиденные ситуации, о которых я упомянул, обычно сводились к тому, что я или он должны будем призвать вас восстановить баланс.

– Восстановить баланс?

– Это его слова, не мои.

– Вы видели его в последнее время?

Я не видел.

– Нет. И в последний раз, когда это произошло, это была чистая случайность. Я прибыл к нему в особняк и просто вошел внутрь, как всегда это делал. Охрана не остановила меня. Я поступал так многие годы, и с тех пор Белинда не отдавала распоряжения не пропускать меня. Она не обрадовалась моему приходу, но держалась со мной вежливо. И сдержанно. Мне так и не удалось подойти к Чодо близко; при мне Белинда сделала вид, что спрашивает его, хорошо ли он себя чувствует для делового разговора. Она выразила сожаление по поводу того, что я пришел напрасно, – папа сегодня слишком болен, чтобы работать, не мог бы я заглянуть в другой раз? Или еще лучше: пусть бы он зашел ко мне в контору, когда будет в городе.

– И он так и не появился?

– Вы действительно быстро схватываете.

– Я детектив-профессионал. Ну так и что из этого следует?

– В этом-то все и дело...

Боги, как я ненавижу, когда люди произносят эту фразу! Это гарантия того, что дальше последуют сплошные увертки.

– Да-да?

– Белинда постоянно выезжает в город. И когда она выезжает, Чодо тоже не остается дома. Иначе кто-нибудь смог бы увидеться с ним без ее посредничества. Я выяснил это, шпионя за ней. Я долго ждал, надеясь, что смогу добраться до Чодо, когда ее не будет рядом.

– Опасное занятие.

– Да.

– Эта женщина не глупа.

– О да – безумна, но не глупа. Она завладела им и держит при себе.

– Можно было бы сделать вот что: нанять кого-нибудь, чтобы проследить за ней, когда она будет в городе, и попробовать выяснить, где она прячет отца.

Темиск молча прикусил нижнюю губу.

– Вы уже пробовали это? – догадался я.

– Да. И это стоило мне человека, которого я нанял. Мне еще повезло, что он не знал, кто я такой. Иначе это могло стоить мне и меня самого.

Я попытался вспомнить, кто из моих собратьев по профессии в последнее время умирал или пропадал без вести. Нас не так уж много. Но с другой стороны, наша профессия не пользуется такой широкой известностью и уважением, как, скажем, хиромантия или приготовление колдовских снадобий.

– Кто-нибудь, кого я знаю?

– Нет, – покачал он головой. – Это был старый пропойца по имени Билли Мул Тима, который собирал дань в северных кварталах города. Я давал ему маленькие поручения, когда мог. Он работал на Чодо, потому что слишком подружился с выпивкой.

Вот тут я и понял, что попал – лицом к лицу с кризисом, полной грудью вдыхая зловонное дыхание Фортуны. Это был переломный момент. Поворотный пункт. Место, где я должен был сделать моральный выбор.

Я воспротивился легкому решению. Я не произнес ни единого слова о том, что даже у адвоката не исключено наличие сердца и, что еще более существенно, совести.

– Расскажите поподробнее.

– Здесь нечего особенно рассказывать. Я снабдил Билли Мула всей информацией, которой располагал, и отправил его на задание. Подозреваю, что, прежде чем приступить к работе, он скупил в округе все дешевое вино, какое смог унести у себя в брюхе.

– Да, алкаш – это хорошее прикрытие. Их полно повсюду, и никто не обращает на них внимания. Продолжайте.

– Его нашли в одной квартире в северных кварталах несколькими днями позже, после того как он начал смердеть. Он обгорел до смерти.

Я нахмурился. Уже целый год до меня время от времени доходили сообщения о людях, сгоравших без помощи огня, и всегда это происходило в какой-нибудь трущобе в северной части города.

– Гаррет, он обгорел до смерти, но при этом огонь не перекинулся на окружающую обстановку и не коснулся места, где он умер. Кстати, это был такой клоповник, какой вы только можете себе представить.

Я вполне мог себе представить настоящий клоповник. Я посетил их кучу. Особенно в те времена, когда моя клиентура была не столь великосветской.

– Должно быть, кто-нибудь принес его туда.

– Нет. Я побывал там лично, разговаривал с людьми. Даже со Стражей. Он сгорел на том самом месте, где его нашли, – прожарился насквозь, словно кусок сала. Но при этом так и не достигнув достаточной температуры, чтобы занялся пожар.

Это вполне соответствовало тем рассказам, что я слышал о других сгоревших.

– Как такое могло произойти? Колдовство?

– Об этом в первую очередь подумал бы любой.

– Как и всегда, когда под рукой нет очевидного объяснения. Мы привыкли к длительному, непосредственному и смертельно опасному соседству этих идиотов на Холме.

Магия как на высоком, так и на бытовом уровне не является для вас частью повседневной жизни. Но угроза магического вмешательства – является. Потенциальная возможность магического вмешательства – является. Особенно если речь идет о черной магии, поскольку наши истинные властители – это чародеи, которыми кишат особняки на Холме.

– Но вы не думаете, что ответом является колдовство? – уточнил я.

– Такого рода люди не появляются в этой части города.

Какой-нибудь злодей-самоучка, которого зациклило на том, чтобы стать серийным убийцей, конечно, мог бы и появиться. Но что за выгоду он мог получить, сжигая алкашей?

– В той части города вообще не часто появляются люди. Это ведь где-то в Квартале Эльфов?

– Не совсем, но на самой его границе. Сейчас там селятся в основном иммигранты-нелюди. Однако вот что самое интересное: это здание принадлежит Чодо.

Я кивнул и подождал продолжения.

– Когда я подошел к нему, мне сразу показалось, что я его узнаю. Вернувшись, я порылся в своих записях. Мы купили это место четыре года назад. Я сам оформлял юридическую сторону сделки.

– Но Чодо там не было?

– Не было, когда нашли тело, но мог бы и быть. Свидетели вспомнили, что видели там человека в инвалидном кресле.

– Вот как?

– Я не стал копать глубже – не хотел привлекать внимание.

– Да, возможно, это было самое разумное.

Задавать лишние вопросы касательно деятельности Организации вредно для здоровья. От этого могут появиться синяки и шишки. По меньшей мере.

– Есть какие-нибудь блестящие предположения? – спросил Темиск.

– Только самое очевидное: Билли Мул пытался добраться до Чодо, и кто-то в награду за труды лишил его жизни.

– Да, но как они это провернули?

– В этом-то и вопрос.

– И почему подобным образом? Такие вещи делаются гораздо проще. Разве что кто-то хотел передать какое-то послание...

– Сожжение заживо – не того рода послание, которое может прочесть каждый. Большинство просто поморщится и спросит: «Это еще что за чертовщина?»

В этом не было смысла. В головоломке не хватало многих пазлов. Даже ее общие очертания не были ясны.

– Один из пунктов, по которым платил мне Чодо, – произнес Темиск, – состоял в том, что я должен буду вызволить его, если он угодит в какую-нибудь необычную ситуацию. По-моему, этот случай как раз подходит под определение. И, кроме того, он ожидал, что вы поможете мне.

– Это я уже понял. Мне это не нравится, но ничего не поделаешь. Он знал меня лучше, чем я сам себя знаю... И с чего вы собираетесь начинать?

– Я уже начал. Я связался с вами. Вы – специалист.

«Я – специалист. Круто!»

– Тогда давайте расставим все по местам. Что для нас сейчас самое важное?

– Чтобы завтрашним утром Чодо был еще жив.

– То есть мы снова возвращаемся к празднику?

– Вот именно. К празднику.

8

Из резиденции Харвестера Темиска я не спеша направился в «Пальмы» – первоклассную закусочную и клуб, которым управляет темный эльф Морли Дотс, мой товарищ номер один. Я приближался осторожно: могли возникнуть проблемы с людьми Белинды, если они уже начали собираться.

– Божья плюха! Вы только гляньте! И недели не прошло, а он уже опять здесь!

Существует некая вероятность, что не все соратники Морли всегда рады меня видеть.

– Я просто проходил мимо. Ну вот и подумал, что стоит заглянуть и посмотреть, как вы поживаете. Как дела, Сарж?

Сарж толст, у него лысина, куча татуировок и характер более омерзительный, чем у мешка скорпионов. Это когда он в хорошем настроении. Сегодня он выглядел не особенно радостным.

Еще один тип, настолько похожий на Саржа, что мог бы быть его страшным старшим братом – с добавлением еще парочки скорпионов, – шаркая, вышел из кухни.

– Привет, Рохля! Как ты, старина?

Рохля потряс в воздухе промышленных размеров скалкой. Прием выглядел не очень вдохновляющим.

Позади Рохли нарисовался Морли. Поразительно. Дотс редко участвует в трудовых буднях своего кабака.

– Что тебе нужно, Гаррет?

– Эх, Морли, надо иметь больше чувства юмора! Я знавал одного парня на Причалах...

– Что тебе нужно, Гаррет?

– В настоящий момент мне хотелось бы узнать, почему у вас считается забавным подсунуть мне такое хамское создание, как твой треклятый попугай, – но стоит отплатить тебе нимфеющей из нимф, как сразу достаются ножи для разделки мяса?

Рядом материализовались еще двое подручных с целым набором мясницкого снаряжения. Это в вегетарианской-то столовой!

– Что, баклажаны нового урожая оказывают серьезное сопротивление?

Казалось, всем здесь очень хотелось обступить своего доброго друга Гаррета со всех сторон. Ничего хорошего это не обещало.

Дотс мягко взмахнул рукой:

– Попробуй еще разок, Гаррет.

– Я просто хотел посмотреть, как у вас идут приготовления к сегодняшнему вечеру. Ну и еще сказать «привет».

– А почему это тебя интересует?

– Потому что мне там тоже придется присутствовать, капустная ты отрывка! И никак не отвертеться. А мне все это мероприятие не очень-то по душе.

Морли окинул меня внимательным взглядом. Стройный, черноволосый, миловидный и всегда безупречно декорированный по последней моде, он распространяет вокруг себя атмосферу такой чувственности, от которой женщины совершенно теряют голову, даже если его заносит в женский монастырь.

– Что это? У тебя, кажется, под носом грязь?

В последнее время Морли начал отращивать себе тонкие усики.

Он даже не улыбнулся.

– Сядь, Гаррет.

Я опустил на стул – ближайший к двери.

Морли уселся напротив и принялся пристально меня разглядывать. Наконец он произнес:

– Говорят, ты теперь у Белинды на жалованье?

– Чушь собачья. Кто это тебе сказал?

– Белинда. В последний раз, когда приходила отдать распоряжения к празднику.

– И ты поверил? Но ты же знаешь меня! Я не стал бы работать на Белинду, даже если бы мне нужна была работа – а она мне не нужна. У меня есть мануфактура, самое прибыльное дельце в Танфере. Тебе просто понадобился повод выплеснуть свою желчь.

– Она говорила очень убедительно.

Дотс продолжал меня рассматривать. Его и парней мучила какая-то серьезная проблема. Никто не хотел дружить с любимым сыном матушки Гаррет.

– Давай вываливай, Морли. Что у тебя стряслось?

– Я и так не жду ничего хорошего от этого праздника. А тут еще ты, предположительно Белиндин главный жеребец, подходишь через каких-нибудь десять минут после того, как твоя милашка дает нам знать, что все вообще будет проходить не здесь! «Пальмы» будут только поставлять блюда, а само мероприятие состоится в Уайтфилд-холле. Потому что мой ресторан, видите ли, недостаточно велик! Слишком много людей в этом мире хотят засвидетельствовать свое почтение Большому Боссу.

– Никогда не слышал об Уайтфилд-холле. Это не тот ли мемориальный зал для ветеранов, что был учрежден в память о войне за выбитый зуб Коди Бирна?

Во времена империи в Каренте велось множество маленьких войн по совершенно пустячным поводам. Потом мы повзрослели и стали настоящим королевством, после чего затеяли одну большую войну, которая и длилась на протяжении последних ста лет, – ту самую, в которой участвовал я. Наряду со всеми известными мне мужчинами-людьми, включая моего брата, и отца, и деда, и отца и деда моего прадеда, и всех их родных, двоюродных и троюродных братьев, а также побочных отпрысков.

На данный момент смертоубийство закончилось; впрочем, теперешний мир во многом был хуже прежней войны.

– Я ничего не знаю о ваших войнах... – ответил Дотс.

Кстати, сказал он истинную правду: будучи наполовину темным эльфом, он пользовался некоторыми послаблениями относительно человеческих законов – например, того, который касается всеобщего призыва. И вообще на человеческую историю ему начхать. Он редко вспоминает даже о прошедшей неделе – за исключением тех случаев, когда прошедшая неделя подкрадывается к нему сзади и шарахает по затылку...

– ...но это действительно что-то вроде военного мемориала, – закончил он.

Морли неглубок. Морли хорош собой. Морли – кошмар, заставляющий отцов пробуждаться среди ночи в холодном поту. Он – та греза, которую их дочери берут с собой в постельку, чтобы с ней позабавиться. Это тот самый плохой мальчик, которого хотят все девочки, считая, что им удастся приручить его, – до тех пор, пока не найдут себе какого-нибудь олуха, который станет зарабатывать им на пропитание и обращаться с ними по-человечески.

Какой я все-таки завистливый!

– Не понимаю. Чем он ей так приглянулся? Зачем ей понадобилось переносить празднество туда?

– Я же сказал: там помещается больше народу. К тому же им заправляют люди, которым она может доверять.

– По-твоему, Белинда тебе не доверяет?

– Ты что, действительно такой наивный? Разумеется, нет. Я не тот человек, который ей нужен.

– А кто ей нужен?

– Ее прибор, дубина!

– Только не надо услаждать мой слух вегетарианской поэзией. В ней нет смысла, когда светит солнце.

Дотс покачал красивой головой. Он не хотел принимать игру.

– Белинда не поверит мне, даже если я поклянусь ей десятью тысячами клятв. Это все ее безумие – она не может доверять никому. За исключением тебя. Скорее всего, по той же глупой причине, по которой доверял тебе Чодо, – потому что, насколько я могу понять, у тебя такой туман в мозгах, что ты просто не в состоянии не быть честным.

Этика и мораль Морли во многом зависят от ситуации. Это не мешает ему оставаться отличным парнем – большую часть времени. Когда ему это выгодно.

– Ваши откровения, мистер Дотс, согревают жемчужниц моего сердца.

– Что ты хочешь этим сказать? Я никогда не понимал – что такое жемчужницы?

– Какие-то моллюски, кажется. Не знаю толком, но звучит хорошо.

– У меня большое искушение снова передумать.

Однако Сарж и Рохля с кислыми минами, а также все остальные уже вернулись к работе.

– Для Организации это собрание будет главным событием недели.

– Ну и повод особый.

– Ты знаешь Жнеца – Харвестера Темиска?

– Агента Чодо в судебных сферах? Если споткнусь об него, то узнаю, но не более того.

– Он до сих пор адвокат Чодо. Можешь о нем что-нибудь сказать?

– Для юриста он играет довольно честно. Он и Чодо дружат с детских лет. А что?

Порой лучший способ иметь дело с Морли – это сказать ему правду. Или хотя бы нечто приближенное к правде, когда она слишком драгоценна, чтобы вот так задаром выкладывать ее. Нечто почти правдивое, чтобы заставить его сделать то, чего ты от него хочешь, – вот что я имею в виду.

– Я сталкивался с ним, когда мы сколачивали нашу трехколесную компанию.

– Это когда тебе приплачивали за то, чтобы ты держался в стороне? – уточнил Морли. – Я слышал, как ты всех там достал своим морализаторством и болтовней об этических принципах.

Я не стал глотать наживку.

– Он подкинул мне одно дело.

Морли любит пререкаться. Это делает его центром всеобщего внимания.

– Расскажешь мне о нем, Гаррет, когда все закончишь.

– У тебя есть идеи, что Белинда собирается отмотить сегодня вечером?

– Нет. Но я буду очень осторожен. Буду следить за всем и держаться поближе к кухне. И тебе советую, если тебя действительно интересует мое мнение.

– О, интересует, еще как интересует! Возможно, я даже надену кольчугу под рубашку... Ты никогда не слышал, чтобы Чодо баловался с магией?

– Нет. Он не любил чародеев – разве что иногда нанимал кого-нибудь, чтобы наложить охранное заклятие, но не больше. Они всегда бесили его тем, что у них больше реальной власти, чем у него.

– Я имел в виду его лично.

– Ну что ты! Его таланты ограничиваются убийствами, нанесением увечий и администрированием. Магических способностей у него не больше, чем у какого-нибудь могильного камня.

– Так я и думал.

Я признавался в том, о чем думал. Уже второй раз. Что-то я разоткровенничался со своим приятелем.

– И что у тебя там такое? – соизволил поинтересоваться Морли.

– Темиск говорит, что с тех пор, как Чодо хватил удар, происходит кое-что странное. Я хочу разобраться.

– Это и есть твое дело?

- Нет, само дело в другом, а это просто такая вещь, которую мне нужно понять.
 - Темиску удалось тебя подцепить на то, что ты в долгу у него?
 - В некотором роде, – вздохнул я. – С этим тоже нужно что-то делать.
 - Не связывайся. Перестань быть собой. Не наживай себе лишних неприятностей.
 - Ты знаешь что-нибудь о людях, которые сгорели заживо?
 - Нет. Это что, тоже часть твоего расследования?
 - Вряд ли. Просто интересно. Никогда не повредит спросить тебя о чем-нибудь – из тебя так и прет нетривиальное и чудесное. А иногда ты даже рассказываешь мне о том, что знаешь.
 - Оригинальное и странное... И от кого я это слышу? От человека, который живет под одной крышей с трупом и говорящей крысой!
 - И еще с Дином. И с корзинкой котят. Кстати, я подумал, что принесу их с собой сегодня вечером. Попробую кому-нибудь подарить.
 - Оригинальная идея – раздавать котят на мафиозном сборище. Если кто-нибудь и возьмет у тебя хоть одного, то только для того, чтобы скормить его своей ручной анаконде.
 - Эта идея давно уже назрела: скормить всех кошек змеям. Синдж как-нибудь переживет.
 - А что потом делать со змеями? Крысы они любят больше, чем кошек...
 - Ты не знаешь ничего об одном уличном парнишке, он называет себя Пенни Мрак?
 - Знаю только, что ему стоит выбрать себе другое имя, если он не хочет, чтобы его постоянно били, а больше ничего. А что?
 - На самом деле это девушка, выдающая себя за пацана. Она же является источником Диновой корзинки котят. Дин рассказал мне очень необычную историю относительно этого ребенка.
 - Необычную историю? О ком-то из тех, кто тебя окружает? Ха! Чушь какая!
 - Сарказм вам не к лицу, сэр, – учитывая, что среди тех, кто меня окружает, вы один из главных персонажей. И при этом определенно из числа самых незаурядных.
 - Да я стандарт, по которому измеряют всех остальных, – невозмутимо ответил эльф.
 - Ладно, ты тут держись, а я сбегаю за помощью.
- Я покосился на входную дверь в нескольких дюймах от меня. Шансы добраться до нее казались лучше, чем когда-либо.
- Как успехи на любовном фронте? – злорадно выкрикнул я и бросился наутек.
 - Почему я это сделал – другая история, причем уже рассказанная.

9

- Эй!
- Мимо моего уха просвистел камень. Он ударился в дверь Морли с такой силой, что проломил дыру в дверном полотне.
- Дотс выскочил наружу и встал рядом со мной, свирепо озираясь.
- Что случилось? – спросил он.
 - Похоже, кто-то метнул в меня камень из пращи, – предположил я.
- А как еще можно было бросить камень с такой силой?
- Примитивно.
 - Зато эффективно, если ты к этому не подготовлен.
 - Кто это был? И куда он делся?
 - Я почти уверен, что это вон тот здоровенный верзила – в идиотских зеленых панталонах, который так старательно делает вид, что его это не касается.
- Этот парень выглядел как недомеренный экземпляр из того же помета, что и Безобразные Штаны. Он изо всех сил интересовался проходами между домами и темными закоулками под верандами.

– Постой-ка здесь. Возможно, он только того и хочет, чтобы ты пошел за ним. Сейчас я соберу людей. За ним должок за дверь!

Дотс вернулся в дом.

Я подобрал с земли камень, который, если бы не секундное везение, мог бы пробить дополнительную дыру в моей черепахе. Потребовалась бы по меньшей мере еще парочка, чтобы повлиять на мой бизнес, но напрашиваться я не собирался.

Камень был слегка яйцевидной формы: дюйм с четвертью в одном измерении и чуть меньше дюйма в другом. Он был тяжелым, зеленого цвета, словно серпентин или низкосортный нефрит. И еще он был полированным – совсем не похожим на что-то, что можно подобрать, гуляя по руслу ручья.

Морли вернулся со своими людьми.

– Это может быть уловка, – сказал я, – чтобы выманить тебя из «Пальм».

– Я предупредил Саржа и Рохлю. Куда он делся?

– Свернул на юг по улице Железной Звезды.

– Пойдем расставлять ловушку, – сказал Морли.

Он очень прямолинеен, мой друг.

– Ты слишком спешишь. Я начинаю нервничать, когда ты спешишь.

– Я никогда не упоминал, что ты слишком много беспокоишься?

– Упоминал, но только в тех случаях, когда я оказывался достаточно близко, чтобы тебя слышать.

Мы побежали вдоль улицы, прихватив с собой полдюжины парней, которые делали вид, что служат у Морли официантами. Ни один из них не был похож на человека, обслуживающего столики от любви к работе. Хотя Дотс и утверждает, что больше не занимается темными делишками, однако упорно продолжает окружать себя подобными типами.

Это заботит меня из-за того рвения, которое выказывает в последнее время тайная полиция. Дилу Шустеру наплевать на протокол, в его глазах он сам – закон. И слишком часто те, кого он обставил, легко соглашаются, что должны были это предвидеть.

Тем не менее преступный мир продолжает существовать. Как бы ни был Шустер силен, упорен и помешан на своем деле, все, на что он способен, – это лишь слегка покусывать внешний край Организации.

Мы повернули на улицу Железной Звезды – и остановились, сбившись многоногой обескураженной кучкой.

Тип, пытавшийся сделать мне трепанацию с помощью камня, находился в каком-то квартале впереди нас. Он шел не спеша, заглядывая в темные уголки, словно понятия не имел, что кто-то может его преследовать.

– Что за игры, Гаррет? Ведь этот придурок еле тащится, словно ему на все наплевать!

– Меня нельзя считать ответственным за то, что кто-то другой отъявленный идиот.

– Вопрос спорный. Есть такая вещь, как дурная наследственность...

Еще немного, и Морли начнет ругаться черными словами.

– Почему бы нам, вместо того чтобы стоять здесь и спорить, не воспользоваться преимуществом? – спросил я.

Морли сделал знак своим мальчикам. Мы двинулись вперед.

Народу было немного, но для улицы Железной Звезды это нормально – здесь нет лавок.

Мы окружили коротышку прежде, чем он осознал, что на него идет охота. Его реакцией было совершенное изумление. На мгновение я подумал, что указал не на того человека. А вдруг все население Танфера внезапно воспыало любовью к отвратительным зеленым панталонам и отсутствие вкуса не следовало считать несомненным признаком врожденной склонности к злодейству?

Затем он бросился на нас и проломился прямо сквозь одного из парней Морли.

– Вот это да! – проговорил я.

– Да уж. С ним надо поосторожнее.

Коротышка не стал убегать – он просто вел себя так, что к нему не хотелось подходить слишком близко, поскольку это грозило неприятными ощущениями. На ближней дистанции он был быстрее, чем даже Морли, который до сих пор удерживал рекорд по скорости движений – исходя из моего опыта. И еще он был очень силен. Он швырнул меня на тридцать футов и сделал это не напрягаясь.

Мы по очереди тузили его со спины. Это было похоже на травлю быка, только в нашем случае бык не издавал ни единого звука. Он не отвечал на вопросы. Он просто молча сражался, делая особый акцент на нанесении повреждений единственному уцелевшему сыночку матушки Гаррет.

Нас было всего лишь восемь на одного – так что оказалось очень кстати, когда на соседних улицах начали верещать полицейские свистки. Мы немедленно оставили свое занятие. Никому не хотелось наносить визит в Аль-Хар. Не сегодня.

Можно подумать, что сегодня такой уж хороший день...

– Славно повеселились, – подытожил Морли, пока мы пересчитывали конечности, вычесывали из волос мелкие камешки и выясняли, у кого больше прав хвастаться самыми крупными синяками. – Если доживу до утра, я хотел бы еще разок взглянуть на этого парня. Прихватив с собой Дориса и Маршу для тяжелой работы.

Дорис и Марша Роуз – его родственники. В какой-то степени. Они частично великаны, частично тролли, а частично кто-то еще, ростом в двенадцать футов, и могут ударом кулака снести небольшое здание. Жаль, что их не оказалось под рукой пару минут назад.

– Отличная идея! – заметил я. – В городе найдется, наверное, еще тысяч десять улиц, которые тоже не помешало бы подмести.

И вправду, передо мной было зрелище столь же редкое, как жабы клыки: Морли Дотс, с головы до ног вывалившийся в грязи и разодетый в лохмотья.

– Эх, вот картина, которую я хотел бы сохранить для потомков!..

– В следующий раз надену какое-нибудь старье, – сказал Дотс. – Зайди ко мне попозже, я отдам тебе это.

Он был расстроен, хотя я не мог понять почему. Все равно всех не победишь.

– Так и сделаю. Удачи сегодня вечером!

10

– Что случилось? – требовательно спросил Дин, впуская меня в дом.

– Кто-то пытался меня убить.

Он хмыкнул. Услышанное не произвело на него впечатления.

– Да ты бы только посмотрел на того парня!

Он хмыкнул еще раз. Никакого уважения к моему образу жизни, хотя именно благодаря ему старик каждый день набивает брюхо хлебом с бобами.

– А у него ни царапины, притом что со мной был Морли и шестеро его парней. Ну, мы бы, конечно, поквитались с ним, если бы не появилась Стража...

Последнюю фразу я добавил для Синдж – она как раз вошла в кухню, чтобы узнать, что происходит. В лапах у нее был котенок – она его гладила. Котенок не возражал против парадоксальности такой ситуации.

– Как ты думаешь, – спросил я, – получится у тебя взять вчерашний след с помощью вот этого? – И бросил ей зеленое яйцо.

– Оп! Что-то подводное... Что это было? Медведь или огр?

У Синдж есть талант.

Крысиный народец наделен исключительным обонянием. Некоторые крысюки поставили бы в тупик лучшую ищейку. А Синдж – нечто выдающееся даже среди своих. Как я уже упоминал, для женщины она гениальна. Кроме того, в ней больше храбрости, чем в десяти любых других представителях ее племени, вместе взятых, исключая разве что ее брата. Даже наиболее отважные и опасные из них боятся людей. Создавшие крысюков чародеи не сочли необходимым избавить их от этой пугливости.

– Это был человек. С самых дальних рубежей вида.

– Что он сделал?

– Он пытался убить меня. Из какой-то древней пращи. Воспользовавшись этим яйцом в качестве метательного снаряда.

– Похоже, частое мытье не относится к числу его человеческих пороков.

Я обернулся к Дину:

– Ее язык с каждым днем становится все более острым.

Дин нахмурился: он все еще не мог полностью отбросить свои предубеждения. Синдж, впрочем, подпрыгнула, польщенная комплиментом. В ее характере есть один большой недостаток: она изо всех сил старается стать человеком. Впрочем, у нее хватает смекалки понять, что ей этого никогда не позволят.

– А почему след вчерашний?

– Сегодня у меня нет времени. Мне еще предстоит день рождения Чодо.

– Кого ты берешь с собой? Тинни?

– Никого.

– А мне можно?

– Нет. Я не беру никого. Там очень быстро могут начаться неприятности, и я не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал.

Я не упомянул, что вряд ли ее были бы рады видеть. Чужими предрассудками можно пренебрегать только в случае серьезной опасности – особенно если ты желаешь людям блага.

Синдж это известно как на практическом, так и на эмоциональном уровне. Она никогда не показывает, что ее самолюбие уязвлено. Она считает, что, открывая свои чувства, она уменьшает мои усилия избавить ее от страданий.

Это так. Но это идет нам на пользу.

– Как там, не слышно шевеления со стороны неупокоенных? – спросил я.

Если и есть что-то, что Покойник ненавидит настолько, чтобы его кровь была готова вновь пуститься бежать по жилам, так это когда его мешают в одну кучу с неупокоенными – вампирами, зомби и иже с ними. Все они хищники, а он утверждает, что к ним не относится.

– Нет, – отозвался Дин. – Видимо, на этот раз он решил отдохнуть подольше.

Это известие меня не обрадовало – мне бы сейчас не помешал хороший совет. Например, десять лучших способов остаться в живых после вечеринки у Чодо... исключая самый очевидный: вообще там не показываться.

Если тебе неизбежно предстоит рейд по долине теней, нужно как следует поработать головой, чтобы найти способы прикрыть свой зад. Я принялся за дело.

У меня был выбор. У меня были связи. Некоторые из них даже могли оказаться полезными – например, брат Синдж.

Я воссоздал в памяти разговор с Морли о том, что я в действительности значу для Белинды Контагю. Не в деловом смысле, и не как бывший любовник, и не как человек, внушающий страх. Но как символ или даже фетиш для той замкнутой, испуганной маленькой девочки, что пряталась где-то глубоко внутри мисс Белинды. Маленькой девочки, желавшей, по мнению Морли, видеть во мне папочку, которого у нее не было в подростковые времена, поскольку ее настоящий папочка Чодо Контагю вряд ли являл собой образец любящего родителя.

Тем или иным образом я несколько раз вытаскивал эту женщину из глубочайшей трясины. Морли говорил, что из-за этого она избрала меня глашатаем своей судьбы и никогда не позволит, чтобы мне причинили вред. Потому что маленькой девочке нужно, чтобы папа Гаррет был рядом – на случай, если к ней снова подкрадутся кошмары.

– Синдж! У меня идея – может быть, глупая... Пойдем ко мне в кабинет, поможешь мне обмозговать кое-что.

– Что случилось? – спросила она, шипя на согласных так, словно у нее во рту поселился выводок гремучих змей.

– Как думаешь, твой брат смог бы помочь нам с одним делом? Если предложить ему соответствующее вознаграждение?... Знаю, знаю; но мать-то у вас была одна! В глазах людей это делает его твоим братом.

Джон Растяжка (настоящее имя – Фунт Застенчивости) является вожаком крысиного народца в нашей части Танфера. Отчасти он стал верховной крысой благодаря мне. Он брат Синдж по матери, из более раннего помета, и их отношения ближе, чем между большинством крысиных родственников. Как-то он даже пытался вырвать ее из моих тисков, но она задала ему вербальную порку и велела убираться ко всем чертям. Синдж вполне устраивала ее жизнь.

– Не знаю... Он подозревает, что в последний раз ты использовал его в своих интересах.

– Проблема гордости мне понятна. Но ты лучше меня знаешь, сможем ли мы снова поработать вместе.

– А чего ты от него хочешь?

– Я думаю о сегодняшнем празднике. Он мог бы сильно мне помочь. Если правда, что он умеет разговаривать с обычными крысами.

Синдж задумалась. Мы оба знали, что Джон Растяжка мог проникать в мозги обыкновенных крыс и использовать их как шпионов – однажды он сам признал это в нашем присутствии.

– Ты хочешь, чтобы он отправился в то место, где будут праздновать день рождения Чодо Контагью?

– Вот именно. – Моя идея начала набирать обороты. – Если нам удастся спрятать его где-нибудь поблизости, он сможет оставаться при деле на протяжении всего праздника и предупредить меня, если наметятся неприятные сюрпризы.

– Тебе может не подойти его цена.

– Я не испытываю нужды в деньгах.

– Он не станет просить у тебя денег.

Я простонал.

– Услуга за услугу?

– Подумай, что ты можешь сделать для крысиного гангстера?

Ну как же, свой агент среди людей может быть очень даже полезен крысиному королю, знающему, чего он хочет.

– Ты просишь, чтобы я нашла его? У тебя не так уж много времени.

Фактически я уже опоздал. Почти наверняка. И тем не менее я сказал ей:

– Сделай все, что сможешь.

Не прошло и нескольких минут, как Синдж была готова идти.

– Оставь котенка здесь, – напомнил я. – Вряд ли ему будут рады там, куда ты направляешься.

Крысочиха вернула зверюшку обратно в корзинку.

– Надо же, они прямо так и льнут!

– То же можно сказать и о вшах. Не привязывайся к ним слишком сильно, они у нас не останутся.

Я проводил Синдж до двери, открыл ее – и угодил в самую гущу пикси-разборки. Эти букашки шумят хуже, чем воробьи, но занимаются этим настолько постоянно, что я больше не обращаю на их свары особого внимания.

– Пожалуйста, – обратился я к ним, – могу ли я поговорить с Шекспиром и Мелонди Кадар?

Вежливость несколько помогает – иногда. Непредсказуемо. Почти настолько же часто, как и когда имеешь дело с большим народом.

Если мне не удастся заручиться помощью крысюков, то, возможно, получится завербовать парочку пикси? По крайней мере, это будет дешевле, так как предполагается, что, именно помогая мне, они отработывают свое проживание.

Тем временем появилась Мелонди Кадар – роскошный образчик женственности у пикси. Как ни грустно, но пикси живут недолго. Спустя каких-нибудь шесть месяцев Мелонди достигнет среднего возраста – а ведь месяц назад, когда я встречался с ней последний раз, это была типичная несносная девчонка-подросток! Теперь же она имела авторитет в своем гнезде.

– Гаррет, – пропищала она, – Шекспира здесь больше нет. Он женился на девушке из Долинных трипси и решил присоединиться к ее гнезду.

В кланах пикси царит строгий матриархат. После женитьбы парни, как правило, следуют за девушками.

– Поздравляю... наверное. Это очень важный брак.

Мои пикси появились в Танфере недавно, они беженцы, а клан Долинных трипси насчитывает много поколений в истории местных племен. Подобный альянс мог сослужить моим квартиросъемщикам хорошую службу.

– Однако мне казалось, что у вас с ним... – Я вежливо сделал паузу.

– Не будем говорить об этом. У меня теперь есть собственный муж. И ему не нравится, когда при нем поминают старые добрые времена.

– Мне очень жаль. Если такое чувство уместно в данном случае.

– Ничего. Он у меня немного глупый, очень ленивый и малость слишком ревнивый, но я выбью из него эту дурь.

Женитьба у пикси принимает не те формы, что у нас. Чувства не имеют никакого значения, а вот выковывание альянсов и сохранение состояний – имеют. Чувство находит удовлетворение на стороне. В некоторых кланах девушка вообще не считается пригодной для замужества, пока не продемонстрирует свое плодородие с несколькими счастливыми отцами.

– Я хотел спросить, не могли бы вы помочь мне с делом, которое я сейчас веду?

– Ха! Мы ведь должны платить за жилье.

– Но это может быть опасно.

– Выкладывай, Гаррет!

Я изложил свою историю.

– То есть с семьей Контагью у тебя давнее знакомство?

– Да, у нас было несколько совместных приключений.

– Тогда лучше расскажи и об этом тоже. Это может произвести впечатление за столом старейшин и повлиять на решения, которые там будут приняты.

Белинда не позволила бы сантиментам вмешиваться в деловые решения. Она была еще тверже, чем отец, – а Чодо редко допускал эмоции в делах.

– Зал, где все это будет происходить, далеко от нашей территории?

– Ты знаешь, где «Бледсо»? Благотворительная больница? В старые времена, когда империя еще была у власти, весь тот район был застроен правительственными учреждениями. Зал находится там. Сначала в этом здании было что-то другое, а потом его превратили в военный мемориал. Раньше люди были более бережливы.

– А в тех краях есть пикси? Или еще кто-нибудь, кто мог бы решить, что мы вторгаемся в чужие владения?

Танфер – это сотня городов, наваленных один поверх другого на одном злополучном клочке земли. Для каждой расы он свой. Некоторые народы настолько отличаются друг от друга, что их Танферы почти не пересекаются. Однако чаще это все-таки происходит, и в таких случаях только мы, большие и многочисленные племена, не нуждаемся в особых разрешениях, чтобы жить, как нам нравится. Мы можем себе позволить быть такими мерзавцами, как нам угодно, – и обычно позволяем.

– Не знаю. Мне только недавно сказали, что пирушка будет проходить там, а не у Морли. Я не бывал в той части города с тех пор, как кто-то определил меня в палату умалишенных в «Бледсо».

– Вот, должно быть, было приключение! И как тебе удалось вывернуться? Убедил их, что ты нормальный?

– Убедил их, что я настолько безумен, что им не стоит меня там держать.

– У нас мало времени. Тебе надо будет взять нас с собой, когда отправишься на праздник. Так, чтобы нас никто не видел.

Нет, это никуда не годилось. Я не мог топтать несколько миль, волоча с собой чемодан с бранящимися пикси.

Мелонди прочла мои мысли – не в прямом смысле, но все же.

– Не будь таким жмотом, Гаррет, найми карету. Мы спрячемся там, и нас никто не заметит. К тому же ты и сам не будешь выглядеть каким-то оборванцем.

Все колют мне глаза тем, как я одеваюсь. Никто не верит, когда я говорю, что беден. Они считают, что у меня полно денег, – только из-за того, что я владею акциями трехколесной фабрики.

Однако идея Мелонди была здравой.

– Кто-нибудь может слетать с запиской к Плеймету на конюшню? – спросил я.

У моего друга Плеймета нет своей кареты, но обычно он в состоянии достать подходящую за пару минут. К тому же я вообще люблю перекладывать свои дела на друзей. Плюс в качестве бонуса: Плеймет имеет около девяти футов роста и может быть полезен в случаях, когда споры оборачиваются своей физической стороной.

– Наверное...

В ее голосе не звучало особого энтузиазма. Перелеты на дальние расстояния рискованны для пикси – слишком многие могут решить, что эти малявки похожи на пищу.

– Ну и отлично. Сейчас я напишу записку, и мы сможем наконец двигать наш цирк.

Я заметил Синдж – она возвращалась. Следом, дразня ее, бежала пара человеческих ребятишек. Я не стал их отгонять – ей бы это не понравилось. Она предпочитает сама сражаться в своих битвах.

Мелонди была менее щепетильна. Она скользнула в щель, которую ее племя использовало, чтобы влетать и вылетать из стен моего дома, и полдюжины букашек-подростков тотчас метнулись наружу и зажужжали вдоль по улице. Долетев до задир-ребятишек, они спрятались за их затылками и принялись мучить их.

Синдж добралась до дома.

– Джон Растяжка говорит, что будет в восторге помочь великому Гаррету в его делах. Однако он настаивает на том, чтобы привести с собой собственных крыс, не полагаясь на тех, которые уже обитают в том месте.

– Отлично. Я отправлю Плеймету записку, чтобы он достал мне карету.

– Ты передумал?

– Не надо так волноваться, ты остаешься в деле. Поможешь брату с его задачей.

11

Плеймет подогнал к моему дому огромную карету красного дерева, явно принадлежавшую кому-то на самой верхушке пищевой цепочки.

– Надеюсь, ее никто не хватится?

– Разве что мы не вернем ее до конца недели. – Плеймет спрыгнул с козел, чтобы помочь нам загрузиться. – Меня больше беспокоит перспектива заляпать ее кровью сверху донизу. Или забыть внутри труп.

– Это была не моя вина. Тебе нужно выработать позитивный взгляд на вещи.

– Опыт знакомства с Гарретом показывает, что настороженный пессимизм является более надежным подходом.

Плеймет огромен и черен; он настолько гигантский, что кажется еще огромнее, чем на самом деле. Он крупнее меня, сильнее меня и почти такой же симпатичный. Самый большой его недостаток в том, что он строит из себя проповедника, который на самом деле вовсе не так плох, как кажется, и как будто в нем вовсе не девять футов роста. Однако и семи вполне хватило бы.

– Ты уверен? – спросил я и, заметив на дверце кареты абрис, где раньше был герб, добавил: – Не хочу, чтобы какой-нибудь Владыка Бурь размолот меня в порошок из-за того, что его кареты не оказалось на месте, когда он решил прокатиться.

– Хочешь, чтобы я вернул ее?

– Ладно, ладно. Просто хотел удостовериться...

А это еще что? Позади кареты остановилась повозка, в какие обычно запрягают козлов. Однако в передвижении этой повозки козел не участвовал: в построжки впрягся крысюк.

Брат Синдж. С грузом деревянных клеток, набитых здоровенными бурыми невеселыми крысами.

– Вот и я, – проговорил Джон Растяжка; его карентийский был не настолько безупречен, как у сестры.

– Хорошо, тогда давай перетащим этих тварей в карету.

– Где Синдж?

– Прихорашивается перед выездом. Ты уверен, что справишься?

– Синдж будет помогать. И они. Так?

В карету впорхнул целый рой пикси, – похоже, Мелонди решила взять с собой всех друзей и родственников.

– Отлично выглядишь, Гаррет, – заметил Плеймет. – Ты что, нанял консультанта, чтобы он подобрал тебе одежду?

Я воздел руки к небу:

– Боги, вы видите, что мне приходится выносить? Возьмите меня отсюда!

Из дома выпорхнула Синдж – ни дать ни взять молодая девушка, опаздывающая на свидание. Хотя я понятия не имею, как можно умудриться опоздать, если твой гардероб настолько скудный? Впрочем, все мои познания о женщинах (даже ограничиваясь представительницами моего собственного племени) можно уместить в наперсток, и еще останется достаточно места для целой бригады танцующих ангелов.

Синдж притащила с собой котят и влезла в карету вместе с корзиной.

– Мы готовы, – сказал я Плеймету и оглянулся на козлиную повозку. – Эй, Растяжка, ты лишишься повозки, если так просто оставишь ее здесь.

– Не страшно. Она не моя.

Великолепно – то есть теперь Стража найдет перед моим домом похищенную повозку! Ибо, учитывая мое везение, эта штукавина будет торчать здесь полгода, никем не потревоженная, если это будет необходимо, чтобы доставить мне неприятности.

Я забрался в карету. Внутри царило абсолютное безмолвие. Пикси настороженно поглядывали то на котят, то на клетки с крысами. Котята высовывали мордочки из корзинки, заинтригованные таким соседством. Крысы яростно сверкали глазами на всех вокруг.

Ситуация, которая должна была стать хаосом во плоти, вместо этого выродилась в неизъяснимую релаксацию.

– Отлично, – подытожил я, расслабляясь сам, несмотря на то что ждало впереди. – Вот это я понимаю!

Пикси отыскиали себе насесты и принялись сплетничать. Они не ссорились и не беспокоили крыс. В норме, представься им хоть мизерный шанс, они бы накинулись на любую из них, едва завидев: жирная крыса могла составить главное блюдо на большом пиру.

Котят, впрочем, Синдж была не в силах контролировать. Несколько малышей выбрались из корзины с целью исследовать все вокруг – не тревожа при этом ни крыс, ни букашек-пикси. Для котят они были исключительно хорошо воспитаны.

Когда мы сворачивали на дорогу Чародея, снаружи мелькнуло знакомое лицо. Оно принадлежало тому самому человеку, которого мы с Морли имели несчастье изловить несколькими часами раньше. Он наблюдал за моим домом, подсвечивая себе фонарями под обоими глазами.

Эта встреча заставила меня занервничать. Если он наберется наглости выломать дверь, Покойник вряд ли сможет чем-нибудь ему помешать. Однако повернуть обратно я уже не мог. Приходилось довериться течению событий – позиция, вызывавшая у меня сомнения даже в лучшие времена.

Моя соседка миссис Кардонлос работает на полицию. И возможно, является подругой мистера Дила Шустера, главы учреждения, которое на этой неделе называлось вроде Конфиденциальная комиссия по королевской безопасности. Для миссис Кардонлос главное удовольствие в жизни – шпионить за мной, воображая мою жизнь более волнующей, чем она есть на самом деле. Шустер платит ей небольшое жалованье.

Она наверняка выберется наружу, пока меня не будет. Самое интересное в моем доме происходит, когда меня там нет. Это время, когда глупость цветет пышным цветом. Это время, когда неподготовленные обнаруживают, что им следовало прежде получше разведать территорию.

Покойник любит позабавиться с любопытными взломщиками. С ними он может быть более жестоким, чем кошка с небьющейся мышью.

Но горе нам! Как раз сегодня он взял себе выходной, чтобы как следует вздремнуть.

– И что это за котята такие? – подивился я вслух.

С виду это были совершенно обычные серо-полосатые уличные бездельники – но не совсем. Они были какие-то странные. Однако, в конце концов, что я знаю о кошках? Только то, что люблю их больше, чем собак, за исключением, может быть, гончих и щенков чау-чау.

О удивительный день! И Синдж, и Джон Растяжка оба поняли, что от них не требуется отвечать! И та и другой явно ожидали от меня похвалы за сообразительность. Я кивнул им и поощрительно улыбнулся.

Кстати говоря, о пикси (хотя я о них и не говорил).

– Мелонди! Что с вами сегодня, вы чем-то отравились? Я никогда не слышал, чтобы вы вели себя так тихо.

Мисс Кадар подпорхнула ко мне, заложив несколько пьяный вираж. Она приземлилась на моей левой ладони, широко расставив ноги, уперев руки в бока и покачиваясь совсем не в такт движениям кареты.

– Ты что, напилась?

Пикси любят алкоголь.

– Ни капельки! – Она пошатнулась и плюхнулась на свою крошечную, но оттого не менее роскошную задницу.

– Ты напилась! – обвиняюще сказал я.

– Нисколько, – отрезала она и захихикала. – Я не знаю, что произошло. Когда мы залетали сюда, все было нормально!

Остальные пикси тоже были пьяны – по большей части даже пьянее, чем Мелонди Кадар.

Я оттолкнул любопытного котенка от одного из пикси-мужчин, который упал на пол кареты и лежал там на спине, время от времени издавая тихое гудение, словно опрокинутый вверх брюшком жук.

Все это было очень странно, но в тот момент проблема не стояла для меня и крысиного хвоста. Я чувствовал спокойствие и удовлетворенность. Совершенно не хотелось из-за чего-то волноваться. Впрочем, некоторые мои знакомые сказали бы, что в этом нет ничего нового.

Синдж и Джон Растяжка выглядели слегка озадаченными и сонными. То же относилось к крысам.

Я никогда не слышал о пьяном заклятии, но это еще не значило, что его не существует. Просто я до сих пор ни разу не попадал под его действие.

Пикси захрапели. Я начал ощущать мучительную потребность спеть гимн морской пехоты или что-либо в равной степени патриотическое. Такое не случается со мной, даже когда я сильно надираюсь. Во всяком случае, не часто.

Карета вздрогнула и резко остановилась. Какого черта? Вряд ли на улицах столь уж сильное движение... Хотя, конечно...

Лишь пара биений сердца отделяла меня от погружения в сон, когда Плеймет рывком распахнул дверцу:

– Приехали... Эй! Что с вами со всеми такое?

Я протянул ему руку. Он помог мне спуститься по ступенькам – элегантно, словно вел герцогиню. Добрый человек: он сделал то же самое для Джона Растяжки и Пулар Синдж, одновременно препятствуя котяткам выбраться наружу.

– А теперь вот что, – сказал он, ловко закрывая дверцу перед носом у пикси и котят. – Я останусь здесь, на этом самом месте. И если начнется заварушка, я войду внутрь и вытаску тебя оттуда.

Это многое говорило о Плеймете.

– Очень мило с твоей стороны, Плей. Мне будет спокойнее, если я буду знать, что в случае чего ты придешь на помощь.

Больше Плеймет ничего не успел сказать – его взгляд стал затуманиваться. Я же тем временем, наоборот, возвращался в сознание. Причем быстро.

Я приехал довольно рано, но, несмотря на это, несколько карет уже стояло перед зданием, выстроившись шеренгой. Возле каждой хлопотало нечто здоровенное, тупое и покрытое шрамами и вдобавок с целой коллекцией татуировок. Эти люди принялись с интересом рассматривать моих компаньонов и клетки с крысами.

– Собирай котят, Синдж.

Опьянение прошло, как не бывало.

– Ты хочешь взять их туда?

– Да, черт побери! Все будут от них в восторге.

Котятки вели себя совершенно не по-кошачьи. Они не сопротивлялись. Они позволили себя поймать, засунуть в корзинку и обернуть сверху плащом – теоретически для того, чтобы не дать им выбраться. Только пару из них пришлось ловить и засовывать обратно по второму разу.

– Сколько здесь этих чудовищ? – спросил я у Синдж.

Я никак не мог определить точно. Торопливые подсчеты на протяжении дня давали цифру от четырех до девяти. Поскольку даже мертвый кот способен устроить бардак в двух местах одновременно, я подозревал, что истинное число все-таки ближе к четырем.

– Пять или шесть, – ответила Синдж. – Трудно сказать, они почти одинаковой окраски. Ну да бог с ними. Во всяком случае, когда я вошел, большая часть была со мной.

Подходя к охранникам, проверявшим приглашения, я пытался понять, с чего я вдруг решил, что должен пойти, вооружившись корзинкой котят. Возможно, потому, что надеялся: никто не сможет сохранять воинственное настроение, если эта банда будет путаться у них под ногами.

– Слышь, чувак, – обратился ко мне охранник, – какого черта ты приволок с собой целую бадью кошек?

– Я подумал, вдруг кто-нибудь захочет взять себе одного. У меня их слишком много.

И, приветственно приподняв «бадью кошек», я вступил в двери Уайтфилд-холла.

12

Внутри, возле главного входа, за двумя столами, составленными буквой «Г», располагалась еще одна команда Белиндиных охранников. Умная девочка – она подобрала таких людей, которые не были ей ничем обязаны. Все это были наемники, и среди них был Плоскомордый Тарп. Я опознал также двух из троих его товарищей – Ориона Комстока и Джуна Николита. У обоих была в целом такая же репутация, как у Тарпа: абсолютно нейтральная.

– Гаррет.

– Мистер Тарп.

Я знал его многие годы, но никогда не мог вспомнить его настоящего имени. Да и не важно, он все равно предпочитает прозвище Плоскомордый.

– Хочешь что-нибудь заявить?

– А?

– Оружие. Любое оружие. Если оно у тебя есть, ты должен о нем заявить. Тебе не надо его сдавать – хотя мы бы предпочли, чтобы ты это сделал. И тогда Джун выдаст тебе вот такой замечательный платочек. Когда будешь уходить, забереешь свои причиндалы обратно.

Джун показал мне ярко-зеленый головной платок. У него под рукой была целая груда; на лице зияла ухмылка, открывавшая зубы того же оттенка.

– Тогда все будут видеть, что ты чист, – пояснил Плоскомордый.

– Можешь выдать мне платок. Вот все, что у меня есть: корзина котят.

Весьма примечательных котят. Какие-то они все же были не такие. Любой другой выводок к этому времени уже организовал бы несколько попыток побега.

Плоскомордый покосился на котят и поднял глаза на меня:

– Ты это серьезно?

– Серьезнее брюшного тифа!

Пора было двигаться – мне еще предстояло найти способ впустить Мелонди Кадар внутрь здания.

– Ты что, не прихватил даже свою трость с набалдашником? – не верил Тарп.

– Не-а. Ничего, кроме собственной пары голых рук.

Плоскомордый вздохнул:

– Ты можешь об этом пожалеть.

– Я служил в Королевской морской пехоте.

– Ну, это было давно... На, бери. – Он вручил мне желтый платок, хотя я ожидал, что Джун даст мне зеленый.

– Желтый?

– Это ничего не значит. Зеленые и желтые были самыми дешевыми.

– Что мешает кому-нибудь просто засунуть платок к себе в карман?

– Ничто не мешает. Только его полагается надевать.

Он махнул рукой, пропуская меня. Я пошел искать подходящее окно, которое можно было бы открыть. Приятели Плоскомордого за моей спиной принялись выражать сомнения в том, что я и есть тот самый знаменитый Гаррет.

Я все еще не закончил поиски, когда вдруг заметил жирную бурую крысу. Животное не поленилось приостановиться, чтобы подмигнуть мне.

Наконец я взломал одно окно, и Мелонди со своим роем ввалились внутрь, разлетевшись повсюду в поисках места, где бы укрыться. Никто не заметил их. Все были сосредоточены на скрежещущей тяни-толкательной деятельности по расстановке столов.

Я закрыл окно, прихватил корзинку и пошел высматривать хозяйку и виновника торжества. До меня доносился легкий топоток в простенках и под полами и гудение маленьких крыльев над головой. Я посмотрел назад: кто-то незнакомый продирался через заставу Плоскомордого. Похоже, Тарп действительно отнесся ко мне по-дружески: меня он так не обхлопывал. Впрочем, если бы я хотел тайком протащить что-нибудь, достаточно было спрятать это под грудой покорных котят.

Уайтфилд-холл явно сколотили с чисто прагматическими целями. Основную его часть составляло открытое пространство, на котором можно было танцевать, устраивать банкеты или торжественные приемы, ставить пьесы, делать что угодно, не обращая внимания на погоду. Особенно актуальны сейчас пьесы.

Театр в нашем городе популярен, это точно. Последний писк моды – драма.

Кроме того, мемориальная комиссия сдавала зал в аренду для частных мероприятий, таких как бракосочетания или празднование дней рождения отдельных личностей из низших слоев общества, игравших большую роль в жизни города.

Сейчас этот пол драили как могли, но он еще помнил поколения ног, обутых в грубые рабочие сапоги. Потолок был двадцать футов высотой. Там, наверху, были проделаны наклонные окна, чтобы проветривать помещение в летнее время – или когда в зал набивалось слишком много тел. В конце зала, в сотне футов напротив главного входа, располагалась сцена, на три фута выше, чем пол. Слева от нее была дверь, через которую рабочие, перебраниваясь, втаскивали столы.

Двое, руководившие расстановкой, должно быть, были избраны за приверженность к стереотипу. Их руки напоминали своей вялостью шупальца дохлого осьминога. Они беспрестанно шпыняли друг друга, словно пара безмозглых девиц. Впрочем, в наши дни вряд ли найдется взрослый мужчина, который не строил бы из себя крутого, – каждый в возрасте старше двадцати четырех получил необходимые навыки, пройдя пять лет военной службы и сумев вернуться живым. Включая и эту крикливую парочку.

Парни, которые делали саму работу, были не того сорта, кого допустимо оскорблять безнаказанно. На всю их ораву едва ли можно было насчитать хотя бы половину шеи. Если бы с них капризным порывом ветра содрало рубашки, на телах обнаружилось бы больше волос, чем у пещерных медведей. При этом, скорее всего, у них возникли бы трудности с опознанием написанных на бумаге собственных имен, даже если бы им дали две недели на подготовку.

Наша хозяйка осуществила свой выход через дверь справа от сцены, ведущую в кухонные помещения. Она еще не была одета для торжества.

– Гаррет, ты душка. Ты пришел раньше всех!

Странно. Мои глаза не сделали попытку вылезти на лоб. Я не принялся пускать слюни. Из моего рта не полился поток нечленораздельных звуков. Я по-прежнему помнил, что она смертельно опасна. Может быть, я наконец-то приобрел иммунитет? Давно бы пора.

Белинда Контагю была высокой и стройной, двадцати с чем-то лет, и настолько прекрасной, насколько может быть прекрасной женщина. Ее абсолютно черные волосы были, как всегда, с матовым блеском. Кожу она выбелила бледнее слоновой кости – я только надеялся, что она использовала для этого грим, а не мышьяк. Ее глаза были такими голубыми, что я заподозрил вмешательство косметической магии, а губы – цвета артериальной крови. У нее имелись серьезные эмоциональные проблемы.

И все это еще до того, как она нарядилась к вечеру.

– Мне было необходимо прийти пораньше. Я слышал, здесь собираются показаться некоторые неприятные типы. Ты вроде бы похудела?

– Ты заметил! Хороший мальчик. Да, на несколько фунтов.

На слишком много фунтов, подумал я. Она выглядела истощенной. Еще одно проявление внутренних проблем?

Она была в благодушном настроении. Это всегда хорошо.

– Пойду верну Керона с Арно к их работе. Нельзя позволять им впутывать в дело свои личные разногласия...

Она чмокнула меня в щеку. Это был ее особый поцелуй, намекавший, что она с радостью поместила бы его в другое место.

– ...а потом мой технический персонал попытается превратить меня в нечто презентабельное.

– Ты и так ушла на пару шагов дальше этого.

– Вряд ли. Подожди, пока не увидишь. Ты не сможешь устоять!

– Иди делай, что тебе нужно. И не вини себя, если обнаружишь, что я превратился в старика.

– Зачем тебе корзина котят? Они мертвые? Кажется, нет – один только что мне подмигнул!

– Ты же знаешь Дина. Он притащил домой целый выводок. Я принес их сюда, потому что мне пришла безумная мысль, что кто-нибудь захочет взять себе одного.

Вот уж действительно сумасшедшая идея! Бесплатные котята нужны в основном скорнякам, изготовителям скрипок и тем персонажам, что околачиваются возле больших толп, продавая сосиски в тесте и прочие теоретически мясосодержащие продукты загадочного происхождения.

Белинда пожала плечами и взяла курс на двоих управляющих, пытавшихся расставить столы, исходя из двух различных планов. В одно мгновение перебранка затихла и больше не возродилась. Лица этих шутов сделались не менее бледными, чем у самой Белинды.

Бывают моменты, когда, глядя ей в глаза, ты понимаешь без тени сомнения, что находишься нос к носу с быстрой, безжалостной смертью. Не будет ни апелляций, ни отсрочек, ни помилования, ни смягчения приговора, ни пощады. Твоя душа или чувства эту смерть заботят не более, чем душа или чувства таракана.

У Чодо тоже была такая способность, но он иногда позволял себе редкие акты милосердия. Каждый из них со временем дал свои результаты.

Где же старик?

На мое плечо опустилась Мелонди Кадар:

– Блистаешь умом, словно свеча.

– Что я натворил на этот раз?

– Ты закрыл окно после того, как впустил нас внутрь! Нам же нужно летать туда и обратно – если, конечно, ты не рассчитываешь получать доклады от своего крысиного короля посредством божественного вдохновения.

– Ох! Да, конечно.

Эту часть сценария я не продумал. Впрочем, я не привык манипулировать подразделениями, требующими особого отношения.

– Я позабочусь об этом. Ты не видела здесь старика в модном инвалидном кресле, который выглядит так, словно уже умер?

– Нет. Может быть, крысы видели – они шныряют повсюду. Спроси Джона Растяжку.

– Я понимаю намеки.

– Правда? Ты меня удивляешь.

И это женщина? Причем молодая? Или я просто по жизни являюсь громоотводом для цинизма и сарказма?

Я приоткрыл то же окно на несколько дюймов и принялся бродить, пытаюсь угледеть преступление до того, как оно будет совершено. А также в надежде найти Чодо. Я хотел знать, что готовила для нас Белинда.

– Ты откроешь нам окно или нет, умник? – прожужжала над моим правым ухом Мелонди Кадар.

– Я уже сделал это, букашка. Ты же была там и сама все видела.

– Ах да... Действительно, я ведь была там! Ну что же, сейчас оно опять закрыто, парень. Алики Надкарни хочет попасть внутрь.

Она была права: какой-то дебил действительно закрыл окно. Я снова открыл его и направился в кухню.

Я не дошел: Мелонди принесла мне отчет подружки о том, что узнал от крыс Джон Растяжка. Эх, как было бы здорово обходиться без посредников как с крысиной стороны, так и со стороны пикси! Где бы мне по-быстрому взять несколько уроков разговорного крысиного?

Информация оказалась лучше, чем можно было ожидать. Она давала четкое представление о расстановке сил, включая более подробное, чем мне бы хотелось, описание ароматов, царивших в подвалах и в тех местах под зданием, где подвалов не было. Я узнал, где держали Чодо, – в темной кладовке чуть ли не под землей. Его заперли там, словно кузена-идиота, которого следовало убрать с глаз долой, дабы не смущать почтенное семейство.

Никто не обращал внимания на гостей, уже находившихся внутри здания. Тебя проверили – значит с тобой все в порядке. Я мог идти куда захочу.

Мелонди Кадар догнала меня на полпути к месту, где был спрятан Чодо:

– Окно опять закрыто, большой мальчик. Не хочешь что-нибудь с этим сделать? Например, заклинить раму?

Я поставил корзинку с котятками на землю:

– Подождите-ка здесь, ребята...

И как я мог подумать, что они останутся на месте?! Только потому, что их поведение было образцовым – с человеческой точки зрения. Опомнись, Гаррет! Кошек связывает с людьми лишь один аспект: какое значение в данный конкретный момент кошка придает находящимся в пределах доступности противопоставленным большому и указательному пальцам.

Я открыл окно и отступил на шаг, выжидая. Пикси носились взад и вперед. Крысы шныряли возле основания стены или шуршали внутри ее. Кроме меня, никто ничего не замечал.

Один из королей столоустановочных работ, проходя мимо, взглянул на окно:

– Какой козел все время его отворяет?

– Ну, допустим, я. И я сейчас не в самом снисходительном настроении. В следующий раз, если увижу это окно закрытым, я кого-нибудь из него выброшу. Вообразил картину?

На лице молодого человека появилось решительное выражение. На несколько мгновений.
– Холодно же адски...

Его воинственность быстро угасала. Я хотел было рекомендовать ему одно местечко, куда он мог бы пойти, если хотел согреться, но внезапно окно показалось мне не стоящим драки.

Один котенок мяукнул и принялся карабкаться по моей штанине. Даже когда эти гаврики совсем крохотные, коготки у них вполне острые.

– Что ты делаешь? Проклятье, так я и думал! Медовый месяц закончился.

В корзинке обнаружилась течь. Котята были повсюду. Штук тридцать или сорок, – во всяком случае, мне так показалось. Я напрягся, ожидая взрыва.

Взрыва не произошло. Никто не казался недовольным. Это были действительно странные котята – они никого не заставляли подпрыгивать от неожиданности или спотыкаться об них. Тощий маньяк, любитель закрытых окон, вернулся к своим столам. По-прежнему не ввязываясь в ссоры с партнером.

Я возобновил прерванную охоту за человеком, чей день рождения послужил поводом для сборища.

Стащив где-то свечу, я зажег ее и проскользнул в кладовку. Да, он был там – безвольно сидел в кресле на колесах. Выглядел лет на двадцать старше, чем был. Места здесь едва хватало для нас обоих и его кресла.

– Обстоятельства у нас не самые лучшие, – сказал я. – Но я обещал Харвестеру Темиску сделать все, что смогу. Этот парень – твой лучший друг.

Ну, это, конечно, вряд ли можно было сказать наверняка. Несколько лет в моем бизнесе и святого подтолкнули бы к циничным мыслям относительно побуждений монахинь. На свете слишком много людей, у которых нет и прыщика совести, чтобы замедлить их продвижение вперед.

Чодо не шевельнулся, не вздрогнул и ничем не выдал, что осознает мое присутствие.

Рядом мяукнул котенок. Я счел это благоприятным знаком. Однако тут же послышалось и торопливое шуршание – кто-то из крыс придерживался противоположного мнения.

– Хотел бы я найти способ выяснить, жив твой мозг или нет. Но мне вряд ли удастся вытащить тебя в такое место, где можно заняться этим вопросом.

Кстати, насчет мест: в кладовке погасла свеча. Чтобы снова зажечь ее, я вышел за дверь, где было довольно светло. Кто-то поспешно проковылял мимо, переваливаясь с ноги на ногу, с большим котлом в руках.

– Пахнет неплохо, – сказал я ему вслед.

Он потопал дальше, храня гробовое молчание. Кажется, он был не согласен.

13

Начался новый всплеск суеты: прибыла команда, поставлявшая еду. У нас с Чодо осталось совсем немного времени. Я нырнул обратно в кладовку.

– Ты все-таки не уликнул, хотя у тебя был шанс!

Чодо по-прежнему не подавал никаких признаков жизни, только дышал. Это было хорошо. Очень хорошо, потому что – совершенно внезапно – меня охватило зловещее предчувствие.

Что-то было не так. И я не мог понять, что это значит. Не мог вычислить, что именно не так.

Я опустился перед Чодо на колени, чтобы смотреть ему в глаза. Они были открыты. Они моргали. Но не видели ничего. Их моргание не передавало мне никаких секретных посланий. Я сказал ему, чтобы он моргнул один раз, если хочет ответить «да», и два – если «нет», и начал задавать вопросы. Он моргал «да» – но без всякой системы.

Да полно, действительно ли его мозг был еще жив? Темиск думал, что это так, но я не видел никаких доказательств. Если бы я только мог упрятать его в надежное место, где можно было бы спокойно проводить исследования и ставить эксперименты! Или забрать его к себе домой и оставить рядом с Покойником. Рано или поздно придет же день, когда Мешок с костями проснется!

Окрик в ухо не дал особых результатов. Мне пора было возвращаться к работе. Впрочем... еще один, последний эксперимент. Просто чтобы выяснить, чувствует ли Чодо что-нибудь.

– Ничего личного, шеф... – Я поднес пламя свечи к тыльной стороне его левого запястья.

В кладовой запахло паленым. Чодо не реагировал. Я мог бы поджарить его целиком, если бы захотел.

Рядом послышались голоса, так близко, что почти можно было разобрать слова.

Свеча потухла – хлоп! – внезапно, без всякого дуновения.

Из кухни раздался вопль.

– Прости, босс, мне пора.

В нос ударил запах паленого волоса и горелого мяса. Войдя в помещение для мытья посуды, я обнаружил людей, столпившихся вокруг дымящейся крысы. Однако вопли доносились из самой кухни. Голоса выкрикивали указания того рода, какие даются в экстремальной ситуации, когда никто не знает, что надо делать, но каждый хочет, чтобы кто-нибудь что-нибудь сделал.

Запах горелого мяса здесь был сильнее. Я услышал потрескивание, словно жарился бекон.

В воздухе пронесся залп воды. Последняя волна докатилась до мысков моих ботинок и отступила. Потрескивание бекона стало тише.

Не смолкало подавленное бормотание. Среди присутствующих я опознал парней, которых Морли временно нанимал для работы на кухне.

– Прочь с дороги! – рявкнул я. – Если не в состоянии помочь, убирайтесь к черту! Так вы будете хоть чем-то полезны!

Я протиснулся сквозь толпу. Кто-то сохранил присутствие духа и набросил на незнакомую полную женщину мокрую скатерть. Двое окатывали ее водой. Она истошно вопила – каким-то образом под мокрыми тряпками все еще продолжала гореть. Шипение бекона исходило от нее. Впрочем, под вылитыми ведрами воды оно быстро теряло интенсивность.

Появился Морли:

– Что здесь происходит?

Я покачал головой, пожал плечами и подтолкнул пару ребят, которые предположительно должны были расставлять столы:

– Суньте ее в бадью, где охлаждаются бочонки с пивом. Только бочонки выньте.

Потрескивание бекона начиналось снова. Женщина кричала не переставая.

Ее как раз окунали в ледяную ванну, когда появилась Белинда Контагю. Женщина затихла, поскольку пламя наконец унялось. Однако боль будет длиться еще долгое время, если ожоги настолько сильные, как я подозревал.

– Что случилось? – спросила Белинда, подойдя к нам.

– Не знаю. Меня здесь не было, когда все началось. Похоже на то, что дама вдруг загорелась. – Я повысил голос. – Кто-нибудь видел, как это началось?

– Люди не могут загореться, Гаррет, – возразила Белинда, но не очень уверенно.

– Посмотри на нее и скажи, если я ошибся.

Женщину вытаскивали из ледяной ванны. Она была без сознания. Потрескивания больше не раздавались.

Низенький человек в переднике заговорил, нервно двигая руками:

– Я пришел сюда первым – услышал, как она закричала. Она быстро хлопала ладонями по самой себе. Я подумал, что на ней горит одежда, и замотал ее в мокрые скатерти.

Естественно. Никто не видел, как все началось. Может быть, печи? Это была та самая кухня, которая обслуживала банкет.

– Белинда, у тебя нет знакомого целителя? Потребуется повозиться, чтобы привести ее в порядок.

Тайная империя Контагью славится вниманием к рядовым членам. Те, кто верен боссу, могут не сомневаться, что он не бросит их, если они попадут в передрягу. Чодо инстинктивно понимал, что лояльность имеет две стороны. Он заботился о своих людях, а они заботились о нем. Белинда следовала его примеру.

– Я присмотрю, чтобы пострадавшей оказали помощь, – сказала она. – Так, а это еще что?

– Что?

– Кажется, я видела крысу!

– Ты ведь в городе, не забывай. Они еще никому не причинили вреда.

Белинда понемногу продвигалась к кладовке. Она хотела навестить отца, но не хотела, чтобы кто-нибудь это заметил.

Она вышла. Я не следил за ней: с обожженной женщины как раз снимали белье. Задача была непростой. Кусочки ткани въелись в кожу; обугленная материя играла роль фитиля, в котором выгорал подкожный жир.

Это было невероятно. И жутко. Но мы не могли отрицать то, что видели собственными глазами.

Обгоревшая женщина, по-видимому, чрезвычайно заинтересовала парочку котят – они постоянно подбегали, чтобы обнюхать и коснуться ее тела лапками.

Белинда вернулась.

– Какие будут распоряжения, что делать с дамой? – спросил я.

Она была в такой ярости, что казалось, готова грызть камни.

– Перевезти ее в «Бледсо», выяснить семейное положение – я не знаю... Почему я должна беспокоиться обо всей этой ерунде?

– Потому что это твой праздник. Потому что ты здесь главная. Потому что ты та, кого будут обвинять в случае чего.

Выпустив пар в приступе креативной лингвистики, Белинда требовательно спросила:

– Почему никто до сих пор ничего не сделал с этими крысами?

14

Я вернулся в главный зал. Там наблюдался некоторый прогресс. Пара дюжин гангстеров столпились по безопасную сторону от Плоскомордого Тарпа; двое младших товарищей, ответственных за расстановку столов, припахали их к работе.

Щель в приоткрытом окне оставалась нетронутой. Не прошло и секунды, как мое плечо уже украшала пикси.

– Какие новости, Мелонди?

– Что-то здесь происходит, это точно. Твоя вампирша, возможно, еще не самый худший из интриганов.

– Вот как?

– Я узнала это от Синдж. А она – от Джона Растяжки, который услышал это от своих крыс. Длинная цепочка, в которой полно слабых звеньев.

– Ты, похоже, начинаешь философствовать?

– Я начинаю тревожиться. Общее мнение таково, что кое-кто может не дожить до конца праздника.

– Правда?

– А что, похоже, что я все это придумала?

– Когда во главе стоял отец Белинды, он обычно устраивал сборища, на которых улаживал разногласия между боссами соседних участков. У него неплохо получалось. От тех низших боссов, кто мог впоследствии стать источником неприятностей, он просто избавлялся. Вбивал им голову в грудную клетку кентаврской боевой палицей.

Ко мне подошел второстепенный гангстер по имени Щур Вролет:

– С кем это ты разговариваешь, Гаррет?

На его лице было извечное подозрительное выражение – как у человека, слишком недалекого, чтобы полностью уяснить себе картину. Впрочем, дань со своей территории он собирал честно и исправно. Он получил участок от кузена, Зеленого Боба Рактика. Зеленый Боб убил двух зайцев одним болваном: нашел родственнику работу и одновременно отдал участок в руки человека, у которого не хватило бы ума снимать пенку для себя.

Щур Вролет не обладал достаточным воображением даже для того, чтобы извлекать выгоду из факта, что он является известным гангстером.

– Я говорю, Щур, сам с собой. Тот, кому это нужно, меня слушает.

Щур прищурился – это был его фирменный прием.

– Ну ладно. С тобой ведь больше нет этого чертова попугая? Эльфы выманили его у тебя! Они тебя надули!

– Кто-то кого-то надул, это точно, Щур. Итак, какое у тебя задание на сегодня? Это правда, что Чодо собирается отойти от дел и оставить предприятие на дочь?

– Никогда не слышал о таком, – вытаращился Щур. – Ну ладно, рад был поболтать, Гаррет, но мне нужно повидаться кое с кем по поводу собаки.

Однако вместо гардеробной он направился напрямик к кузену – Зеленому Бобу.

– Это было подло, Гаррет, – сказала Мелонди Кадар.

– Когда он вернется перепроверить, правильно ли все расслышал, я растолкую по-другому.

– Зачем ты над ним издеваешься?

– Не над ним. Моя цель – Зеленый Боб. Он будет уверен, что Щур услышал что-то важное, но информация извратилась по пути от его ушей до рта.

– Все равно это жестоко.

– Разве ты со мной так не поступала?

– Нет.

– Уверена?

– Конечно уверена. Я могу придумать более интересные способы мучить тебя. Например, заходит к тебе какая-нибудь из твоих милашек, скажем Тинни Тейт. Я проскальзываю в дом, выбираю нужный момент и шепчу в ухо этой рыжеволосой имя любой другой твоей подружки...

– Это не кажется мне забавным.

– Тебе не кажется. А вот я смеялась бы до икоты, пока бы крылья не отвалились! Вообще-то, Тинни слишком хороша для тебя... Эй! Ладно-ладно, мир! Я просто дразнилась. Шел бы ты лучше общаться с людьми, чтобы не произошло чего непредвиденного.

– Тебе неплохо бы заняться шантажом профессионально.

Вернулась Белинда. Она снова переделалась, на этот раз во что-то более деловое.

– Я отослала эту женщину в «Бледсо». От своего имени. Навестишь ее завтра? Надо удостовериться, что за ней там действительно будет уход.

– Конечно.

Значит, она все же рассчитывала на то, что у меня будет завтра. Приятно знать.

– Как думаешь, что там случилось? – спросила она.

- Не знаю. Никогда не видел ничего подобного.
 - По-твоему, происходит что-то необычное?
 - Это сарказм или просто вопрос?
 - Гаррет, не надо так, у меня сейчас не то настроение. Я чувствую, как все выходит из-под контроля еще до того, как началось.
 - Ну хорошо – да, здесь действительно происходит что-то необычное. Просто я думал, за этим стоишь ты.
 - И еще эти крысы повсюду... Не было ни одной, когда я осматривала это место. И твои котята – они, конечно, милые и дружелюбные, но все равно кошки есть кошки. Тебе не следовало их приносить. И клянусь, я краем глаза видела здесь пикси! Правда, когда всмотрелась, их уже не было.
- В этом квинтэссенция пикси: приносить людям больше раздражения, чем целый рой москитов.
- Прикрывай мне спину, Гаррет.
 - Я всегда это делаю.
 - С чего бы?
 - У тебя очень симпатичный вид сзади.
 - Ты настоящий мужлан, Гаррет! Но мне это нравится... наверное.
- Выждав с минуту, Мелонди Кадар принялась насмехаться:
- Симпатичный вид сзади? Надо же такое сказать! Неужели не мог придумать что-нибудь поинтереснее?
 - Да, я был не в ударе. Меня отвлекали. В ухо постоянно жужжала какая-то здоровенная глупая букашка. А перед глазами была красивая корма.
- Мисс Кадар куснула меня за упомянутое ухо:
- Тебе повезло, что я не твоего размера!

15

Празднование началось. Время шло, все катилось как по маслу. Наступила ночь, официанты Морли зажгли фитили, плавающие в маленьких шарообразных лампадках, расставленных на столах возле каждого места. Они разливали вино – «Танферское золотое», лучший из существующих в мире прокисших виноградных соков. Плохие парни посасывали его, расположившись поудобнее. И с каждой минутой становились все благодуще. Большинство собравшихся, казалось, сами были поражены тем, что так хорошо проводят время. Правда, каждый раз, когда кто-нибудь отпускал грязную шуточку, всеобщее изумление на минуту исчезало.

Меня удивило количество гостей. Прибыли не только все младшие боссы со своими заместителями, но даже Щур Вролет, Паук Уэбб и несколько дюжин других, совсем малозначительных рядовых криминального мира.

Однако это не имело значения. Все казались вполне довольными тем, что могут воздать почести своей императрице. Веселье становилось все более неудержимым, не делаясь разнуданным. Шум нарастал, но без физических последствий. Прибыла еда, вино лилось рекой. В параноидальных клетках моего мозга дудел и свистел целый оркестр сигнальных рожков.

Во всем собрании я один не хлестал вино – мне не по вкусу испорченный виноград. Пиво, эль, мед, портер – вот это для меня. Правда, пивовары, которые варят портер, имеют склонность добавлять туда слишком много всякой дребедени.

Морли Дотс в недоумении наблюдал за происходящим от двери, ведущей к кухням. Оттуда уже выносили больше напитков, чем еды.

Станет ли эта ночь подобием одного из празднеств в добрых старых вальхаллах, где люди напивались до бесчувствия и валились на устланный соломой пол? В лужи собственной блевотины. В окружении мелкого домашнего скота и отходов со стола.

Соломы здесь, правда, нет.

Плоскомордый со своей командой, сидевшие напротив, презрели виноградного демона, как и я. Мои друзья – крысы и пикси – также не сразу поддались пагубному влиянию, хотя не из-за недостатка усердия. Я слышал, как Мелонди Кадар бранила большой народ, этих скаредов, выхлеставших все «Танферское золотое» до последней унции.

Я вышел из-за стола и подобрался к Морли:

– Какие мысли, приятель?

– Если ты что-нибудь понимаешь, значит на две головы выше меня, – буркнул Морли. – Это напоминает один из тех храмов, где все курят и пьют, чтобы стать ближе к господу.

– Пожалуй. Они того и гляди вытащат аккордеоны. Вообще, что здесь происходит?

– Все, что я знаю, – это что надо снова посылать за вином. Ты только посмотри, они уже на ногах не стоят!

– Похоже, кровопролитие, которое мы себе навоображали, не состоится. А как мы подготовлены на случай, если это пронюхают ребята Шустера?

Для его шайки такое сборище было сладким сном, ставшим явью. Как получилось, что они до сих пор не окружили дом?

– О них не беспокойся, – отозвался Морли. – Лучше подумай о том, что еще Белинда припрятала в рукаве. Все это благолепие может быть частью ее замысла.

Тем временем хозяйка резвилась, как котенок, заигрывая с главными громилами – и держа котенка на коленях. Однако...

– Она ничего не пьет... Э нет, у меня новые ботинки, братан! – Я отпихнул ногой пристроившегося рядом пушистика. – Думаешь, она подсыпала что-нибудь в вино?

– Нет. Вино покупал я – у поставщиков, которых она не знает. Вино ни при чем. Если бы дело было в нем, они бы уже резали друг другу глотки.

Верно. К тому же иммунитета не было ни у кого – ни у пьющих, ни у непьющих.

– Это что-то в воздухе. Вино только усугубляет обстановку.

– Представь, что было бы, если бы сейчас появились танцовщицы.

– Да, тут бы и старые императоры покраснели от стыда! Смотри-ка, даже Белинда не смогла устоять.

В этот момент мисс Контагью разразилась взрывом взвизгивающего смеха и хлопнула по спине сидящего рядом Рори Скалдита. Сам Рори тоже ревел от восторга.

Этот тип был первым на очереди, кто мог бы предложить Белинде окунуться в речку в свинцовом купальнике: в глубине души Рори знал, что Чодо обошел его наследственные права, когда прибрал Организацию к своим рукам.

– Тебе лучше вернуться к работе – она сейчас подойдет, – предостерег я.

Морли сделал, как я сказал. Белинда тоже.

– Тебе надо чаще смеяться, женщина, – посоветовал я ей. – Ты гораздо привлекательнее, когда смеешься.

– А когда нет?

– Ты все равно привлекательна, – признал я нехотя, поскольку это уводило разговор от темы.

– Скажи-ка вот что, старый друг. Почему мне так весело?

– Если бы я знал секрет, я посоветовал бы партнерам по бизнесу бутылить его.

– Я серьезно, Гаррет.

– И я серьезно, Контагью. Может быть, кто-то подмешал полыни в бочонки с вином... Хочешь сказать, ты здесь ни при чем? Это не часть твоего дьявольского плана?

– Я польщена, но я этого не планировала. Нет. Ты сам знаешь, что я ожидала сегодня вечером более мрачных событий. Однако теперь я не могу заставить себя выполнить то, что задумала.

– Ну так продолжай вести дело вместе с отцом. Оставь партию плохой девочки до той поры, пока я окажусь на другом конце города. Изобрази что-нибудь, чтобы тебе не пришлось разыгрывать партию плохой девочки.

– Чего ты накурился?

– Я не курю. Но ведь могу немного помечтать?

– Только не сейчас. Сейчас ты мне нужен совершенно трезвый и бдительный. Я собираюсь показать им папу.

16

Мелонди Кадар тяжело плюхнулась на мое плечо. У нее наблюдались трудности с навигацией.

– Ты что, хлебнула «Золотого», букашка?

– Только самую капельку: они слишком внимательно следили. А я-то считала, что здесь затевается большая свара!

– Все так считали. Что нового?

– Снаружи назревают проблемы: вокруг околачиваются эти уроды, которые пытались вломиться в наш дом. Они явно ищут неприятностей.

– Что? Они здесь?

Слишком много загадок для одного вечера.

– Вот-вот.

– Но зачем им ввязываться в склоку с этой оравой?

– Гаррет, ни один из них не выглядит настолько сообразительным, чтобы надеть шляпу, когда идет дождь. Они понятия не имеют о том, что здесь происходит. Им плевать. А может, им было бы наплевать, даже если бы они и знали... Думаю, им нужен этот мальчик-девочка, – доверительно сообщила она. – Эта Пенни. Она тоже бродила поблизости. Похоже, они пришли сюда следом за ней.

– Это точно?

– Боюсь, мы не обратили должного внимания. Блэр и Расс разузнали, где можно добыть немного вина...

– Крысы-то хотя бы не пили? Или и они тоже?..

– Насчет маленьких – не знаю. Большие попробовали по глоточку-другому.

Мне захотелось зарычать и завывать, а потом пойти и как следует отшлепать Синдж. Но вместо этого я сказал:

– Мелонди, выберись наружу и присматривай там за развитием событий. Я пришлю помощь, если смогу.

Ей потребовалось три попытки, прежде чем она смогла подняться на уровень окна и вылететь через щель.

Тарп с товарищами уже затеяли собственную маленькую пьянку внутри большой. Я подошел к ним с дружественным визитом.

– Эй, Плоскомордый!

– Гаррет, братишка, снова ты не в настроении! Что случилось?

– Снаружи снова эти ребята в зеленых штанах. Явно напрашиваются на неприятности.

Боюсь, возницы могут не справиться с ними в одиночку.

– Ах ты, вонючий мешок с верблюжьим дерьмом...

Я покинул их слишком быстро, чтобы вполне насладиться списком моих кошмарных недостатков, который зачитывал Тарп. Я и так их все знал. Тинни постоянно держит меня в курсе.

К своему столу я вернулся как раз в тот момент, когда появился виновник торжества.

Белинда позаботилась о том, чтобы Чодо выглядел презентабельно. Он казался не столько недееспособным, сколько просто спящим в кресле. Впрочем, это впечатление продлилось недолго.

Тишина наполнила Уайтфилд-холл. Хотя слухи ходили давно, их игнорировали, поскольку Контагью крепко держали Организацию в своих руках. Но вот перед бандитами предстало доказательство того, что Чодо Контагью больше не является их боссом. Было очевидно, что он уже долгое время не управлял делами.

Его колени и ноги укрывало тщательно расправленное одеяло, поверх которого лежали костлявые руки, правая на левой. Обнаженные предплечья были лилового цвета, подбородок покоился на груди. Из рта текла нитка слюны.

На лицах собравшихся были написаны ужас и отвращение.

– Почетный гость, – провозгласила Белинда. – Мой отец – Чодо Контагью – празднует шестидесятилетний юбилей! Поднимем тост в честь человека, обеспечившего наше процветание!

Всеобщее потрясение несколько улеглось под грузом вина и хорошего настроения. Какой-то заводила разразился песней, другие подхватили. Кое-кто обсуждал, что это может означать для предприятия в целом. Я ловил обрывки разговоров. Некоторые увидели в случившемся шанс улучшить свое положение, но никак не могли сосредоточиться на этой задаче, хотя постоянно твердили, что надо попробовать.

Я был в десяти футах от Чодо, когда он вдруг возродился к жизни, хотя это и было едва заметно. Он приподнял подбородок на три дюйма – поистине геркулесовское усилие. По телу прошла дрожь. На мгновение его взгляд нашел меня.

Оказавшийся поблизости котенок сделал отчаянный прыжок по направлению к его коленям.

Зал накрыла тьма. Вдруг вверх взвились языки пламени: декоративные лампы разлетелись на кусочки, извергая горящее масло. Люди принялись молотить по одежде, пытаясь сбить огонь. Становилось жарко – в прямом и переносном смысле. Огонь разгорался, а вместе с ним разгоралась и паника.

Последнее в полной мере относилось к Белинде, которая кинулась бежать очертя голову. Случившееся определенно не входило в ее программу. Я поймал ее, схватив за локоть одной рукой, второй развернул кресло Чодо и потащил их в сторону кухни. Остальные бросились к главному входу.

Морли сразу же послал своих людей бороться с огнем. Он всегда сохраняет трезвый рассудок, какие бы неприятности на него ни сыпались. В таких ситуациях, когда даже короли преступного мира теряют контроль, Морли остается решительным, горделивым и спокойным.

Мимо нас прошмыгнул поток котят. Крысы тоже не сидели на месте. Над головой с гулом проносились пикси.

В кухне суматоха несколько поулеглась.

– Оставайся здесь, – сказал я Белинде. – Где твои телохранители?

– Хороший вопрос. Я как раз хотела его задать.

– Сейчас я их найду.

Это было загадкой – то, что они исчезли. Они должны были окружить Белинду кольцом, едва началось столпотворение.

Котята потянулись обратно в главный зал.

Белинда схватила меня за руку. На одно мгновение она стала испуганной маленькой девочкой – единственный способ, которым она может мной манипулировать.

Но затем в нее вновь вернулась женщина, стоявшая во главе Организации. Она схватила нож для разделки мяса.

– Будь осторожен.

– Сама не зевай. Не выходи отсюда, если не возникнет такой необходимости. Снаружи немного беспокойно.

Я последовал за котятками.

Пламя по-прежнему металось и ревели в дюжине мест; удалось потушить только небольшие очаги. Суматоха возле выхода закончилась. Лишь немногие из самых храбрых вернулись, чтобы помочь, хотя дело казалось совершенно безнадежным. Пыхавшие в зале языки огня отнюдь не собирались позволить каким-то смертным указывать им, что делать.

Я отыскал телохранителей Белинды: все полегли там, где их поставили. Они вовсе не бросили ее. Двое были мертвы и дымились, один просто мертв. Еще двое дымились, но были живы, без сознания и отчаянно нуждались в помощи. Я обнаружил еще нескольких бандитов в подобном же состоянии – живыми, но без сознания.

– Морли! Иди сюда. Здесь проблема посерьезнее, чем пожар.

Громили горели в точности таким же образом, как та женщина в кухне.

– Как бы нам вытащить их отсюда?

– Теодор! – отрывисто рявкнул Дотс. – Сходите с Бинсом наружу, посмотрите, нельзя ли там найти кого-нибудь в помощь.

Он одним прыжком приземлился возле меня:

– Это мерзко, Гаррет, просто мерзко. Попахивает колдовством.

Громили шкварчали и потрескивали.

– Не знаю... Бери за ноги.

Пыхтя и отдуваясь, мы дотащили одного горящего до ледяной ванны. Я напомнил Морли о своей встрече со Жнецом – Харвестером Темиском.

– Он имеет какое-то отношение ко всему этому? – спросил Дотс.

– Может быть. Вот только я не понимаю, куда его отнести: к причинам или к следствиям? К симптомам или к болезни?.. Давай на счет «три» – раз, два, три!

Ледяная вода плеснула через край; котенок, оказавшийся в луже, протестующе мяукнул и в негодовании прошествовал к выходу, встряхивая каждой лапкой перед тем, как опустить ее на пол.

Вслед за котенком мы вышли в главный зал. Там он вскочил в корзину, в которой я принес сюда весь выводок. Корзина уже была полна – другие котята аккуратно сидели в ней, положив лапы на край и озабоченно выглядывая наружу.

– Ищи тех, кто еще дышит, и вытаскивай их отсюда! – крикнул я Морли.

– Забирай своих котят и уходи, Гаррет, – сказал он мне. – Я сам справлюсь. Проклятье! Этот уже откинулся. Эй, Шарпс! Подсоби-ка.

Появилась Мелонди Кадар, закладывая еще худшие выражи, чем прежде.

– Гаррет, помоги мне, – прошептала она. – Я так набралась...

– Почему вообще ты снова здесь?

– Мне нужно вывести своих! – пискнула она.

– Сколько их здесь осталось? Пламя разгорается.

– Что же я хотела тебе сказать? Черт... Очень трудно думать в таком состоянии... Ах да! Тебе надо убираться отсюда. Стража уже близко. Это все из-за драки.

– Какой драки?

– Снаружи... Там ужас что. Мне надо уходить. Но я слишком набралась...

– Ладно, цепляйся за меня.

Морли с парнями появились в дверях, таща последнего из выживших телохранителей к ледяной ванне.

– Надо убираться, – предупредил я их. – Сюда идет Шустер.

Где он был до сих пор? Возможно, Белинда организовала для него какую-нибудь диверсию или вызывающую политическую акцию. Расистов Дил Шустер любил еще меньше, чем гангстеров.

С корзинкой в руках я ринулся в заднюю дверь. Настало время, когда каждый думал только о себе. Все кареты уже разъехались. На парковке оставался лишь ровный слой огромных безобразных тел – либо мертвых, либо без сознания. У них не оказалось друзей, которые помогли бы им убраться.

Морли растворился в ночи вместе со своими людьми, расстроенный тем, что его усилия пропали даром: оба телохранителя умерли в ледяной ванне.

Я казался себе добрым пастырем. Меня поражали котята, которые сами собрались в кучу, чтобы их поводырь с большей легкостью мог унести их подальше от опасности.

Мелонди Кадар начала храпеть, как сапожник, выдавая звонкие рулады. Я засунул ее в нагрудный карман.

17

Мне потребовалось немного времени, чтобы понять: меня кто-то преследует. Кто-то наделенный либо большим умением, либо магической поддержкой. Я никак не мог стряхнуть его; подстеречь преследователя мне тоже не удалось. Мелонди Кадар продолжала храпеть. Котяткам задержки в пути были не по душе – когда я попытался устроить засаду, они занервничали, а когда не захотел уходить, принялись попискивать.

– Вы что, ребята, голодные? – спросил я.

Ночь была тихой, а погода хорошей, несмотря на время года. Большая убывающая луна поднялась над крышами, высвечивая силуэты проносящихся в небе летучих мышей. Стоял легкий морозец, по небу несло обрывки пушистых облачков. Вряд ли летучим мышам удастся отыскать много насекомых: зима была не за горами.

Мелонди застонала и принялась хныкать.

– Ты сама виновата, букашка.

В отдалении весело пылал Уайтфилд-холл. Пикси выбралась из моего кармана и попробовала взлететь. Я поймал ее прежде, чем она рухнула на землю, и попытался снова упаковать. Такой вариант ее не устраивал. Вместо этого она поехала у меня на плече, но когда я остановился, чтобы прислушаться к звуку шагов, скользнула ко мне за пазуху. Когда ты настолько мал, телесное тепло теряется очень быстро.

– Не прыгай так, верзила! И держи своих котят подальше от меня.

Улицы выглядели пустынными, что было весьма необычно – Танфер кипит жизнью круглые сутки. Но меня это не беспокоило. Приятно, когда в воздухе не висит ощущение мрачной угрозы.

– Ну что, букашка, мы почти дома! И у меня есть идея. Не хочешь ли ты помочь мне поймать этого духа, который нас преследует?

– Моя голова! – простонала она. – Почему «нас», верзила?

– Ну хорошо, тебя. Потому что кто, во имя дьявола, станет гнаться за мной из-за корзинки с котятками?

– Ах ты, умник! Ну ладно, я слушаю. Только говори потише. Какой у тебя план?

План был таков: я закинул мою маленькую подружку на карниз, подальше от глаз, а сам пошел вперед. Дойдя до следующего перекрестка, я повернул направо, потом еще раз направо

и еще раз и топал вперед до тех пор, пока не подобрал свою дрожащую от холода помощницу с того же карниза.

– Тебе обязательно было останавливаться, чтобы выпить пива?

– Хныкалка. Я бы остановился, если бы увидел подходящее место. И вообще, мне уже поздно начинать. Итак, букашка, каково же страшное заклятие? Что за жуткий темный властелин с Холма выслеживает меня в ночных закоулках?

– Ты просто гад, Гаррет. Настоящая сволочь. Нет, ты гиперсволочь! Сорок фунтов дерьма, затолканные в десятифунтовый мешок вместо обычных двадцати.

– Зато я симпатичный. Все девушки меня любят.

– Наверное, они ненормальные – какие-нибудь небесные эльфы. Или крысы. Или троллихи, настолько мерзкие; что не могут найти себе парня с достаточно крепкими нервами.

– Ну уж это полная ерунда! – Действительно, троллихи за мной никогда не гонялись. – Ты просто дуешься, потому что слишком крохотная, чтобы насладиться особым очарованием Гаррета.

Интересно, а как тролли отличают мальчиков от девочек?

– Ты уверен, что ничего не выдумываешь, Гаррет? Я слышала про тебя совсем другое.

– Ого! Да мы остры, как жабий зуб! Давай, Мел, скажи наконец, кого я тащу у себя на хвосте? Пока мне не пришлось придумать, как превратить мои последние два волоска в крепкую петлю.

– Ага, ты больше не шутишь! Ну ладно. Это был тот мальчик-девочка. Или девочка-мальчик. Тот, кто принес тебе котят.

– Что? Пенни Мрак? Этот постреленок может следить за мной, не отставая и не давая себя поймать? В это трудно поверить.

– А вот мне совсем не трудно. Просто ты – это ты, у тебя такое самомнение... Встань лицом к лицу с фактами, здоровяк: на этот раз твоя магия не сработала.

– Я подумываю над тем, чтобы показать тебе настоящую магию Гаррета, букашка. Я знаю кое-какие фишки, кое-каких людей... Я могу устроить, чтобы тебя увеличили в размере.

– Ты не потянешь! У тебя будет сердечный приступ.

И дальше в том же духе. Мы двигались к югу, пока не дошли до дороги Чародея, затем повернули на запад по Макунадо-стрит. И вот наконец мы дома, снова дома, гип-гип-ура! Как раз вовремя, чтобы успеть спрятаться за дверь, пока до нее не добралась шайка исполненных благих намерений официальных лиц. Еще каких-нибудь полминуты – и они бы нас увидели.

В дверь принялись колошматить. Я выглянул в глазок, но не стал открывать. Мелонди Кадар хихикала и посмеивалась – ей было весело.

– Почему бы тебе не навестить своих? Мне нужно покормить котят.

Она не сделала бы это изнутри. У меня в свое время хватило соображения принять меры, чтобы пикси не могли привнести свою специфическую культуру в мою крепость.

Котята быстрым ручейком вытекли из корзинки и галопом понеслись на кухню. Я последовал за ними.

На кухне сидели Синдж и ее братец, каждый с кружкой пива в лапе. Содержимого стоявшего между ними большого блюда хватило бы человек на сорок.

– Где ты был? – спросила Синдж.

– Сегодня вечером мне пришлось поработать. А потом возвращался домой пешком, потому что мой экипаж превратился в тыкву, оставив меня тащить полную корзинку неблагодарных мяукалок; к тому же всю дорогу пришлось выслушивать жалобы самой брюзгливой в мире пикси по поводу того, что она слишком мала, чтобы быть моей подружкой.

После этих слов даже Джон Растяжка посмотрел на меня искоса. Мелонди звучно выпустила газы и принялась, пошатываясь, бродить кругами в поисках чего-нибудь маленького, чтобы послужить ей пивной кружкой.

Синдж покачала головой – совсем как человек.

– Хочешь есть?

– Крыса есть крыса! Все сводится к пище. Да, я съел бы сэндвич. На вечеринке у Чодо мне не удалось ничего перехватить.

Что за глупый прокол! Никогда не следует настолько сосредоточиваться на работе, чтобы забыть позвать на халяву.

Блюдо имело на борту дюжину жареных пирожков. Дин принес еще четыре, шипящие и брызгающие горячим маслом.

– Квадратные сладкие. У круглых внутри сосиска.

– Мм?

– Это эксперимент. Я ищу разнообразия.

Сосиски в тесте – не новость в моем доме; впрочем, на этот раз тесто было не бисквитным.

Мелонди оставила попытки найти себе кружку и принялась за квадратный пирожок размером с нее саму. Маленький народец должен есть больше нас – из-за того, что они все время летают.

Я попробовал сосиску в тесте.

– Вкусно! – промычал я с полным слюны ртом.

Дин нахмурился, не поддаваясь на лесть, и принес мне холодного светлого. Немного еды он оставил для котят.

– Синдж, – спросил я, – у тебя есть какие-нибудь мысли по поводу сегодняшнего вечера?

– Ну, если тебя не смущает умаление достоинств твоих соплеменников...

– Умаляй на здоровье. Главное, чтобы ты смогла поделиться какими-нибудь полезными наблюдениями.

– Полезными? Откуда? Мы с Джоном пошли с тобой и пытались помочь, но мы не понимаем, чего ты от нас хотел. Может быть, потому, что ты сам не очень ясно это представлял.

Нет, мне определенно нужно сменить окружение. Моя старая команда знает меня слишком хорошо.

– Дин, есть какие-нибудь признаки жизни Его Милости?

Было бы неплохо прогнать всю накопившуюся у меня информацию через объемистые мозги нашего Мешка с костями.

Я не настолько тупой, как прикидываюсь. Некоторые могут счесть это маловероятным, но у меня постоянно крутятся в голове по меньшей мере две мысли. Иногда даже три. Безнадёжно перепутанные друг с другом из-за общего знаменателя по имени я.

Ответ Дина был не особенно обнадеживающим.

– Нет, он по-прежнему бездействует. Как ни печально, еще не пришло время, когда можно будет освободить дом от останков.

– Ты слишком торопишься, – пропищала Мелонди Кадар. – В этой куче жира теплится еще с дюжину искорок.

– Ты можешь это узнать? – недоверчиво спросил я. – Ты можешь прочитать этот Мешок с тухлым мясом?

– Да, только для этого мне нужно выпить. И лучше чего-нибудь более существенного, чем эта бесцветная жидкость. Чего-нибудь с большим градусом.

– Градусом я тебя обеспечу, букашка. Ответь мне на один вопрос...

– Нет.

– Нет? Что – нет?

– Нет, верзила, я не могу читать его так, как ты хочешь. Все, что я могу, – это сказать, что он еще не ушел. Впрочем, он, возможно, подумывает о том, чтобы уйти.

– Что?

Я опрокинул еще одну кружку. Поскольку я поздно начал, приходилось спешить, чтобы догнать остальных.

Передо мной появилась новая запотевшая кружка. Мечта становилась явью: лился пивной дождь. Я окинул Дина подозрительным взглядом – если Дин подает на стол, всегда стоит быть осторожным. Он что-то замыслил и надеялся, что, если я наберусь как следует, это отвлечет меня от чего-то или заставит меня легче согласиться с чем-то. Опять.

Тем временем Джон Растяжка одним большим глотком загрузил в себя достойное восхищения количество пива.

– Вечер был интересным.

– Лучше выясни у него, что нам удалось узнать, прямо сейчас, – сказала мне Синдж. – Он не очень хорошо переносит алкоголь.

Я сосредоточил внимание на главаре крысиного криминального мира и выслушал его отчет. Однако все это имело для меня не много смысла, поскольку, как я понял, обычные крысы воспринимают окружающее в основном в терминах звуков и запахов.

Интересно.

Мелонди тоже не многое смогла доложить мне. Разве только то, что ей пока не удалось выудить достаточно сведений из своей когорты. Впрочем, она снова и снова обещала, что снабдит меня наилучшей информацией – как только протрезвеет...

Дин снова наполнил наши кружки. Он был доволен собой – все шло так, как он задумал. Мы все были сосредоточены на том, чтобы влить в себя как можно больше пива. Четвероногая мохнатая команда фокусировалась на наполнении кошачьих желудков. Никто не задавал Дину нежелательных вопросов.

Набив брюхо сосисками, хлебом и молоком, котята забрались обратно в корзину и тотчас заснули одной теплой мурлыкающей грудой.

Мы говорили до тех пор, пока не перестали понимать друг друга – исключая Дина. Старый зануда отправился давить матрас сразу же, как только покончил с готовкой.

18

Второе утро нисколько не походило на первое. Я проснулся в мерзком настроении, в голове стучали молотки. Мне необходимо было поговорить с Дином. Снижать расходы – это очень хорошо, но не путем же покупки дешевого поила! Только для того, чтобы он мог отправить в карман несколько лишних монет, которые, без сомнения, спустит потом на еду для убогих и сирых.

Я был первым, кто сошел вниз. Исключая Дина, разумеется, – но Дин уже ушел за покупками. Или за чем-нибудь другим. Еду он оставил на столе, рядом со страдающей развалиной Мелонди Кадар.

То, что осталось от Джона Растяжки, тоже должно было находиться где-то в доме.

Команда обломов из города уже была за работой, время от времени принимаясь колотить в дубовую дверь. Дверь упрямо отказывалась открываться. В конце концов они оставили попытки.

Законы меняются, а Шустер держится за них, как осьминог, – если подозревает, что ты все-таки можешь оказаться хорошим парнем. Те же, кто сотрудничает с темной стороной, все чаще выказывают тревожащую тенденцию исчезать. Тревожащую, разумеется, для плохих парней.

Люди приветствуют это, говоря, что тем, чья совесть чиста, волноваться нечего. Но только до тех пор, пока ребята Шустера не приходят к ним, поскольку они сделали нечто, что, по их здравому мнению, не являлось настоящим преступлением. Независимо от того, что говорит закон.

Давайте-ка посмотрим.

1. Абсолютная власть развращает абсолютно.
2. Дорога в ад вымощена благими намерениями.
3. Ни одно хорошее дело не остается безнаказанным.

Все это с успехом можно применить к Дилу Шустеру. Он действует, исходя только из лучших побуждений и из интересов народа.

Мне трудно винить этого человека. Временами. «Ему было нужно убить этих людей» – такой аргумент считается приемлемым перед судом. Директор Шустер будет в состоянии справиться с целой кучей свидетельских показаний, если его привлекут к ответу.

Я принялся за еду. Бисквиты с медом. Бисквиты со сливовым джемом. Оставшаяся с вечера сосиска, до которой не добрались котятка. Сладкие булочки с сосисками не очень хорошо себя чувствуют в желудке, когда они холодные.

Покончив с завтраком, я сгреб Мелонди в ладонь и пошел к выходу, чтобы передать тело ее народу.

Согласно неизменной и древней традиции, сперва я заглянул в дверной глазок.

Снаружи были люди. Большие, безобразные, волосатые. Зеленые штаны носил только один, остальные были инкогнито. Все до единого перебинтованы, у одного рука на перевязи, у другого нога в лубках. Этот и еще третий передвигались с помощью костылей. Однако, судя по всему, никто из них не пришел к заключению, что беспокоить меня – не очень хорошая идея.

Приятель Пенни Мрак. А что же с ней самой? Она растворилась в воздухе, словно клочок тумана, после того как Мелонди опознала ее.

Зеленые Штаны, по-видимому, пребывали еще в более мрачном настроении, чем я сам. Учитывая, в каком состоянии они были, когда я видел их в последний раз, я не мог не признать, что у них есть причины для недовольства.

Можете мне поверить, старого доброго Гаррета мгновенно охватила паранойя. Что эта команда делает возле моей двери?

Я пожал плечами. Беспокоиться не о чем. У меня в закромах тонна еды плюс запасной бочонок пива. У Дина есть целый взвод скромных племянниц, у которых он сможет остановиться, пока осада не будет снята, – если у него достанет ума заметить, что дом под наблюдением, и повернуть назад. А у меня между тем было бы время подумать. Каким образом я оказался втянут в эту переделку? Кроме того, я мог найти какой-нибудь способ разбудить Покойника.

Вернувшись в кухню, я заварил чай и пошел с кружкой к себе в кабинет. На лице Элеоноры было презрительно-насмешливое выражение.

– Похоже, ты тоже сегодня утром не в настроении?

Это замечание только выжало еще больше сока из лимона.

Кто-то забарабанил в дверь. Я не стал выяснять кто. Мне было вполне уютно с моими унылыми мыслями и мрачным настроением Элеоноры.

Я переходил от догадки к догадке, позволив себе пуститься в свободные ассоциации. Снадобье, которое я добавил в чай, несколько утихомирило наиболее тяжелые из молотков, стучавших в моей голове. Что же в действительности произошло в Уайтфилд-холле?

– Мяу!

По моей ноге взобрался котенок. Второй вспрыгнул в кресло для посетителей. Еще двое или трое принялись гоняться друг за другом по комнате, потом выбежали в коридор. Я погладил того, что угнезвился на моих коленях, почесал его за ухом, потом поднял и подверг тщательному осмотру.

Это был просто котенок. Правда, более мохнатый, чем обычные котятка. Может быть, его папаша был рысью.

– Что в тебе такого особенного, малыш? С какой стати эти отставшие от моды громилы охотятся за тобой?

Впрочем, так ли это? Над этим тоже стоило подумать.

Котенок не ответил. Он попросту отказывался решать за меня задачи! С какими только людьми – и животными – не приходится иметь дело на этой работе! Эх...

– Элеонора, а ты что думаешь? Все дело в котятках? Или, может быть, в корзинке, в которой они сюда прибыли?

Она ничего не могла мне сказать. Я чувствовал, что ее беспокоит моя тупость и неспособность понять настолько очевидные вещи.

Армейские инструкторы и сержанты вычислили меня довольно быстро. Им были известны все уловки, все когда-либо изобретенные способы жульничества и уваливания от работы еще задолго до того, как я появился в строю, прикидываясь более тупым, чем мешок с камнями. Однако в Танфере это действовало на большинство моих знакомых. Люди в этом городе видят только то, что хотят видеть.

Я стремлюсь оставаться недооцененным. По крайней мере, так я говорю себе.

– Здесь хорошо, – сказал я Элеоноре. – Могу сидеть вот так, откинувшись на спинку кресла, набрав полные колени котят, и дремать хоть весь вечер.

После чего буду гулять ночь напролет, поскольку не смогу заснуть. И кто-нибудь доложит об этом Тинни Тейт, которая считает, что имеет на меня права. И заявляет их. Равно как и наоборот. Однако я страдаю сильнейшим расстройством способности выполнять свои обязательства – во всяком случае, сильнейшим к западу от Морли Дотса. Морли является в этом смысле конкурентом международного класса.

Неодобрение Элеоноры сыпалось на меня, словно железный дождь. Мне необходимо было сделать три вещи. Первое: повидаться с Темиском. Второе: навестить «Бледсо». И наконец, поймать Пенни Мрак. Одновременно избегая встреч с головорезами Шустера и здоровяками в омерзительных штанах.

Звук раздался такой, словно саперы пустили в ход таран. Дверь упрямо держалась.

Возможно, это было все равно что ставить в покере на неполный стрит, но я верил, что Шустер откликнется, если Безобразные Штаны будут крутиться здесь слишком долго. Наверняка его люди уже присматривают за моим домом.

– Пожалуй, надо попробовать заставить наш Мешок встряхнуть своими костями. Еще одна попытка.

Элеонора отнеслась к моему заявлению с вполне понятным недоверием.

– Если будет нужно, я напушу в его комнату орду спятивших старух.

Покойник не испытывает большой потребности в общении с упрямым полом. И ему никогда не нравилось, что мое отношение к этому вопросу было прямо противоположным. Он был мертв в течение четырех сотен лет; он уже забыл все хорошее в этом мире.

Куча костей поступила в точности так, как я и предполагал, – то есть даже не пошевелилась.

Атака на парадную дверь ненадолго прекратилась, затем за дело взялся новый мерзавец.

Мои пикси начали терять терпение. Шквал их гнева объявил о себе хлопаньем множества маленьких крылышек – судя по звуку, с места снялось все гнездо.

Я вздохнул, зажег новую свечу для отпугивания насекомых и стал потихоньку продвигаться к выходу. Бормоча под нос, словно умалишенный, что бродят по улицам, спеша по невообразимо важным таинственным делам и обсуждая их сами с собой, я подошел к дверному глазку.

Снаружи хаос праздновал самозарождение всех божеств беспорядка и сумятицы из всей тысячи пантеонов, которыми заражен наш Танфер. Пикси, пикси были повсюду! Они атаковали всех больших людей без разбору.

Ищейки Шустера и их товарищи по путешествию уже прибыли, но пока выжидали, наблюдая, что из этого выйдет. Я не предоставлял им никаких оснований полагать, что мой дом не покинут много лет назад. Стража знала, что это не так, – но не собиралась заострять внимание на этом вопросе. Лишь у Зеленых Штанов хватало тупости, чтобы продолжать то, чем они занимались. Совершенно ясно, что им еще никто не намекнул насчет Покойника.

Я хихикнул, глядя, как эти громилы прыгают и уворачиваются от донимающих их пикси. Прямо танцевальный номер в музыкальной пьесе об армейском полевом госпитале!

Появился Дин. У старикана хватило здравого смысла остановиться поодаль.

Я заметил также Пенни Мрак – на той стороне улицы, слева и немного позади Дина. Большие парни не могли видеть ее – разве если бы тот, который стоял перед моей дверью, повернулся и начал искать ее взглядом. Ей очень хорошо удавалась роль зеваки.

Пикси уже изрядно искололи бандитов крошечными отравленными клинками – у буянов понемногу начали замедляться движения. Они попросту не могли переварить тот факт, что кто-то способен удержать их от осуществления задуманного. Йимбер, должно быть, странный город...

Заверещали свистки. Стража подтянулась ближе. Выждать дальше они не могли – мои соседи уже стали проявлять беспокойство. Не положено допускать такого ухудшения ситуации, чтобы свидетели начали причинять ущерб городскому имуществу. В данном же случае упомянутым имуществом была сама улица. Когда танферская толпа приходит в неистовство, она начинает выворачивать из мостовой булыжники в качестве боеприпасов. Большая заварушка может истребить уличное мощение в целом районе.

В итоге плохо державшиеся на ногах громилы не доставили ребятам Шустера особых проблем. Сложенные рядышком, словно бревна, готовые к сплаву на лесопилку, йимберцы оказались не столь многочисленны, как представлялось. Их было всего четверо.

Должно быть, некоторым удалось слинять.

19

Следующим, кто принялся колошматить в дверь, оказался мой старый знакомый. Я не был удивлен. Стоит только в моей жизни случиться чему-нибудь интересному, как тут же появляется полковник Уэстмен Туп, сочась официальными замечаниями.

Я открыл ему.

– Ты похож на стервятника, ты знаешь это?

Дверь распахнулась не полностью. Я мрачно осмотрел ее искореженную поверхность.

– Давай, Гаррет, выкладывай все начистоту, – удивил меня Туп.

– Ну что еще тебе нужно? – простонал я. – И почему Шустер позволяет своим недоумкам-переросткам приходить и доставать меня?

– У тебя, Гаррет, хорошо подвешен язык, – заверил меня добрый полковник. – Но на этот раз тебе не удастся забить мою голову подобным вздором.

– Это почему же? Все очень качественное, другого у меня не бывает. Если тебя интересуют испражнения высшего сорта...

– Заканчивай с болтовней. До сих пор ты был по большей части искренен со мной – то есть пока не попался на откровенной лжи. Когда-нибудь я тебя поймаю. А до тех пор просто останусь в уверенности, что ты страдаешь врожденной неспособностью говорить всю правду как она есть.

– Ты хочешь правды? Не может быть...

– Не трать силы понапрасну. Давай пройдем к тебе в кабинет: я был на ногах целый день. А пока идем, постарайся сочинить убедительную историю, почему эти громилы пытались вломиться к тебе в дом.

– Я не знаю. Такие вещи просто происходят – с некоторых пор это для меня все равно что плохая погода.

– Но у тебя есть хоть пара догадок? Ты не настолько глуп, как пытаешься показать.

– Мне, пожалуй, пора переезжать. Куда-нибудь в такое место, где каждый встречный не считает, что ему известно все, что происходит в моей голове.

– Хорошая мысль, приятель! Отправляйся с баржей вверх по реке и открой свою лавочку в Йимбере.

– Не понимаю...

– Отлично понимаешь. Все эти ребята – из Йимбера.

Будучи злодеем, каковым он меня считал, я не стал высказывать ничего из того, что мне было известно.

– Правда?

– Это десять здоровенных, безобразных, тупых громил в зеленых штанах плюс двое разводящих, которые выглядят как нормальные люди и направляют их действия. По крайней мере, мы так думаем. На данный момент у нас за решеткой сидят девять громил и один нормальный, хотя для того, чтобы заставить их объясниться, специалистам Дила понадобится время.

Итак, Шустер не стал никого отпускать. Наоборот, он установил наблюдение за моим домом, чтобы иметь возможность добавить в свою коллекцию еще несколько пар дурацких панталон.

На не поддающемся расшифровке лице полковника появилось выжидательное выражение. Я не видел причин не быть откровенным с единственным человеком, способным контролировать Дила Шустера.

– Мне самому неясно, из-за чего эта суматоха. Все началось с Дина – он принес домой ораву котят, а также с ребенка, которому они принадлежали. Я не успел как следует взглянуть на него, он сделал ноги. У Дина на этот счет целое представление с песнями и плясками о каких-то там жрицах и пророчествах. Если хочешь, попробуй выжать из него все, что сможешь, когда он объявится.

Туп хмыкнул. Это у нас с ним общее – вот эти полунечленораздельные звуки.

– Неужели действительно нет никаких идей? – спросил я. – Половина этих ребят была у вас в руках со вчерашнего дня.

– Они не много нам сказали. Пока что. Они слишком глупы, чтобы ассоциировать свое молчание с болью, которой подвергаются.

– Но у вас есть разводящий. Офицеры, как правило, не настолько... у-упс!

Туп гневно воззрился на меня – он сам был офицером.

– Еще раз у-упс, – проговорил я. – Я почувствовал себя настолько свободно, что забыл: ты же не из числа моих приятелей-сослуживцев с островов.

– Переезжай в деревню, Гаррет. Ты один смог бы удобрить целый округ.

– Таковы времена, в которые мы живем, – пожал я плечами.

Он не хотел покупать то, что я продавал ему практически даром.

– Не понимаю, полковник. Я всегда был искренен, с тех самых пор, как принц Руперт сделал тебя главным человеком в Аль-Харе. Однако ты никогда мне не веришь!

– Потому что ты никогда не говоришь мне всей правды, а только то, что, по твоему мнению, я и сам смогу сообразить.

– Итак, каковы же наши цели? – спросил я. – Ты тоже наполовину не так глуп, как пытаешься казаться. У тебя что-то на уме.

– Разумеется, но это не имеет большого отношения к этим психам.

– Мне нравится, как ты стараешься сделать так, чтобы я был счастлив, что родился там, где родился, именно в это время и в этом месте, когда жизнь хороша как никогда.

– Нет, ты мог бы удобрить не один округ!

– И все же...

– И все же я должен признаться, что испытываю некоторое любопытство относительно того, что произошло вчера вечером в Уайтфилд-холле.

– Здесь мы с тобой заодно, брат. Я знаю лишь то, что кто-то пытался спалить дом со мной внутри.

Я снабдил его слегка отредактированной версией события. Разумеется, основное он уже знал. Я опустил некоторые несущественные детали – вроде пикси, крыс, здоровья Чодо и самопроизвольно загоревшихся людей.

– Можешь задавать любые вопросы, какие пожелаешь. Не знаю, что все это означает; и не знаю, что должно было случиться. Я не могу объяснить даже того, что там действительно случилось. Возможно, ты слышал другое, но я присутствовал там лишь в профессиональном качестве.

– Не трать силы, Гаррет. Меня интересует только то, что ты смог разузнать о Большом Боссе.

Грязная игра. Этот человек, несомненно, не настолько глуп, как выглядит.

– Я видел его только один раз – перед тем, как начался пожар. Он был в инвалидной коляске и выглядел не очень здоровым. Я не слышал, чтобы он что-нибудь говорил. А потом все покатило к чертям. Бам! Лампы взорвались, горящее масло повсюду... Я драпал со всех ног.

Туп не был удовлетворен, но не имел ничего, чтобы ко мне придраться. Он уже сидел бы у меня на голове, если бы у него что-нибудь было.

– Пожар был подстроен, чтобы попытаться похитить Чодо?

– Мне это еще не приходило на ум. Позволь-ка подумать... За этим должен был стоять кто-то, кому наплевать, даже если бы он порешил всю Организацию!

Уэстмен Туп готов ухватиться за любой поворот разговора, чтобы добиться преимущества. Он никогда не открывает всего, что знает, хотя и сетует на подобное же отношение с моей стороны. Он не задает точных вопросов, давая вам право самому выбрать, что он имеет в виду. А следовательно, при разговоре с ним не следует забывать, что все, что он вам дает, – это новые и новые ярды крепкой веревки.

– Нет. Мишенью был не Чодо. Даже Шустер не стал бы устраивать из-за этого такую бучу. Мне кажется, пожар начался из-за колдовства. А может быть, из-за чего-нибудь еще.

– Этому нет очевидных доказательств, наши эксперты проверяли. – Туп сердито посмотрел на Элеонору. – У тебя можно как-нибудь выкупить эту штуковину?

– Элеонору? Нет, конечно. Зачем?

– На ней какое-то заклятие, у меня от нее мурашки по коже. Я знаю один камин, с которым буду рад ее познакомить.

– Сэр, вы оскорбляете мою первую любовь.

Вероятно, он еще не слышал эту историю.

– А где Чодо сейчас?

– Понятия не имею. Наверное, там же, где Белинда.

– Возможно. А возможно, она тоже потеряла его след.

– Что?!

Этого не могло быть. Это было бы очень плохо – особенно для Белинды. Однако она не выставила бы Чодо на всеобщее обозрение, если бы не была уверена, что держит все под контролем.

– Ты знаешь, где она может быть?

– У себя дома?

– Если так, ей пришлось лететь туда по воздуху. Через городские ворота она не выезжала.

Моя губительная сторона подталкивала меня говорить с ним дальше – в разговоре он позволял себе ронять намеки касательно возможностей Стражи как с целью получения инфор-

мации, так и ее распространения. Было похоже, что Туп и Шустер имеют больше людских ресурсов, чем предполагалось. Из чего можно было сделать вывод...

Впрочем, любой вывод подразумевает что-то еще. На этот раз индикаторы указывали на возможное серьезное нарушение закона и порядка – каковые рухнут, как только перестанут удовлетворять наиболее значительных из королевских подданных. Привилегии всегда означают приватизацию закона.

– Тебе уже известно все, что я знаю, полковник. Честно. В этом деле мне нечего защищать, не считая моей бедной входной двери.

– Я слышал слухи насчет тебя и Белинды Контагью.

– Я тоже слышал. Она сама их распустила. Это неправда. – Я вскинул голову, словно прислушиваясь к голосу, который мог слышать только я; как будто Покойник что-то говорил мне, не включая в разговор Тупа. – Да, точно подмечено... Ладно, мне еще нужно кое-что сделать. Теперь я наконец-то могу выйти наружу, не опасаясь быть съеденным драконами... Дин! Отлично, ты дома!

Старикан замаячил в дверях кабинета. У него был недовольный вид.

– Нужно связаться с дверным мастером, – сказал я. – Эти идиоты погнули петли.

Дин мрачно взглянул на полковника Тупа и поволок свою добычу на кухню. Он вообще относится к Уэстмену Тупу неодобрительно: уже само то, что Туп занимает своеобразную профессиональную нишу, подразумевает, что налицо какие-то неурядицы, а Дин предпочел бы жить в мире, где закон и порядок были установлены до его прибытия.

– Вижу, ты не хочешь мне помочь, – проговорил Туп.

– Я рассказал все, что знаю. Включая такие нюансы, которые у меня нет никаких причин вываливать. Чего еще от меня нужно?

– Надеюсь, это правда.

Туп направился к выходу. Я следовал за ним.

– Ты хороший парень, Гаррет, – сказал он. – Мне бы не хотелось, чтобы ты завяз настолько глубоко, чтобы мы не смогли спасти тебя, когда настанут большие перемены.

– Что это значит?

– Эра хаоса, Гаррет, близится к концу. Мы много поработали, чтобы сделать то, чего желал от нас принц Руперт. На горизонте эпоха власти закона.

Я понятия не имел, что все это значило, но звучало пугающе. Я сам обеими руками за закон и порядок – но не хочу, чтобы ответственные за это люди вмешивались в мою жизнь.

Однако сказал я другое:

– Ты слишком оптимистичен. Представь, насколько безрадостной будет жизнь, если те, кто стоит за вашим жестким курсом, получают все, чего хотят.

– Разве это будет не замечательно? – расцвел Туп.

До него не дошло. И никогда не дойдет. Вот такие, как он, и делают жизнь неудобной для всех остальных.

– Ты дашь мне знать, если удастся что-нибудь вытянуть из этих парней?

– Лучше бы тебе не напрашиваться на одолжения с моей стороны.

– Не рви мне сердце! Я действительно очень хочу знать, как получилось, что эти идиоты ходят в таких дурацких зеленых панталонах?

Туп, усмехнувшись, вышел.

Я закрыл за ним. Дверь встала на место без особых затруднений. Крепость Гаррета осталась целой и почти невредимой.

– Дин, я уйду. Мне нужно еще кое-что сделать.

В голове уже рисовался маршрут: заведение Морли, офис Темиска, а затем «Бледсо» – следовало проведать обгоревшую женщину.

– Ваша трость с вами?

– Что?

Его вопрос застал меня врасплох.

– Разве вам не стоит подготовиться к худшему? Учитывая недавние события?

Я уставился на него. Это было не в его характере. Однако он был прав, хотя не знал даже половины. В Уайтфилд-холле меня видело много людей, и некоторые могли решить, что я играл в паре с Белиндой.

В итоге я нагрузился разнообразными приспособлениями для самозащиты, даже из числа активно не одобряемых городской Стражей.

Ребята в «Пальмах» были не рады видеть меня – но не стали вытаскивать ножи для разделки мяса. Как ни удивительно, я застал Морли за работой второй день подряд.

– Что это с ним? – спросил я Рохлю. – У него проблемы?

Лицо Рохли расплылось в широкой безобразной щербатой ухмылке.

– Крутится здесь внизу, только путается под ногами. Не хочет идти наверх...

Я вопросительно поднял бровь.

– У него там наверху телочка. Из этих, как их... серебряных эльфов.

– А я-то гадал... – злорадно хихикнул я. – Привет, дружище! Пришел спросить: что думаешь о вчерашнем вечере?

Морли притащил мне стул:

– Садись. Рохля, скажи Скифу, чтобы принес нам чая. Только настоящего – моему другу не нравятся травки.

– Ты что, действительно пьешь травяной чай?

– Я подаю его. Ты не поверишь, чего только они не заказывают... До меня дошли слухи, что у тебя сегодня с утра уже было развлечение?

– Двойная доза. Сначала ко мне пытались вломиться Безобразные Штаны, а потом заглянул Туп. Хотел разузнать все обо всех.

– И ты рассказал ему?

– Правду, только правду и ничего, кроме правды! Я не знаю ничего ни о чем. В основном его интересовало, что случилось с Белиндой и Чодо после вечеринки. Пожар, драка и мертвецы ему были до фени.

– Лучше бы Белинде позаботиться о Чодо. До нас доходят штормовые предупреждения – кое-кто из низших боссов стали слишком амбициозными.

– Рори Скалдит?

– И Учитель Уайт.

Это было плохо. Впрочем, все они давно мечтают перерезать друг другу глотку. И Шустер поощрит их в этом, чем только сможет.

– Логично. Они выбрались оттуда живыми.

– Ты сказал, что Зеленые Штаны снова атаковали твой дом?

– Да. – (Ах я глупец, я так обрадовался возможности выйти наружу, что так и не получил обещанные отчеты Джона Растяжки и Мелонди Кадар!) – Их задержали люди Тупа. Он уверяет, что теперь у него под замком все, кроме двоих. И один из них прямо сейчас идет за мной.

– Мы позаботимся об этом.

– Тебе стоит на этот раз лучше подготовиться, чем вчера.

– Тот же самый парень?

– Вероятно.

– Не беспокойся, помощь уже спешит. И так, насчет вчерашнего вечера. Что там случилось?

– Ты же был там.

– Я следил за кухней, Гаррет, и ничего не видел.

– В таком случае ты видел столько же, сколько и я. Если не больше. При тебе ведь была вся твоя команда, и никто из них не слепой.

– Не сомневаюсь, это твоя вина, что все обернулось таким странным образом. Когда ты поблизости, странные вещи случаются постоянно.

– Это только из-за моего неудачного выбора друзей.

– Ты сам неудача для тех, кто подходит к тебе слишком близко! Так что там с Тупом и Чодо?

Я объяснил. Морли задумался.

– Была большая свалка. Кто-нибудь мог схватить Чодо – но ты бы услышал об этом от Белинды... Ей снова понадобится папочка Гаррет, чтобы спасти ее шкуру.

– Может быть.

– Хочешь совет, Гаррет? Держись от Белинды подальше. Не говоря уж о том, насколько грязным может стать это дело, но она вряд ли окажется в победителях.

Я отхлебнул чая, принесенного Скифом.

– Думаешь, они станут придерживаться традиций?

– Конечно станут. Организация состоит из самых консервативных людей, какие только живут на свете. Они не захотят, чтобы делами заправляла девчонка.

– Однако интересно, – вслух подумал я. – То, что произошло вчера, свалилось Белинде как снег на голову, но, похоже, никто из остальных тоже не ожидал, что все так обернется... Она не тупица. И у нее большая фора.

– И тем не менее она остается всего лишь женщиной.

– Говорю тебе, не надо ее недооценивать. Особенно если неожиданно заметишь, что ты стоишь между ней и кем-нибудь, кто ей не по нраву.

Он кивнул (сомневаюсь, что это было именно то, что он хотел сделать) и спросил:

– И куда ты направляешься отсюда?

– К Жнецу Темиску. А потом в «Бледсо».

– Ты что, можешь переносить это место?

– У меня нет претензий.

– Но это же передняя самого низкопробного из человеческих адов! Мурашки ползут по спине, только когда я думаю о нем! А уж подойти на такое расстояние, чтобы ощутить запах!..

Я промолчал. Танферские бедняки полностью зависят от этого кошмарного государства и получают от него мизерное медицинское обеспечение.

– Знаю, о чем ты думаешь, Гаррет. И мне на это наплевать. Ты же отлично понимаешь, куда ведет дорога, вымощенная благими намерениями.

21

За мной следили – как я уже говорил. Но теперь у меня появилась целая свита. Парень в зеленых штанах был только ближайшим и наиболее очевидным из хвостов. А также наименее искусным или же самым наивным. Он как будто думал, что я его не замечу, и при этом сам не замечал демонстрации за своей спиной. Каковую я вначале принял за команду Морли.

Используя несколько уловок, проделанных как бы случайно, я понял, что ошибался. Одним из преследователей был человек, работавший на Шустера. Другим был Паук Уэбб, вышибала из окружения Учителя Уайта, – второсортный многоцелевой бандит, которого Чодо

никогда не любил, но который всегда избегал перегибать палку настолько, чтобы его дело прикрыли.

Почему Уэбб и Учитель интересуются мной? Уайт был не настолько большой шишкой, чтобы метить на место Чодо. И знали ли члены моего фан-клуба друг о друге? Носителя штанов они видели все. Уэбб, кажется, не замечал людей Шустера – может быть, потому, что их было полдюжины, сменявших друг друга.

Я решил, что лучше пока забыть о Харвестере Темиске, и резко свернул в сторону «Бледсо». Пройдя кварталчик с узкими улицами, я быстро обогнул несколько углов и нырнул в церковь. Оказавшись там, взобрался на колокольню, откуда открывался вид на растущее смятение внизу.

Морли действительно послал за мной своих людей, включая самого себя. Они держались немного позади, наблюдая за происходящим. Поняв, что я исчез из виду, Морли сразу же поглядел на колокольню.

Стража отнеслась к моему исчезновению с меньшим спокойствием. Их немедленной реакцией было арестовать Паука Уэбба и носителя зеленых штанов. Паук сдался без сопротивления – он знал, что с гонцами Шустера связываться не стоит.

Когда я вышел из церкви, шестеро из находившихся снаружи были мертвы или покалечены. Зеленоштанник представлял собой тяжелый случай первой разновидности. Я порадовался, что мне не нравится зеленый цвет, – похоже, тайная полиция рассматривала зеленые штаны как стилистическую ошибку, наказуемую смертью. А вот Паук наверняка еще до темноты вернется на улицы – ведь он помог им завалить этого отморозка в уродливых панталонах.

Когда я подтягивался к «Бледсо», Морли нагнал меня и пошел рядом.

– Есть какие-нибудь теории? – спросил он.

– Не считая той, что уроженцы Йимбера сильны, но глупы?

– Это был грязный трюк, там, с колокольней.

– Я учился у мастера.

– Совесть не мучает?

Я заглянул внутрь себя:

– Знаешь... нет!

– Кажется, ты удивлен?

– Так и есть.

– Ты перешел в класс боссов с тех пор, как занялся этой своей фабрикой.

– О чем это ты?

– Потом объясню. Я тоже открываю новое предприятие. Это будет место, где психи смогут вываливать любую чепуху, которая забивает их дурацкие головы.

– У нас уже есть такое место – ступени Канцелярии.

– Больше нет. Шустер выживает их оттуда. Очевидно, никому не удастся сделать на этом деньги.

– Как это – не удастся? А продавцы сосисок? Крыс на палочке? Тот парень с темпурой из тарангула?

– А кто ее покупает?

– Не знаю. Кто-то покупает, иначе он не торчал бы там каждый день... Тьфу, мерзость какая!

Это не было реакцией на воспоминание о жареных пауках – просто мы уже подошли близко к «Бледсо», чтобы воспринимать ее звуки и запахи.

«Бледсо» – это ад, воплощенный в кирпиче. Те, кто отдает себя на милость больницы, как правило, находятся в самом отчаянном состоянии. Это означает, что они уже начали разлагаться. Окрестности «Бледсо» пропитаны запахами боли, гниющей плоти и глубочайшего

отчаяния. Те, кто живет поблизости, молятся о плохой погоде, которая смыла бы дождем и отнесла подальше эту вонь.

Доносившиеся до нас звуки были пением хора психов в палатах для душевнобольных – логове самых жутких и неизменных кошмаров «Бледсо».

Эти палаты действительно способствуют финансированию больницы. За несколько медяков вы можете сходить туда на экскурсию. Если вы добавите еще парочку медяков, вам выдадут палку, чтобы мучить психов. Вы можете даже взять напрокат наиболее эффектных безумцев для домашнего развлечения. Деньги – вот в чем все дело. Деньги и полное безразличие девяноста процентов населения.

«Бледсо» – благотворительная больница. Основные поступающие в нее средства исходят от семьи, которая поставляла императоров, прежде чем их сменили короли Каренты. В воображении этой единственной семьи империя по-прежнему жива, так что среди нас до сих пор встречаются императоры. Но они больше никого не интересуют – кроме распорядителей «Бледсо», поскольку дотации, присваиваемые ими, полностью зависят от членов императорской фамилии. «Бледсо» – самое коррумпированное учреждение в Танфере. Если директор Шустер когда-либо займется здешними паразитами, мы станем свидетелями поистине волнующих и захватывающих событий.

– Что за чертовщина здесь происходит? – поинтересовался я, останавливаясь, чтобы получше рассмотреть картину.

Вся передняя стена больницы была покрыта лесами. Каменщики, подносчики раствора и прочие работяги сновали как муравьи, отскабливая и подновляя фасад. Впрочем, их было не так уж много.

– Понятия не имею, – отозвался Морли. – Для меня это тоже что-то новое.

Здание уже несколько десятилетий требовало ремонта. Как вышло, что деньги, отпущенные на это, не были украдены? Я без труда мог вообразить, что кто-то пожертвовал деньги на восстановление корпуса, – но я ни за что не поверю, чтобы больничное начальство использовало эти средства на те цели, для которых они предназначались.

– Надо бы разобраться.

– Зачем?

– Э-э...

В его вопросе что-то было. Верно, это не та битва, в которую Гаррету следовало влетать на всем скаку в своих заржавленных, купленных из вторых рук доспехах. Гаррет пришел сюда, чтобы выглядеть грозным, внушать страх и обеспечить подопечной Белинды такой уход, какой только могли предоставить работники «Бледсо», когда изволили пошевелиться.

– Да, ты прав. Все мое время. Буду заниматься тем, ради чего пришел. Когда-нибудь Шустер доберется до этого места.

– Я, пожалуй, прогуляюсь с тобой. Меня привлекла здешняя архитектура.

В его голосе действительно звучала заинтересованность. Как у гангстера, удивленного тем, что кто-то начал что-то делать, не получив его разрешения.

Какой-то толстый дядя, лишенный растительности на голове, возымел намерение не пустить нас внутрь. Мне еще никогда прежде не приходилось вести споры с охранниками.

– Ты ведь шутишь, правда? – спросил его Морли. – Вряд ли ты на самом деле хочешь оказаться здесь следующим пациентом.

Подозреваю, что лысый дядя узнал Морли. Во всяком случае, он тут же убрался в сторону.

Следующим препятствием была регистратура. Там проблем не возникло – за стойкой сидел волонтер, причем женского пола. Элли Жаке. Это означало, что Морли понадобилось около тридцати семи секунд, после чего она была готова выпрыгнуть из-за своей стойки и начать пожирать его живьем. Она немедленно снабдила нас информацией насчет обгоревшей

женщины. Пациентку звали Бай Клакстон. Она получала наилучший уход, какой только больница была способна ей обеспечить. После того как Морли соорудил глазки, Элли призналась, что миссис Клакстон получала лучший уход, потому что докторам было известно имя Контагью.

Как правило, Контагью и Шустер добиваются результатов.

– А что такое творится снаружи? – спросил я.

Ответом мне был презрительный женский взгляд. Как я посмел вторгаться в романтическую интерлюдия?

Морли шепотом принес извинения: Гаррет – хороший мальчик. К тому же его тоже интересовал этот вопрос.

Скромная и давно вышедшая из девичьего возраста Элли была вне себя от готовности услужить.

– Это какое-то благотворительное общество, они решили привести здание в порядок. Но они не хотели давать нам деньги – все же не дураки, хотя по виду деревня деревней. Они настаивали на том, чтобы сделать все самим. Дирекция сопротивлялась, пока наконец не сошлись на том, что оплата будет производиться по факту выполненных работ...

Морли похлопал ресницами и высказал соответствующие ситуации обещания. Элли выразила готовность играть в любую игру по желанию Морли.

Деревня? Ну да. Консорциум законопослушных и удачливых бизнесменов из Йимбера. И так далее и тому подобное, и все в том же духе. Подобную чушь типа «мы с вами потом расплатимся» не воспримет всерьез никто, у кого достанет мозгов не вылезать из дому, когда идет дождь. Расплатимся? А что у них есть? Где они это возьмут?

– Почему бы тебе не навестить миссис Клакстон? – предложил Морли.

Это было напоминание о том, что у меня есть миссия. Он сиял лучом своего очарования служащую, которая тут же призналась, что она тоже миссис, но не делает из этого культа.

– Отлично, – сказал я. – Давай схожу проведаю ее, а ты побудь здесь.

– Просто замечательно, дружище.

Вкушая терапевтические ароматы «Бледсо», я ринулся по лестничным пролетам к одной из палат для VIP-персон. Мошенникам, которые заправляют больницей, хватает ума держать несколько таких наготове – на случай, если забредет какой-нибудь истекающий кровью обладатель кучи денег. Отец Белинды как-то раз воспользовался этим, когда был помоложе и еще попадал в подобные ситуации.

Врачи, лечившие Бай Клакстон, обнаружили свои обычно глубоко запрятанные способности, избавив ее от боли, и продолжали творить чудеса, чтобы уменьшить ущерб, причиненный телу ожогами. Почтение к имени Контагью заставило их даже привлечь к делу чародея, наделенного немалой целительской силой.

Не сомневаюсь, что они нашли ненавязчивый способ увеличить гонорары.

Бай не спала.

– Я вас помню. Вы пытались мне помочь.

– Верно. Мисс Контагью попросила проверить, хорошо ли о вас заботятся. И выяснить, не нужно ли что-нибудь.

– Что вы, да за мной ухаживают, как за принцессой! Они же все до дрожи боятся того, что с ними станет, если они этого не сделают!

– Вам это не нравится?

– Конечно нравится! Я подумываю, не осесть ли мне здесь и дальше. Я, мать их за ногу, не собираюсь, чтобы моя задница стала каким-то символом для тех... кто считает, что правящий класс...

По-видимому, ее накачали снотворным, как только я появился внизу лестницы, просто на всякий случай. Она продолжала бормотать все более неразборчиво, пока не затихла совсем.

– Белинда внушила им страх господень, – сообщил я Морли, когда мы вышли из больницы. – А у тебя как, все нормально?

– Чего только не вынесешь ради дружбы.

– Готов поспорить, она уже жарит тебе хороший двухфунтовый бифштекс!.. Как думаешь, чем на самом деле заняты эти идиоты?

Мы остановились понаблюдать за людьми, работающими на бледном унылом лице «Бледсо».

– Похоже, вытаскивают гнилые кирпичи и вставляют на их место новые.

– Ничего подобного. Я был подручным каменщика около шести месяцев, еще до того, как пошел в морскую пехоту.

– Что? Ты оставил достойную карьеру ради того, чтобы жить паразитом на брюхе общества?

– Меня уволили. Я никак не мог им втолковать, что рабочий день не должен начинаться раньше полудня.

– Ну хорошо, значит, ты авторитет в области кладки кирпича. И что такое ты там видишь, чего не вижу я?

– Они чинят то, что не нуждается в ремонте. Эта стена вполне целая, здесь нужно только выскрести старый раствор и затолкать свежий. А они вместо этого делают в ней дырки.

Кое-где кирпичи оказались вынуты, образовав ниши.

– Да, действительно, теперь я тоже вижу, – согласился Морли.

– Кажется, твоя подружка говорила, что большинство рабочих сегодня не появились?

– Она говорила, что финансирование идет из Йимбера, это я помню.

– Почему бы тебе не заскочить обратно к ней и не выяснить, не отличались ли эти филантропы плохим вкусом по части штанов? А я пока пообщаюсь с парнями.

Дотс скорчил кислую мину, но пошел. У него были свои счета с Безобразными Штанами.

Я приблизился к подносчику раствора, пацану лет пятнадцати, который, судя по виду, разделял мое юношеское отсутствие энтузиазма в отношении карабканья по приставным лестницам с тяжелыми подносами кирпича или раствора.

– Не могу понять, что они там такое делают наверху? – Мне удалось вложить в эту фразу нужную долю наивного удивления.

Помешкав мгновение, чтобы решить, заслуживает ли незнакомец внимания, пацан буркнул:

– Просто расшивают швы и заменяют старые кирпичи.

Танфер почти полностью построен из кирпича. Здесь любой хоть что-нибудь да знает о ремонте кирпичных зданий.

– Это я понял. Мне доводилось заниматься такой же работой в твоем возрасте – пару сотен лет назад. Но я никогда не видел, чтобы из стены вынимали хорошие кирпичи.

– А, вы об этом... Они делают ниши. Обычно здесь работает больше народу. Ставят внутрь эти металлические штуки, а потом снова закладывают кирпичом. Вон, гляньте туда, в том месте уже около десятка законченных.

– А у тебя, значит, сегодня вроде как передышка?

Он засмеялся:

– Лучшего дня у меня не было с тех пор, как мы начали работу. Ой! Пора кончать трепаться, шеф хочет еще раствора.

Парнишка помешал раствор в стоящем рядом корыте, начерпал фунтов двадцать в лоток и принялся карабкаться по лестницам и подмосткам, словно мартышка. Потратив десять секунд на ненависть к нему за то, что он так молод, я подошел к месту, на которое пацан указал как на законченный образчик йимберского мастерства.

Это были явно не каменщики-профессионалы. Они не годились даже в подручные мастеров.

– Ты ясновидящий, – сказал Морли.

– Меня уже обвиняли во многих грехах. Почему бы и не в этом?

– Филантропы из Йимбера притащили с собой команду рабочих-добровольцев. И все до единого были в грязных зеленых клетчатых штанах.

Мой новый приятель по-паучьи спустился на землю, как раз чтобы услышать последние слова Морли.

– Это, случайно, не те ребята, которые сегодня не вышли на работу? – спросил я его.

– Они самые. Не сказал бы, что скучаю по ним, – никогда не видел такой банды бесполезных пустословов.

Я попытался выудить из него еще что-нибудь, но голос с верхушки лесов принялся орать какой-то бред насчет дуракаваляния и лодырничанья.

– Звучит очень похоже на того парня, который уволил меня лет пятнадцать назад, – сообщил я Морли.

– Это мой хозяин, – сказал парнишка. – Не беспокойтесь, он просто грозитя.

Тем не менее он принялся торопливо размешивать в корыте. А что поделаешь, иначе раствор встанет.

22

Морли казался озабоченным.

Я и сам был озабочен. Что же такое происходит в «Бледсо»?

Вот оно, пожалуйста: откровенно, как удар в рыло железным кулаком. Зеленые Штаны взяли на себя реставрационные работы с целью вмонтировать какие-то металлические штуковины в наружные стены «Бледсо»! Дин был уверен, что эта банда заявила в город, чтобы поймать Пенни Мрак с ее котятками. А что сказала бы сама Пенни, если на нее нажать как следует?

– Нам надо отловить эту девчонку, которая сбагрила Дину котят.

– Нам? Верить или нет, но у меня есть собственная жизнь и помимо роли твоего напарника. Учитывая, что в деле замешана Белинда Контагью, тебе стоит подумать о том, чтобы самому нести свое бремя.

– Уф!..

– Я только хотел сказать, что не испытываю потребности ловить то, что ищет тебя.

– О, парень, ты настоящий друг, кто бы мог подумать! Прямо как Рохля или Сарж, когда у них плохое настроение.

– Может, и так. Жизнь – несправедливая штука... Как я понимаю, ты теперь собираешься попытать счастья со Жнецом?

– Да.

– Что ж, удачи. А я, пожалуй, пойду домой, пока кто-нибудь из этих идиотов не спалил там все дотла.

С чего это он вдруг так заторопился?

Харвестер Темиск по-прежнему не показывался на поверхности. Тем не менее он начал интересоваться еще кое-кого, кроме меня. Мелкий гангстер, туповатый громила Уэлби Делл спал по ту сторону улицы напротив конторы Жнеца, в местечке, как нельзя более подходившем для засады и наблюдения. Делл был из клана Учителя Уайта. Будучи от природы разумным парнем, я не спеша прошагал мимо, не побеспокоив его сна.

За мной увязался хвост. Это был кто-то, кого я не знал. Ему было наплевать, заметил я его или нет, – следовательно, это гонец Шустера.

Я изменил курс и направился в Аль-Хар, где пожелал увидаться с полковником Тупом. Естественно, на низших бюрократических уровнях это было немислимо. Тогда я спросил директора Шустера – с идентичным результатом. Я не спеша потрусил домой, довольный самим собой, – теперь Туп не сможет обвинить меня в уклонении от гражданских обязанностей.

Дин был в муках творчества, сооружая цыплят с яблоками, запеченными в тесте. В хорошем настроении он может творить на кухне чудеса. Мелонди Кадар сидела на столе, по-прежнему мучаясь похмельем и ненавией весь свет. Синдж дулась на меня за то, что я исчез, не дождавшись отчета Джона Растяжки. Пока меня не было, ее брат ушел, вернулся и ушел опять.

У Дина было приподнятое настроение.

– Завтра придет мистер Малклар чинить дверь.

– Хорошо.

Я уселся за еду. Один котенок вскарабкался по моей ноге и свил себе гнездышко на коленях. Другие рыскали по кухне. Еще одного держала Синдж – судя по его самодовольной физиономии, он чувствовал себя здесь хозяином, а отнюдь не питомцем.

– Дин, нам надо поговорить о Пенни Мрак и этих котятках.

Неразборчивое бормотание.

– Дин, я серьезно. Из-за них начинаются конфликты. Погибают люди. Те парни, которые никак не могут оставить в покое нашу дверь, уже успели поссориться с людьми Белинды, бандой Морли и даже с ребятами Шустера. Причем не по разу. А когда не ищут драки, они занимаются внешней отделкой фасада «Бледсо». Какая здесь может быть связь?

– Лучше расскажите все по порядку. Возможно, я был слишком доверчив, – хмуро отозвался Дин.

– Да что ты говоришь! Такого ведь никогда не случилось прежде?

– Вовсе не обязательно быть таким ядовитым, – вмешалась Синдж.

Я подавил искушение указать ей, что имею на это право, и вкратце обрисовал ситуацию.

– Не думаю, что Стража захватила всю банду. Полковник Туп говорит, что было десять ребят в зеленом и еще двое командиров. Однако в «Бледсо» у меня возникло впечатление, что их больше.

Дин всосал в себя с галлон воздуха и медленно выпустил его.

– Все, что мне известно: эти люди служат А-Лафу, он вроде демона-бога. Его культ взял в Йимбере верх. Он очень агрессивен и нетерпим. Женский культ А-Лат был его главным соперником. Я уже пересказывал вам все, что услышал от Пенни.

– И поскольку она разыграла перед тобой большеглазую сиротку, ты проглотил всю эту историю, не поморщившись.

– Признаю. Но это еще не значит, что она солгала.

– И не значит также, что сказала правду. Как мы можем до нее добраться?

– Это зависит от нее, – пожал плечами Дин. – Не думаю, что она вернется сюда, после того как увидела Покойника. Он перепугал ее до смерти.

– Еще бы!

Мало кто хочет находиться рядом с Покойником, когда тот бодрствует, зная, что он собой представляет. Я и сам делаю это не без оговорок.

Но я продолжил допрос:

– А какие предположения насчет связи этих зеленоштанников с «Бледсо»? Они выложили кучу денег, чтобы им дали вмонтировать в стены какие-то металлические статуэтки.

На лице Дина было написано изумление.

– Понятия не имею. В первый раз слышу о чем-то подобном.

Синдж принесла мне кружку пива, напомнив этим, что у нас с ней есть и свои дела.

Она также проследила за тем, чтобы и угрюмой малышке Мелонди досталась маленькая чашечка. Она такая заботливая, моя подружка Пулар Синдж!

– Итак, о мой дражайший и меньший из младших партнеров. Что такого мне следует узнать, о чем мне никто до сих пор не позаботился сообщить?

Мелонди Кадар пропищала:

– Тебе следует знать, что твоя надменная манера держать себя нуждается в коренном пересмотре, верзила!

– Ого!

– Она завела речь о манерах только потому, что ее племя оказалось совершенно неспособным собрать полезную информацию, – проворчала Синдж. – Они были слишком заняты, таская со стола еду, вино, пиво, а заодно и мелкие ценности.

Это вызвало у Мелонди классический приступ негодования. Она брызгала слюной и неистовствовала минут восемь или десять. Главная ее проблема состояла в том, что Синдж была права: ее племя действительно продемонстрировало однозначное отсутствие дисциплины.

– Ты хотя бы имеешь представление о том, как начался пожар?

– Нет. Я была снаружи.

Она нарисовала яркую картину столкновения между Безобразными Штанами с одной стороны и Плейметом, Плоскомордым Тарпом и возницами разномастных повозок – с другой. Хорошие парни победили благодаря численному преимуществу – хотя Мелонди сочла иноземцев неповоротливыми, тупыми слабаками.

Без всякой видимой причины и к своему собственному удивлению, Дин внезапно провозгласил:

– Было уже темно, не так ли? А ведь А-Лат означает «Королева Ночи».

– Э-э... – промычал я. – Да, наверное, это будет полезно иметь в виду.

Не позволяя себя перещеголять, Синдж пообещала:

– Джон Растяжка снабдит тебя лучшим отчетом, как только соберет всех своих крыс.

– Было бы неплохо, – откликнулся я, не веря ей ни на секунду.

Крысы, побывавшие в Уайтфилд-холле, вряд ли будут способны восстановить в памяти все детали – учитывая, сколько времени прошло после того, как в их мозгах все перемешалось от ужаса.

– Ну ладно, у меня был тяжелый день, – пробурчал я напоследок. – А снаружи становится все опаснее. Лучше бы мне особо не напиваться... поэтому у меня такая стратегия: я буду пить и думать здесь, после того как вы все отправитесь на боковую.

Синдж наполнила мою кружку. Потом еще раз налила себе. Мелонди постучала по краешку своего сосуда, каковым служил костяной наперсток, доставшийся мне от матушки.

23

– К вам опять полковник Туп, – сообщил Дин.

– Мм?

– За дверь. Вы сами сказали открыть. Помните?

– Сэр, в моей памяти не сохранилось следов этого события.

Здесь я процитировал заявление, которое в последнее время часто приходилось слышать в Верховном суде. Корона неохотно рассматривала обвинения против наиболее отъявленных нарушителей спокойствия, что были замешаны в недавних беспорядках, связанных с ущемлением прав человека и преследованием расовых меньшинств. Обычная позиция адвоката Короны в отношении меньшинств была такова: они должны с самого начала ожидать, что

с ними будут обращаться как с меньшинствами, а если же им это не нравится, то им прежде всего вообще не следовало здесь появляться.

Дин провел полковника в мой кабинет, где я уже погрузился в светскую болтовню с Элеонорой на беглом подшофийском.

– Ты вообще когда-нибудь отдыхаешь? – спросил я у Тупа.

Он не женат и даже не помолвлен. Не относится он также и к другому типу. У него есть одна-единственная любовь. И она слепа. Туп ухаживает за ней очень-очень давно – надеюсь, что она и дальше будет оставаться слепой.

Когда-нибудь он пожалеет об этом.

– Э-э...

Его никогда не посещала мысль, что можно просто отойти в сторону и расслабиться.

– Сходил бы на рыбалку, – сказал я.

– Да как-то пробовал, мне не понравилось. Но если хочешь составить мне компанию...

– Намек понят, – одарил я его своей самой лучезарной улыбкой.

Для того чтобы пойти на рыбалку, необходимо выйти из города. А за городом кишмя кишат всяческие дикие насекомые, а также голодные твари, порой размером с дом... Я предпочитаю не ходить туда, если есть выбор. У меня было достаточно времени пообщаться с кровососами и плотоядными хищниками, пока служил в армии.

– Ты хотел чем-то со мной поделиться?

– Скорее надеялся, что это ты наконец раскроешь карты, – ответил Туп.

– Ну естественно. Ты надеялся, что я сделал за Шустера его работу и теперь, просто потому что я весь такой законопослушный, выложу ответы на все вопросы, над которыми ты ломаешь голову. Как будто у Шустера нет пары бригад головорезов, чтобы ишачить на него!

– Тонко подмечено, Гаррет. Но Дил не находится внутри всего этого. Он даже умудрился не обзавестись ни одним наблюдателем на том саммите, что Белинда Контагью собрала в Уайтфилд-холле.

Я продемонстрировал ему еще один ярд своей очаровательной улыбки.

– На твоём месте я бы поразмыслил и над этим тоже. Каким образом Белинде удалось обвести вокруг пальца всю Стражу? О чем вы только думали, когда с криками и воплями понеслись на южную окраину гоняться за кучкой психов, помешавшихся на правах человека? Да и были ли там психи?

– О да, целый парк, – сказал Туп, – они не ушли от нас. Обычная бюрократическая путаница: правая рука вовремя не проинформировала левую. Совершившие эту ошибку были переведены в патрульные танферского района Дно.

– И в следующий раз, когда я нанесу визит в Аль-Хар, на их местах будут сидеть их близнецы-братья.

– Ну что поделаешь, – кивнул Туп, пожав плечами, – такова человеческая природа. В Страже до сих пор есть люди, которые не прочь пополнить свой заработок, продавая внутреннюю информацию или оказывая мелкие услуги.

Он поник в кресле, словно обманутый любовник.

– Это хорошо, что ты можешь посмотреть правде в глаза.

– Ты прав, у нас в конторе многое оставляет желать лучшего. Но грядут перемены!

– Надеюсь, это так. Тебе удалось узнать что-нибудь интересное от ваших гостей в зеленом?

– О да! Они хотят спасти мир от Королевы Тьмы.

– Боже мой, скажите пожалуйста! И что это значит для нас, не ставших религиозными фанатиками?

– Не знаю. Мы ищем специалиста по йимберским культам и выясним, что здесь происходит на самом деле.

Вот почему я восхищаюсь Тупом: он понимает, что, когда в дело замешаны люди, не многое в действительности является тем, чем кажется на первый взгляд. Впрочем, никогда не ошибешься, если с самого начала предположишь худшее и будешь плясать оттуда.

Обуреваемый щедростью, я рассказал о неудачном визите в Аль-Хар.

– Они устанавливают статуэтки в стены «Бледсо»? – уточнил Туп.

– Уже нет, вы же почти всех их посадили под замок.

– Но зачем им это понадобилось?

– Лучше спроси об этом самого себя, потому что я понятия не имею.

Я почему-то сомневался, что громилы из Йимбера испытывали потребность в благотворительных деяниях. Старый циничный я.

– Все, иду на рыбалку. После разговора с тобой ничего больше не остается.

– Есть одна мысль, – сказал я. – Если предположить, что Зеленые Штаны – действительно какие-то религиозные гангстеры, тогда, может быть, то, что они затеяли в «Бледсо», имеет отношение к их религии?

Туп раскрыл рот: мой прорыв интуиции ошеломил его.

– Черт побери, Гаррет! Беру обратно все, что я о тебе говорил. Видимо, ты все же можешь найти собственные ноги без Покойника и Морли Дотса, которые показывали бы тебе, где искать. Пожалуй, тебе даже удастся пересчитать свои пальцы, не заручившись поддержкой со стороны.

– О! Острее змеиного жала жестокая зависть государственного мужа! Дин, принеси нам чая.

– Не стоит беспокоиться, я уже ухожу, ибо выяснил то, что мне было необходимо.

Здесь слышался некий зловещий подтекст.

– Мм?

Он не стал объяснять, оставив меня с растрепанными нервами. Что и было его целью.

– Вот тебе совет, Гаррет. Даже два: найди Харвестера Темиска прежде, чем это сделает кто-нибудь другой. А когда найдешь, держи его подальше от Организации.

– Мм? – Детектив Гаррет славится бурными потоками красноречия, а также тонкими блестящими репликами.

– У Дила есть друзья в низах. Среди гангстеров намечается новое веяние. Они все спрашивают себя: «Куда подевался Жнец?» Даже низшие боссы, не знающие толком, кто он такой, ищут Темиска – не хотят остаться позади всех. Пока что они недалеко продвинулись, поскольку все поголовно страдают от жесточайшего похмелья.

– Да уж, они пили так, словно это был их последний шанс надраться до самого Судного дня!

Я выбрался из кресла, намереваясь взять на себя обязанности гида, чтобы Туп не заблудился на обратном пути к входной двери. Он славился такой способностью.

– Ты не заметил, когда шел сюда, за моим домом никто не следил? – спросил я. – Не считая миссис Кардонлос и тупоумного взвода Стражи, базирующегося на ее территории?

– Тупоумного? Я уязвлен, сэр! Стража принимает в свои ряды только самые сливки из наиболее законопослушных граждан Танфера. – (Заметьте, он ничего не отрицал.) – Сказать по правде, Гаррет, я не обратил внимания. Это роскошь, которую мы теперь уже можем себе позволить.

– О чем ты говоришь?

– Мы можем позволить себе наплевать на то, что за нами кто-то наблюдает. И почему наблюдает. Это приходит от осознания, что ты делаешь свою работу достаточно хорошо, чтобы доверие к тебе людей, которые могут тебя уволить, было практически неисчерпаемым.

– Ого!

Вот это была гениальная мысль. Похоже, кому-то где-то очень нравилось, как со всем справляется Стража.

– Я пошлю ребят, пусть посмотрят под верандами и в переулках, – сказал Туп.

В ответ я молча приподнял бровь.

– Это часть нашей работы, Гаррет. Мы должны поддерживать порядок и защищать граждан.

С этими словами он шагнул в хаос, царивший на Макунадо-стрит.

Зачем он приходил? Что хотел выведать? И более тревожащая мысль: что затевали стоящие за ним люди теперь, когда война закончилась?

Вскоре после ухода полковника по окрестностям моего дома прошла волна, словно неожиданный порыв ветра в осиновой роще. Дюжина мужчин с короткими стрижками вытряхивали из кустов дюжину других, не столь откровенно официального вида. Единственным, кого я узнал, был Паук Уэбб.

Я вернулся к письменному столу, по-прежнему недоумеваю, что же удалось выяснить у меня Тупу.

За время моего отсутствия чашка снова наполнилась чаем. Волшебство, не иначе: я не слышал ни единого звука.

Я взял в руки яйцеобразный камень, которым некий образцовый экземпляр деревенского простодушия пытался пробить дыру в моем черепе. Сегодня его поверхность не показалась мне скользкой или жирной на ощупь. Он был словно теплым, живым. Просто держа его в руке, вертя в пальцах, я почувствовал, что расслабляюсь. И не заметил, как задремал.

24

Проснувшись, я побрел на кухню в поисках горячего.

Дин штопал носки; на плите медленно бурлил соус из помидоров, пряностей, чеснока и мелко накрошенного лука. Перед Дином стояла внушительных размеров кружка с вином, что было не в его характере. Он плеснул немного в соус. Ага, вот в чем дело.

Синдж вылакала столько пива, что ее мутило. Пора уже посылать за новым бочонком. Мелонди Кадар развезло до состояния желе. Она издавала звуки, отдаленно напоминавшие какой-то первобытный язык.

– Надо бы положить Мел в коробку и закрыть на ключ, пока она не просохнет, – сказал я.

Синдж фыркнула, почти булькнув, – на это стоило посмотреть. Похоже, ей было совсем не так плохо, как я подумал сначала.

Котятя резвились повсюду, я не мог уследить за ними.

– Откройте входную дверь, – обратился ко мне Дин, – я слишком занят.

Его слух был острее моего. Тот парень, похоже, промахнулся своей кувалдой.

Я был здесь единственным из прямоходящих, кто был способен самостоятельно передвигаться, так что я прихватил кружку и двинулся в южном направлении. После утомительного путешествия, преодолев долину и пройдя у подножия гор, я наконец очутился перед дверным глазком.

Роскошная, но совершенно измотанная голубоглазая брюнетка оккупировала мое крыльцо. Я был удивлен. Еще больше удивился, увидев, что снаружи уже стемнело. И еще более удивлен тем, что она появилась без телохранителей и без личной безобразной черной кареты. Рассталась она и со своим обычным имиджем начинающего вампира – сейчас у нее вообще не было никакого стиля. Это было нечто простонародное, потрепанное, домохозяйское, без всякого намека на шлюховатость.

Я открыл дверь. Вглядываясь в темноту за спиной гостыи, спросил:

– На новый прикид небось было угроблено немало труда?

– Именно. Ты не хочешь подвинуться, чтобы я смогла войти, пока меня кто-нибудь не заметил?

Я подвинулся. Белинда вошла внутрь.

– Ты одна? – Я привык видеть ее в окружении нескольких теней, напоминавших шерстистых носорогов, которых научили передвигаться на задних ногах.

– Со мной только я и мое одиночество. Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь догадался, что я – это я. Не говоря уже о том, что всю свою команду я потеряла при пожаре.

– Мм? – Это было главное слово моего сегодняшнего словаря.

– Ты хоть знаешь, сколько народу наблюдает за твоим домом?

– Имею представление. У меня больше трудностей с вопросом «почему». Мне казалось, они должны были уйти после того, как замели последнюю кучку этих вандалов, которые пытались выломать мою дверь.

– Понятия не имею, о чем ты там лопочешь. С деловой точки зрения я посоветовала бы тебе оглядываться через плечо двадцать пять часов в день и восемь дней в неделю.

– Мм?.. – Ну вот, опять!

– Гаррет, вокруг тебя постоянно происходит какая-то дичь. Непонятная дичь. Бредовая дичь. Ты притягиваешь ее, как лошадиный навоз – мух.

– Вот и ты залетела ко мне на огонек!

Булькающий взрыв смеха Мелонди в ответ на эту фразу напомнил мне, что почти все в сборе.

– Да, кстати, у нас тут на кухне вечеринка, так что проходи, – кивнул я.

Белинда нахмурилась.

В ней чего-то не хватало. В эмоциональном плане она вернулась на ту позицию, где была, когда я впервые ее встретил. Испуганная, прекрасная, безумная и по уши в проблемах. Сейчас, правда, не в таком раздрае, как тогда, но это была уже и не безжалостная Контагью, королева преступного мира.

– Пойдем, – сказал я. – Тебе надо расслабиться.

Возможно, это было не лучшей стратегией. Белинда не пользовалась особенной любовью ни у кого из сидевших на кухне – хотя Дин, наверное, считал наихудшим ее пороком именно то, что ей откровенно нравилось, когда ее видели со мной.

Синдж одарила меня укоризненным взглядом, который Белинда не заметила, поскольку не очень хорошо знала крысиный народ. Мелонди Кадар не внесла своей лепты: она уже находилась на полпути к угасанию. Котята Белинде обрадовались. Стоило ей опуститься в кресло, как ее сразу же осадил пятнадцать или двадцать пушистых хвостов. Я сгреб Мелонди с поверхности стола:

– Пожалуй, провожу-ка я Мел до дому, пока одно из этих созданий не забыло о хороших манерах.

Пикси вяло зажужжала в моей ладони. Я сжал ее покрепче, чтобы она не могла выпорхнуть и размозжить себе голову о незамеченную стену или потолок.

Я выглянул в глазок и не увидел никого, кроме летучих мышей, мечущихся в лунном свете. Приоткрыв дверь, я тихо свистнул. У букашек должен был быть выставлен страж – которого, впрочем, скорее всего, нужно было сперва разбудить. Пикси более чем предпочитают дневное время суток.

Они отыскивали мужа Мелонди, и тот вкупе с ее семьей вступил во владение телом. Мел храпела, словно шестидюймовый горизонтальный лесоруб. Ей связали крылья, чтобы она не смогла во сне предпринять что-либо опасное для жизни. Я вернулся в дом.

Белинда ждала у двери в мой кабинет. При ней был большой кувшин с пивом, чайник с чаем, маленькая масляная лампа и поднос с подходящими к случаю аксессуарами.

– В чем дело?

– Мне не показалось, что там, на кухне, меня рады видеть. Кроме того, не хотелось бы разговаривать при них.

– Дай-ка зажгу лампу...

Моя нога опустилась на пол на расстоянии кошачьего уса до одного из котят, едва не раздавив его. Другого котенка я выпихнул из кресла для посетителей. Он вспрыгнул на письменный стол, где распушил шерстку и зашипел на яйцевидный камень – который не так давно лишь длина другого кошачьего уса отделяла от того, чтобы вышибить мне мозги.

Белинда налила мне кружку пива, а себе чашку чая, добавила сливки и кусок сахара размером с тротуарную плитку. Она погладила котенка, тут же заявившего права на ее колени.

– Так в чем же дело? – спросил я.

Она застыла – похоже, не была уверена, что хочет со мной говорить. Наконец пересилила себя и сказала:

– Ты знаешь, где мой отец?

«Что-о?!» – про себя опешил я.

– Нет. В последний раз видел его, когда ты выкатывала его из зала.

– О-о!

– Что случилось? Ты потеряла его?

– Что-то вроде того. Я выкатила его из зала, погрузила в карету и пошла искать тебя. И тут карета тронулась с места, и с тех пор ее никто не видел.

– Ну и ну!

Я поймал себя на том, что играю с каменным яйцом в ущерб недовольному котенку у себя на коленях. В порыве вдохновения я внезапно понял, почему все так заинтересовались тем, чтобы найти Темиска.

– Есть вероятность, что его сцапал кто-нибудь из местных главарей?

– Нет. Мне бы уже выкручивали руки. А они вместо этого наворачивают круги, пытаюсь понять, что происходит.

– Может быть, он просто решил сбежать от всего этого?

– Что?

– Может быть, с него было уже довольно и он решил сбежать?

– Он был в коме, Гаррет!

– Ты так думаешь? Уверена? На все сто процентов? Он точно не был просто парализован?

– Ты сам знаешь, что это не так.

– Нет, не знаю, – солгал я. – Ты никому не позволяла подойти настолько близко, чтобы удостовериться.

Она даже не стала возражать.

Мне припомнилась гипотеза Морли насчет того, что некий парень по имени Гаррет является моральным якорем спасения и эмоциональным пробным камнем для этой женщины-паука. Мне не нравилась такая работа. Всем известно, что делают девочки-пауки, когда мальчики подходят к ним слишком близко.

А может быть, это была классическая сделка: ты спасаешь кому-либо жизнь и несешь за это ответственность до конца дней своих. Порой стоит только надеть рыцарские доспехи, и тебе больше не дадут их снять.

– О чем думаешь?

– Я думаю, что ты слишком опасная женщина для тех, кто находится рядом. А я нахожусь рядом с тобой очень часто.

– Тинни тоже довольно близко тебя знает.

– К несчастью. Но я не имею в виду личную жизнь.

– Ты боишься меня?

– Вот-вот. У тебя плохой характер. Но главная проблема в том, что ты плаваешь вместе с акулами. Я каждую минуту ожидаю, что на моей ноге сомкнутся челюсти.

– Несмотря на всех своих ангелов-хранителей?

– Ангелов? Назови хотя бы двух.

– Морли Дотс. Дил Шустер. Уэстмен Туп. Плеймет. Плоскомордый Тарп. Я не стану упоминать твоих деловых партнеров – Макс Вейдер далеко не ангел, да и Лестер Тейт тоже. Ну и еще есть я.

Я смутился – секунд на десять. После чего у моего природного цинизма открылось второе дыхание. Когда-нибудь я симулирую собственную смерть и посмотрю, как все обернется.

– Ладно. Итак, ты потеряла след папочки. Давай-ка мягко вернемся к самому началу. Как случилось, что ты оказалась в таком состоянии, чтобы улизнуть от своих? Ты ведь не просто ищешь место, где укрыться, надеюсь?

– Нет. Утром я уйду отсюда и снова буду той, кем была с тех пор, как мы впервые встретились.

– Утром?

– Больше мне сегодня негде переночевать.

Я принялся крутить в руках тот камень гораздо более сосредоточенно.

– Мне казалось, других своих подруг ты охотно пускаешь к себе на ночь, – заметила Белинда.

– Хочешь знать правду?

– Пожалуй, нет – судя по тому, как ты на меня смотришь.

– Ни одна из моих подруг не внушает мне такого страха, как ты.

Белинда продолжала гладить котенка, дуясь из-за услышанных слов, которые были ей не по нраву. Она перевела взгляд на мои руки:

– Что это у тебя там такое? Что ты делаешь?

– Я оставил его здесь, когда пошел к вам на вечеринку. Не знаю... я как-то расслабляюсь, когда верчу его.

Белинда протянула ладонь. Я позволил ей взять камень.

– Да, действительно...

Дин просунул голову в дверь:

– Вам еще что-то понадобится, прежде чем я пойду спать?

Он притащил с собой собственного четвероногого хищника.

– Как-то ничего не приходит на ум.

Он хмуро посмотрел на Белинду, понял, что у него не получится сделать это убедительно, вздохнул и закрыл дверь.

Синдж не озаботилась навестить нас. Это означало, что она дулась, но у нее не хватало решимости переносить свое дурное настроение на других.

Допив чай, Белинда налила себе пива. Мы принялись играть с котятками и понемножку расслабились – проболтали далеко за полночь, как тинейджеры, хихикая над глупыми шутками. Я узнал, что у нее с самого детства никогда не было подруг. Их неоткуда было взять – все ее образцы для подражания были такого рода, каких культурные люди не приглашают на воскресные обеды.

Мы выпили уйму пива.

25

Синдж разбудила меня в совершенно несусветный час, явно подстрекаемая Дином, – сам он не решался встретиться лицом к лицу с прямыми свидетельствами, которые могли бы подтвердить или опровергнуть похотливые видения, копошившиеся во внутренней полости его

твердой черной черепашки. Для него не играл роли тот факт, что его видения являлись именно видениями, и ничем другим. К тому времени, как мы добрались до кровати, ни Белинда, ни я не были достаточно трезвы ни для чего более энергичного, нежели сон.

Синдж скроила кислую мину.

– Что там еще? – заворчал я.

Утренний свет, игравший на занавесках комнаты, прямо-таки вопил, что о полудне не могло быть и речи. Фактически, судя по всему, был еще рассвет – время, когда лишь бешеные собаки и полные психи вылезают на улицу в поисках раннего червячка.

– Посыльный принес письмо от полковника Тупа.

Из-под груды одеял выкарабкался котенок, потянулся, спрыгнул на пол и горделиво зашагал прочь из комнаты. Белинда промычала нечто нечленораздельное, но ясно говорившее: «Оставьте меня в покое!», и зарылась поглубже в одеяла.

– Я должен расписаться за него или что?

– Нет. Это просто письмо.

«Тогда зачем будить меня сейчас?!»

– Тогда зачем будить меня сейчас?

– Я подумала, ты захочешь знать.

– А-а, вот оно что!

Уязвленная до глубины души, Синдж двинулась прочь. Меня это не заботило. До полудня нет места ни вежливости, ни состраданию.

Мне было наплевать, но заснуть снова я уже не мог.

Когда Белинда принялась ворчать на то, что я верчусь и дергаюсь, и угрожать мне переходом к любительскому сексу, совесть взяла верх, и я выбрался из кровати.

Я похлебал черного чая, густого от меда. Не помогло – окружающие предметы по-прежнему виделись мне в двойном количестве. Если бы не пять незабываемых лет, проведенных в Королевской морской пехоте, я заподозрил бы, что двоением в глазах природа мстит всем идиотам, которые верят, что разумное поведение включает в себя подъем на рассвете в обстоятельствах, не приближающихся к апокалиптическим.

Синдж суетилась, хлопоча по хозяйству, так что на долю Дина оставалось еще меньше настоящей работы, которой он расплачивался за стол и крышу над головой. Она была нарочито оживленной и веселой, и даже ее соучастник по заговору убрал подальше ножи для разделки мяса.

– По утрам ты просто ужасен, – заявила Синдж.

– Угу, – прохрипел я, проявив максимум самообладания.

– Это все, что ты можешь из себя выжать?

– Я мог бы сказать «цыц» и «подавись», но ты бы обиделась. Я слишком тебя уважаю для этого. Итак, предлагаю собраться всем вместе и посмотреть, что это за жизненно важное коммюнике.

Дин и Синдж усадили меня в кабинете, снабдив горячим черным чаем, печеньем и медом. Я принялся за дело – более или менее решительно. Со значительным перекосом в сторону «менее».

– Что там написано?

Синдж попыталась прочесть сама, но подчиненный полковника Тупа нацарапал послание скорописью. Такое читать она еще не умела. Синдж быстро учится, но вряд ли когда-либо будет преподавать карентийскую литературу. Последняя в основном состоит из саг и эпических поэм, населенных омерзительнейшими персонажами, которых поэты превозносят за их гадкое поведение. А также из театральных пьес, они сейчас в моде, но выглядят сплошным идиотизмом, если их читать, а не смотреть на сцене.

– Тут говорится, что жрец храма Эас и Айгори, что в Квартале Грез, – выходец из Йимбера. Здесь говорится также, что Стража не будет разочарована в своем старом приятеле Гаррете, если его любознательность побудит его нанести визит вышеозначенному Биттегурну Бриттигарну, чьи соображения по поводу парней в зеленых панталонах могут представлять интерес для обеих сторон.

– То есть они сомневаются, что жрец станет разговаривать с ними, но у них нет убедительного повода, чтобы его арестовать.

– Что-то вроде того.

– Гаррет, ты только подумай, каким бы стал наш мир, если бы все были такими же заботливыми, как Дин!

– Он был бы по колено в лицемерии и к тому же стоял вверх тормашками.

– И все равно это не значит, что Дин не лучше, чем большинство других людей.

– Аминь, девочка. Только прошу, хотя бы ты не становись уличным проповедником!

– Чем больше я становлюсь личностью, тем больше меня расстраивает, как люди относятся друг к другу из-за того, что они разные.

– Я не собираюсь начинать спорить.

– Ты еще не проснулся?

– Нет, просто иначе мне придется вести спор ради спора и утверждать, что незнакомец означает опасность. Чего, кстати, никто не станет отрицать – у каждого из нас так или иначе случаются в жизни неприятные ситуации.

– Очень хорошо, мистер Гаррет, – проговорил Дин от двери кабинета. – Ей-богу, безупречное рассуждение!

– Но мы не можем себе этого позволить.

– Сэр?

– Того, ради чего ты пытаешься меня умаслить... Кстати, послушайте, я не хочу, чтобы сегодня кто-нибудь из вас выходил на улицу.

Я услышал, как Белинда наверху начала шевелиться. Дин и Синдж выглядели озадаченными.

– Покойник, – объяснил я. – За последние пару дней у нас было несколько посетителей, причем такого рода, которые обращают внимание на разные нюансы. Они могли отметить тот факт, что в настоящий момент он не улаживает нас песнями и плясками. А когда люди думают, что он дрыхнет, они, как правило, начинают наглеть.

Дин онемел. Это был худший из его кошмаров – он ненавидит Покойника. Однако мы не можем обойтись без защиты логхира. На нас точат зуб слишком многие.

– Было бы полезно, если бы вы двое приложили максимум усилий, чтобы разбудить его, пока я буду скитаться снаружи – одинокий, побитый временем светлый рыцарь, удерживающий хрупкую баррикаду между твердыней чести и бездной хаоса.

Позади Дина появилась Белинда:

– С утречком, Гаррет! В тебе не могло бы быть больше дерьма, даже если бы его заколачивали в тебя кувалдой.

Дин направился в кухню. Через мгновение он вернулся, таща с собой все, что могло понадобиться Белинде, чтобы усмирить похмелье и подготовиться к новому славному дню, полному преступлений и коррупции.

– Что бы там ни говорил Гаррет, а он настоящий мужчина! – провозгласила Белинда. – Он уже храпел, когда я не успела еще снять туфли.

Дин был доволен – хотя и слышал это прежде от меня. Но была большая разница: мое заявление ровным счетом ничего не значило. Он предпочитал не верить мне, если этого можно было избежать.

– А что я должен был с тобой делать? – спросил я. – Кроме того, что выгнать тебя отсюда, пока до Тинни не дошли слухи?

Такую возможность она еще не рассматривала. Но ее это не беспокоило.

– Кстати, позаботься об этом, Дин, – сказал я. – Постарайся не устраивать представления тысячелетия, когда будешь выпускать леди из дома.

Старик бросил на меня хмурый взгляд, означавший, что я все же поддел его – на этот раз. И ему это не понравилось.

– Я справлюсь, мистер Гаррет.

Возможно, мне следовало бы надевать под трусы кольчугу.

26

Мне не пришлось скитаться в одиночку: шпик из тайной полиции увязался за мной в полуквартале от дома. Он даже не прилагал усилий, чтобы оставаться незамеченным.

Паук Уэбб был усмирен. Но не сдался. Просто немного отстал. Он исчез позже, когда я не смотрел на него. Так же поступили и несколько других, чья манера одеваться предполагала связь с миром не облагаемых налогом развлечений для взрослых. Однако мой фаворит шаркал себе вслед за мной настолько вплотную, что мне поневоле приходилось слушать, как он напевает себе под нос. Он не прерывался ни на минуту, причем у него было еще больше проблем со слухом, чем у моего любимого антиисполнителя: меня самого. Я понятия не имел, что именно он пытался напеть.

Квартал Грез получил свое название оттого, что именно здесь духовное воображение человечества пускается во все тяжкие. А также из-за того, что война в Кантарде породила несколько поколений ветеранов, настолько циничных, что для них вера во что-нибудь традиционно религиозное могла показаться разве что дурацкой шуткой, над которой никто не смеется. В Кантарде никто никогда не молился о помощи, обещая встать на путь добродетели, там слышалось разве что: «Господь драгоценный, не мог бы ты спасти мою грязную шкуру?»

Божьи ответы были редки и беспорядочны. Наиболее жалкими из несчастных кантардских простофиль оказались те, кто действительно получил то, о чем просил. Жить с уцелевшей шкурой, но без рук или ног вовсе не так весело, как говорят.

Квартал Грез – это одна длинная улица, ведущая от берега реки в гущу одного из самых зажиточных районов Танфера. Местоположение на этой улице определяет статус поселившихся здесь божеств. Словно в сложном танце, оставшемся для меня загадкой даже после того, как я несколько раз сталкивался с ними, боги и богини Квартала Грез степенно перемещаются из конца в конец улицы, от храма к храму, в соответствии с тем, на какое количество верующих они могут претендовать. И что еще более существенно – в соответствии с тем, насколько богата их паства. Один состоятельный прихожанин-вероотступник может стоять целой шайки нищих попрошаек, какими бы преданными они ни были. Любой бог в силах сделать игольное ушко достаточно широким, чтобы через него пролезло целое стадо вонючих верблюдов. И попробуйте-ка найти богиню, у которой не было бы шести или восьми рук, протянутых навстречу жертвоприношениям!

И еще... странное дело: вид храмов меняется в соответствии с предполагаемой внешностью населяющих их богов, богинь или пантеонов.

Я слышал, что это боги являются нашим отражением, а не наоборот. Что ж, пожалуй, сообразительный бог мог бы придумать что-нибудь и получше, чем создавать себе верующих по своему образу и подобию. Если у него есть выбор.

Инстинкт подсказал мне начать с нижнего конца улицы, где последняя пара шатких храмов нависала над бурлящим коричневым потоком. Первый же человек, к которому я обратился, показал мне развалину, которую лишь два шага отделяло от того, чтобы быть худшей

на всей улице. Я уже как-то раз посещал это здание, но по другому делу. Новое руководство не внесло существенных улучшений.

У Эас и Айгори дела обстояли лучше, чем у их соседей. Это означало, что реке пришлось бы подняться над приливом не на фут, а на целый ярд, чтобы смыть их храм с лица земли.

Мой ум, подобный стальному капкану, мгновенно отметил, что этот йимберский культ несколько более преуспевает по сравнению с теми двумя, что принесли в мой дом невзгоды: у А-Лафа и А-Лат вообще не было собственных храмов.

Даже после того, как я тридцать лет вынужденно прожил с самим собой, я все же испытывал некоторые колебания, приближаясь к этому хлеву. Он мог похвастаться лишь одним пустым помещением, способным вместить тридцать человек – если они были невелики ростом и не возражали против того, чтобы обнаружить свой нос под мышкой у соседа.

Жрец оказался совсем не таким, как я ожидал, – что, в общем-то, неудивительно, учитывая, что я и религия имеем мало общего. Он мог бы сойти за толстого монаха-подручного из какого-нибудь монастыря с преуспевающего конца улицы; на нем даже было соответствующее черное одеяние. Однако его наряд избегал воды и мыла на протяжении столь долгого времени, что к настоящему моменту такой контакт мог бы оказаться фатальным для ткани.

Стоял еще какой-то кошмарный предполуденный час, когда я ступил внутрь. Брат Биттегурн Бриттигарн попытался ответить мне на приветствие, но его язык заплетался – он уже пропустил парочку-девятчку глотков «амриты» для начала дня. Когда жрец смог сконцентрироваться, он уже снова забыл, как меня зовут.

– Кто ты такой, черт возьми? И какого черта тебе нужно?

– Я слышан о вас как о лучшем специалисте по религиям Йимбера. У меня проблемы с людьми оттуда. Мой дом наводнен котятками и осажден здоровенными громилами, у которых не хватает мозгов понять, что лучше жрать сухие макароны, чем ходить в дурацких панталонах.

– Мм... Э? – Бриттигарн отхлебнул вина.

Это был парень моего типа. Он уже знал, что ему нужно в жизни, и не собирался что-то из себя строить только для того, чтобы кому-то угодить.

Покойник всегда внушал мне, что при столкновении с неожиданностями следует полагаться на внешнее впечатление и здравый смысл – имея в виду, что не стоит бежать кросс с завязанными глазами через кладбище, полное оживших мертвецов. Внешнее впечатление говорило, что этот Биттегурн Бриттигарн тупее, чем мешок с камнями.

У Биттегурна было круглое лицо с крепкими, румяными щеками-яблоками; его характерной чертой были пышные свисающие белые усы. Судя по всему, волосы мигрировали туда с макушки.

– Что, это секрет? – прорычал жрец, делая еще один здоровый глоток вина. – Эх, славно! – ухмыльнулся он, вытирая рот рукавом.

Запах укуса шибал в нос за десять футов.

– Я Гаррет, – объяснил я еще раз. – Провожу расследования. Ищу людей. Задаю вопросы. Я пришел к вам, чтобы задать несколько вопросов о религиях в Йимбере.

– В Йимбере нет религий.

– Как вы сказали?

– Они теперь все здесь, в Танфере. Тебе какая нужна?

– Я задаю вопросы как раз для того, чтобы выяснить, что к чему.

Он ждал – возможно, надеялся, что я предложу ему взятку. Я тоже ждал.

– Ты собираешься начинать? – спросил он наконец.

– Ну хорошо. Подытожим факты. Вы из Йимбера. Предположительно – эксперт по их религиям. У меня проблемы с религиозными фанатиками из Йимбера. Мой дом наводнен котятками, которых свалила на мою голову какая-то уличная непристойница, предположительно религиозная принцесса. Сразу после этого она исчезла. Сейчас вокруг моего дома околачива-

ются громилы, одетые в отвратительные зеленые панталоны. Предположительно работающие на бога по имени Алеф. Когда они не заняты разрушением частной собственности, они на добровольных началах восстанавливают и отделяют стены больницы «Бледсо» – куда замуровывают металлические статуэтки каких-то животных.

– А-Лаф.

– Что?

– Бога зовут А-Лаф, а не Алеф.

– Поправка принята. Это важно?

– Вряд ли... Этот мертвый солдат был последним из подразделения.

Очень образно.

– Посмотрим, может быть, мне удастся набрать пару рекрутов, когда мы закончим, – продолжил он.

Хм, когда ведешь расследование среди безумцев, часто бывает важно найти ниточку, за которую следует потянуть. Сейчас я, похоже, ухватился за целую веревку.

– Это что еще такое? – спросил жрец.

– Что?

– Вот это, что ты крутишь в руках.

– Это камень, которым кто-то пытался меня убить. Расскажите мне теперь об А-Лат.

На этот раз он не стал поправлять мое произношение.

– А-Лат – Королева Ночи. Мать Тьмы. Любовь и смерть, связанные в один мерзкий узел. Ее культ раньше славился храмовой проституцией. Теперь его больше не существует... Можно я посмотрю камень? Он какой-то неестественный.

– Как давно вы оставили Йимбер? Если этот культ уже угас, как тогда получилось, что я оказался по уши в его противниках?

– Я здесь два года. Мои прихожане разбежались, когда люди А-Лафа принялись убивать тех, кто ему не поклонялся. Особенно женщин А-Лат. Последних верховных жриц они замучили до смерти, а священную кошку, воплощение богини на земле, принесли в жертву своему идиотскому идолу в храме А-Лафа.

Наконец-то я получил настоящую информацию. Покойник был прав – терпение всегда вознаграждается.

Все начинало вставать на свои места, в деле появились рисунок и ритм. Танфер, очевидно, был уже вторичной зоной конфликта. А Йимбер наверняка полнился пророчествами и слухами о тайных мстителях, носителях неведомых клятв. Там, должно быть, встречались храбрые бойцы, продолжавшие борьбу даже несмотря на то, что надежды вроде как не было. Одноглазые и левши, потерявшие палец с правой руки. Материал для возвышенных героических сказаний – в масштабах фермерских сообществ, разумеется. Большинство королевских подданных не даст и крысиного хвоста за подобную чепуху. Им хватает своих громовых ящеров, с которых надо сдирать шкуры, и семян, которые надо сажать.

– Дай мне посмотреть эту штуку.

Преодолев минутное иррациональное нежелание, я протянул камень старине ББ.

Жрец хмыкнул и уставился на кругляш. Придвигаясь поближе к свету, отбрасываемому кучкой обетных свечей, он становился все бледнее. В конце концов он вскрикнул, выронил камень, потом снова обрел самообладание и пихнул окатыш обратно мне.

– Держи его подальше от огня. От любого огня. А так делай с ним что хочешь.

– А?

– Позволишь пламени коснуться его – будешь потом жалеть всю жизнь. А она, скорее всего, продлится после этого не дольше минуты – если боги тебя очень любят.

Мне не понравилось, как это прозвучало.

– Ты ведь небось и знать не знаешь, что за чертовщина у тебя в руках? – спросил он.

– У меня в руках зеленый камень, которым кто-то пытался вышибить мне мозги. Я начал носить его с собой, потому что, когда я кручу его в руках, я становлюсь спокойнее, расслабляюсь и начинаю мыслить яснее.

– Твои руки теплые, ему это нравится – поэтому он делает так, что тебе хорошо.

У меня теплые руки? Расскажите это Тинни!

– Как насчет небольшого намека?

– Он похож на яйцо, так? Это потому, что это и есть яйцо.

– Что? – Мысль старины Гаррета порой бывает быстрее ледника.

– Дружище, к тебе попало яйцо птицы Рух. Уж не знаю, зачем кому-то понадобилось вышибать им тебе мозги, но...

– Отлично придумано! Ну конечно, если камень в форме яйца, значит это и есть яйцо! А потом из него вылупляются малютки-бульжники.

– Рух. Огненная птица. Спалит твой дом вместе с тобой за полминуты, если яйцо коснется огня и она вылупится.

– Огненная птица? Я всегда думал, что огненная птица – это феникс.

– Без разницы. На твоём месте я бы сейчас бегом побежал на улицу и проверил, далеко ли я смогу зашвырнуть его в речку. Там в грязи ему будет хорошо и прохладно.

– Но птицы Рух большие! Они могут унести мамонта.

– Преувеличение. В окрестностях Йимбера есть четыре вида, и самые большие унесут разве что ягненка или средних размеров собаку. Людям кажется, что птицы крупные, потому что люди так спешат побыстрее оказаться в укрытии, что у них нет времени рассмотреть внимательнее. Самые маленькие птицы Рух ненамного больше воробья – порхают взад-вперед, как колибри. Это твоё яйцо – от птицы, которую называют райским фениксом. Она похожа на фазана в клоунском наряде.

– Как попугай?

– Ярче. Они пестрые, как шлюхи. Из-за этого на них так много охотятся – ради перьев.

– Как же это возможно – охотиться на птицу Рух да ещё вытаскивать из нее перья?

– А как в том анекдоте: осторожно.

Я окинул его недоверчивым взглядом. Он увел меня в сторону от расследования в области сравнительного религиоведения.

– Моя мать иногда говорила о чем-нибудь: «редкое, как яйцо птицы Рух». Или еще «как жабий мех» или «куриные зубы».

– Яйца птицы Рух попадают чаще, чем куртки из жабьего меха, но они все же не валяются под ногами. Особенно большие. Чтобы разорить гнездо феникса, нужно редкое сочетание: отчаянная храбрость и откровенный идиотизм.

– Кажется, я знаю пару подходящих парней...

– Вот-вот. Среди А-Лафовых пономарей полно храбрых идиотов, но дьяконы – это те парни, которые говорят им, что делать, – не стали бы терять людей из-за такой ерунды. У тебя здесь настоящее чудо, друг мой. Представить не могу, как они раздобыли это яйцо. Разве, может быть, когда грабили храм А-Лат – у нее их было навалом.

Старый ББ прервался, чтобы оросить свои трубопроводы доброй полупинтой вина.

– А я думал, что тот мертвый солдат был последним из своего племени.

– Ты же не побежал захотеть... не захотел побежать... В общем, у нас в строю новое подразделение. Выдержано в бочонках с прошлого Седонина дня.

– Чего?

– Седонин день – посвященный Имнамику. Это было позавчера... Парень, говорю тебе, если бы это было мое яйцо, я бы выскочил наружу и закинул его как можно дальше. Пусть себе лежит где-нибудь там, в холодной-холодной глине...

Я не обращал внимания на его болтовню, которая на сто процентов состояла из абсолютной чуши. Но это навело меня на некоторые мысли...

– А что, если бы я захотел убить кого-нибудь, напустив на него огонь?

Лицо ББ еще больше побагровело.

– Слушай, проныра, у меня не так уж много денег, но я не из тех, кто...

– Я вовсе не собираюсь никого убивать! Просто хочу выяснить, отчего они умирают. Это еще одно дело, которым я интересуюсь, – пылающие люди.

Я вкратце объяснил ему, что к чему, не называя имен.

– Да, вижу, почему ты мог бы подумать на яйца птицы Рух, если бы слышал о них прежде... Но только твоей жертве пришлось бы тебе помочь. И главное – зачем вообще это нужно? Есть и более легкие способы убивать людей. Хотя это действительно похоже на колдовство... Поищи какого-нибудь огненного чародея, у которого не хватает летучих мышей на колокольне. Или непризнанного гения-пиромана, которого еще не заметили эти кошмары с Холма. Может, какой-нибудь беженец...

Последняя бутылка, появившаяся из ниоткуда, обладала, очевидно, особенно мощным воздействием. У ББ начались трудности с выговариванием слов. Еще немного, и он перейдет к языку, не понятному ни для кого, кроме самого Биттегурна Бриттигарна.

– Может быть, это кто-нибудь, кто обнаружил свои способности лишь недавно и думает, что сможет держать их в тайне? Кто-нибудь с особенно темным даром?

– Вот-вот, капитан. Держи курс куда надо, и будешь там!

Похоже, мы приближались к стране хлопка одной ладони.

– Помогите мне еще немного, пока вы в состоянии, пастор. Мне нужно узнать побольше о культе А-Лат. Вы сказали, что его уже не существует. Но я знаю одну девочку, которая говорит, что она верховная жрица А-Лат.

Все внимание Биттегурна Бриттигарна было сконцентрировано на том, чтобы донести бутылку с вином до рта без существенных потерь.

– Каким образом яйцо птицы Рух превратилось в снаряд, предназначенный вышибить мне мозги? – спросил я.

И если это действительно было яйцо, почему оно твердое как камень?

– Не знаю, приятель. Спроси того парня, который его кинул.

Это входило в мой список. Если Туп с Шустером не будут против. ББ быстро ускользал от меня.

– А эта банда А-Лафа – зачем им реставрировать «Бледсо»?

Он не был местным уроженцем; пришлось объяснять, что такое благотворительная больница.

– За последние пятьдесят лет никто, кроме претендентов на имперский престол, не вложил в «Бледсо» и медного гроша. – (Большое преувеличение. «Бледсо» – единственное благотворительное учреждение на подсоте от благосостояния Танфера. Но сейчас это не имело значения.) – Я действительно очень хочу знать, зачем они замуровывают в стены этих металлических животных.

Биттегурн Бриттигарн сделал очень, очень долгий глоток.

– Это все страдания.

– В каком смысле?

Глаза жреца закрылись. Когда они открылись вновь, их выражение ясно говорило: «Как, ты еще здесь?» Он ничего не сказал – возможно, просто не мог. Но теперь я имел несколько интересных направлений для дальнейшего расследования.

– Я очень ценю, что вы уделите мне время, оторвавшись от своих занятий. Мне пора идти – мама, наверное, уже волнуется.

Он не ответил, если не считать ответом вытекшую изо рта струйку слюны. За какие-то полчаса трезвый, дружелюбный, хотя и уклончивый человек превратился в слюнявую развалину.

– Страдание, – повторил он. – Они питаются страданием.

Жрец сполз на пол, привалившись спиной к стене, предварительно позаботившись, чтобы новая бутылка была под рукой и несколько других в зоне досягаемости. Он принялся бубнить песню то ли на каком-то литургическом диалекте, то ли на том кошмарном наречии, которое знакомо лишь тем, кто дошел до нужной кондиции.

Бабах!

Удар отбросил меня к стене. Я развернулся в прыжке и метнулся навстречу толстой низенькой женщине, которая уже снова направляла в мою сторону рабочий конец метлы... откуда-то с другого края города.

Бабах!

– Эй! Какого...

– Так, значит, ты и есть тот нечестивец, который заманил моего Битте в обитель греха!

Бабах!

Она вложила в удар весь свой вес.

– Послушайте, леди, я впервые увидел этого парня полчаса назад!

– Ах ты, червь! Гнойный прыщ на заднице греха! Ах ты... – последовали другие незаслуженные оскорбления. В большом количестве.

Благодаря более длинным конечностям, а также отточенным боевым навыкам мне в конце концов удалось обойти эту толстую каргу и спастись бегством.

Дама не преследовала меня.

Оказавшись за дверью, где меня уже не было видно, я остановился и стал слушать, как она обращает свой гнев на бездвижное тело никчемного, упившегося вином болвана Биттегурна Бриттигарна.

Направляясь домой, я был уверен, что знаю, почему ББ завел роман с прокисшим виноградом.

27

Вооруженный новым чудесным знанием, я не спеша перемещался в свою часть города и не обращал внимания на то, что происходило вокруг. Лишь через некоторое время я осознал, что мой полицейский ангел-хранитель куда-то делся, а Паук Уэбб снова идет за мной.

Паучок всего-навсего хотел знать, куда я иду и с кем собираюсь встретиться. Ха-ха. Я довел его до Аль-Хара и пошел себе дальше, получив очередной отказ в доступе к Тупу и Шустеру. Отрицалось даже само существование Шустера, хотя его публично провозгласили главой Конфиденциальной комиссии по королевской безопасности. Я еще раз прошелся мимо жилища Харвестера Темиска. Его не было дома. Я обошел «Пальмы», не потревожив Морли Дотса или кого-либо из его тронутых приспешников. К тому времени мои глаза уже съезжались к переносице – мне не стоило вставать так рано.

Я налетел на Плоскомордого Тарпа в четырех кварталах от дома. Он был не один. Я не успел вовремя нырнуть в сторонку.

– Эгей, тыквоголовый! – заревела Торнада. – Я тебя видела! Не вздумай пытаться улизнуть!

Эта женщина имеет склонность высказываться на полной громкости. Тарп вроде был смущен тем, что его застали в такой компании.

Торнада выглядит очень недурно. Она блондинка, и все, что надо, расположено у нее там, где надо, – причем боги не поскупились, создавая эти лучшие части. Однако есть несколько

особенностей, отвлекающих от ее естественной привлекательности: размеры и манера поведения. Ростом Торнада чуть ли не выше меня, а что до манер, то она ужасная склочница... и это еще мягко сказано. К счастью, мне в последнее время, как правило, удается ее избегать.

Плоскомордый попытался соорудить на лице заискивающее выражение, не говоря при этом ничего такого, за что ему могло бы прилететь.

– Я поискал то, что ты просил меня найти. Я знаю, где оно.

– Вот как? То есть ты знаешь, где это находится в настоящий момент?

Собственно, я видел Пенни Мрак в квартале от нас: ее незаметное поведение бросалось в глаза. Она держалась в тени и выжидала. Шла следом за Тарпом и его конвоиршей – без сомнения, пытаюсь выяснить, что за человек ее выслеживает и с какой целью.

Возле самого моего уха раздался писклявый голосок:

– О, вы действительно Гаррет? Тот самый Гаррет? Человек, который...

– Да, это определенно он, – подтвердила Торнада. – Человек, который.

Поставленный рядом с Торнадой, этот парень был практически невидим. Он был на десять дюймов ниже ее, худющий, как скелет, бледный, как труп, и дерганый, как шлюха на воскресной проповеди.

– Меня зовут Ион Сальватор, мистер Гаррет, и для меня огромная честь познакомиться с вами. Я так много о вас слышал!

– Его зовут Пилсудс Вильчик! – рявкнула Торнада. – А я зову его Прилипала!

Ион Сальватор вымученно улыбнулся.

– Это тот парень, о котором я тебе рассказывал, – объяснил Плоскомордый. – Он ходит за Торнадой по пятам и записывает все, что она делает.

Ион Сальватор снова улыбнулся и закивал.

– Зачем это тебе? – спросил я его.

– Потому что я обалденно героическая фигура, но на героизм уходит столько времени, что мне некогда записывать сагу о самой себе, – ответила за него Торнада.

– Не говоря уже о том, что ты и писать-то не умеешь.

Плоскомордый засмеялся и сказал:

– По правде говоря, все дело в том, что она как-то раз дала этому малому, когда нагрудилась так, что лыка не вязала. И ему так понравилось, что с тех пор ей никак не стряхнуть его с хвоста.

– Все было не так, – сердито проворчала Торнада. – Во всяком случае, не совсем.

Я взглянул на Иона Сальватора: похоже, он не возражал против того, чтобы о нем говорили так, словно его здесь не было. Наверное, так происходило на протяжении всей его жизни. Бывают такие люди – невидимки от природы. И бывают времена, когда я им завидую.

Сальватор вытащил маленькую дощечку, к лицевой поверхности которой кнопками были прикреплены несколько листков дешевой бумаги, и принялся яростно строчить. Его стило было из тех, что делают на нашей фабрике – той самой, где я владею небольшим пакетом акций.

Жалейте его, если хотите, но ведь Ионы Сальваторы не с неба берутся. Они сами стали такими, какие есть.

– Рад познакомиться, – сказал я. – Только не пиши ничего такого, что Стража могла бы использовать в качестве свидетельства.

Интересно, что он делал на войне? В любом случае он выжил.

Торнада насмешливо фыркнула.

– Дорогуша, ты ведь всегда ходишь по краю, – пояснил я ей.

Такова ее натура. Она сама не хочет ничего другого. Ну, я-то не против – пока она не втягивает меня в свои заварушки.

– Плоскомордый, скажи-ка еще раз: где, по-твоему, находится сейчас предмет нашего интереса?

– Где-то отсиживается, наверное. Не хочет лишний раз высовываться.

– Вообще-то, она как раз за твоей спиной, околачивается перед угольным амбаром Скаттлмена. И следит за тобой.

Никто не повернул голову, даже Прилипала.

– Больно она сметлива для своего возраста, – пробормотал Тарп.

– Не знаю, не знаю...

У множества ребят как раз такого возраста вполне хватает смекалки, чтобы выжить. Плоскомордый и сам когда-то был таким.

– Возможно, у нее действительно больше талантов и возможностей, чем у других.

Плоскомордый выжидательно уставился на меня.

– Я иду домой, – сказал я. – Если кто-нибудь завернет ко мне с особым призом, возможно, я выйду к нему, держа в руках жирный кусок.

– Понял.

Торнада сделала попытку вмешаться, надеясь оторвать кусочек и для себя, но я проигнорировал ее. Это, впрочем, не всегда является мудрым решением: она способна сбить тебя с ног просто для того, чтобы привлечь к себе внимание.

– Неплохая работа, Плоскомордый. Следующее, что ты можешь для меня сделать, – это найти Жнеца Темиска.

– Этого темного адвокатишку?

– Его самого. Не очень выставляйся, особенно если действительно найдешь его. Учитель Уайт тоже его ищет, и совсем не для того, чтобы вручить ему подарок на день рождения.

– Понял.

– Ну, тогда увидимся. Да, и еще одно... Торнада! Хочешь изумить богов неба и земли до потери пульса?

– А что?

– Держись подальше от неприятностей.

– Ты просто лошадиная задница, Гаррет, и ничего больше!

– Зато очень уютная, теплая и милая.

– Такая же милая, как эти гигантские дикобразы – громовые ящеры.

Настоящая женщина! Что бы там ни было, а она всегда оставит последнее слово за собой. Поскольку женщины живут дольше, для меня не было смысла пытаться выиграть спор упрямством, так что пришлось убираться подобра-поздорову.

Ион Сальватор записал все-все.

28

Подойдя к дому, я почувствовал, что что-то немного не так, как раньше. И дело было не только в том, что вокруг околачивались стражники и люди Учителя Уайта – Уэлби Делл с приятелем. Напарником Уэлби был альбинос ростом под два метра, настолько исхудавший, что одна маленькая девочка как-то назвала его Скелингтоном. Прозвище прилипло. Судя по всему, парни не замечали, что находятся в присутствии представителей закона. Закон же, со своей стороны, отлично их замечал. Ищейки Шустера были повсюду. Жилище миссис Кардонлос кишело, как развороченный муравейник.

Я постучал в дверь (мастер еще не приходил – мой ключ оказался абсолютно бесполезен). Меня впустила Пулар Синдж.

– Ну как, узнал что-нибудь?

– Я пользуюсь большей популярностью, чем когда-либо надеялся, – легионы фанатов следуют за мной повсюду! Правда, ни один не пытался встать у меня на пути.

Синдж зашипела: она увидела что-то за моей спиной. Я повернулся, но было слишком поздно.

– Что там?

– Один из этих, в непотребных панталонах.

– Значит, Шустер не всех переловил. Что здесь происходит?

– А именно?

– Мне кажется, что-то изменилось.

– Джон Растяжка ждет тебя на кухне.

– И чего он хочет?

– Он хочет, чтобы ты выслушал его доклад. Почему бы тебе не войти внутрь, чтобы я смогла закрыть дверь?

Не самая плохая идея, учитывая, что поблизости отирался громила из банды Зеленых Штанов. А вдруг у него праща и полный карман каменных яиц?

Словно по подсказке, что-то прожужжало мимо моего правого уха. Впрочем, это был не выстрел снайпера. Это была Мелонди Кадар. На мгновение зависнув в воздухе, она направилась на кухню – без сомнения, в поисках чего-нибудь горячительного. Там она немедленно вступила в пререкания с Дином. У старика не было к ней ни капли сочувствия. У него проблемы с пониманием: он решительно отказывается называть похмелье иначе, чем добровольным недугом.

Будучи опытным наблюдателем, я заметил:

– Он не в духе.

– Сегодня все оборачивается не в его пользу, – сказала Синдж.

Я почувал какую-то историю. Пулар о чем-то не хотела мне рассказывать.

Джон Растяжка вошел из кухни в кабинет, следуя за своим носом.

– Никогда не замечал, какая длинная у него морда, – сказал я.

Он насупился, насколько это возможно для крысы.

– Мы с Синдж просто болтаем, – успокаивающе сказал я и уселся за письменный стол.

Почти немедленно на моих коленях оказался котенок. Мгновением позже прилетела Мелонди Кадар.

– Он мог бы прихлопнуть тебя мухобойкой, и ты была бы вне игры. Так что кончай ныть.

Джон Растяжка начал рассказывать о том, что его крысы увидели в Уайтфилд-холле.

– Погоди-ка! – остановил я его. – Нужно кое-что записать.

У него оказалось гораздо больше, чем я ожидал. Он цитировал высказывания Белиндиных младших боссов, и некоторые из них откровенно поделились, о чем думают.

Прежде чем он закончил, я уже имел представление, как расположены главные игроки. Я надеялся только на то, что он не выдумал все рассказанное – решив, что как раз нечто подобное я и хочу услышать.

– Джон, да ты просто золотая жила!

При виде подобных самородков директор Шустер принялся бы петь и плясать. Очевидно, появление Чодо в Уайтфилд-холле произвело в криминальном мире драматическую перемену.

К сожалению, ничего из этого не могло мне пригодиться.

– Постой-ка, – сказал я крысиному королю (я подозревал, что именно так Джон Растяжка называет себя в глубине души). – Мелонди, дева моей мечты, я вижу, ты вся так и бурлишь. Вспомнила что-то, о чем еще не рассказала?

Как выяснилось, ничего особенного у нее не было.

– Ладно. Кто-нибудь может ответить, отчего начался пожар?

Нет. Все эти глаза не увидели той единственной вещи, которую упустил я.

– По-вашему, здесь могло быть применено колдовство?

Огонь не материализуется без причины на пустом месте, но ни Мелонди, ни Джон Растяжка не обнаружили признаков колдовства.

– Есть какие-нибудь соображения? Первой жертвой была крыса. Потом Бай Клакстон. Как они загорелись? Все остальное в кухне осталось неповрежденным.

Но никто ничего не мог мне сказать.

В этом не было никакого смысла. Впрочем, действительно становилось похоже, что общим знаменателем во всех этих инцидентах являлся именно Чодо Контагью.

Проклятье! Я пожалел, что послал Плоскомордого искать Пенни Мрак. Он мог бы отправиться в северную часть города и заняться там вместо меня утомительной, но необходимой беготней.

– Разве бы я не сказала тебе, если бы могла – если бы знала?! – резко воскликнула Мелонди Кадар. – Ты несправедлив ко мне.

Я взглянул через плечо: Элеонору, похоже, все это забавляло. Это немедленно убедило меня, что вскоре дела пойдут еще хуже.

Так оно и случилось, едва я успел начать сопоставлять факты.

Появился Дин с закусками. На его циферблате сияло то самодовольно-злорадное выражение, какое бывает всегда, когда он знает, что мне не избежать порции жизненного опыта, включающего в себя уйму работы. Не потому, что нам нужны деньги, а потому, что, по его убогому мнению, это хорошо для моей души.

Кто-то принялся колошматить во входную дверь. Усмешка сбежала с лица Дина. Он не мог отказаться идти открывать: остальные были заняты, кроме того, это его работа. Ворча под нос, он направился к выходу. Я налил себе чая. Синдж и Джон Растяжка принялись за еду, набирая жир к зиме.

Дин возвратился. Самодовольная мина вернулась на его лицо.

– Это мистер Тарп, сэр.

Плоскомордый заполнил собой дверной проем. Он выглядел испуганным – что можно наблюдать не чаще, чем яйцо птицы Рух.

– У тебя есть задняя дверь, Гаррет?

– Что случилось? Что ты натворил?

– Я ничего не натворил – только то, что ты мне сказал! И ты мне за это должен. Это ты во всем виноват!

– Эй-эй, верзила, повороти коней! И сдай назад к тому месту, откуда стартовал.

– Ты велел поймать эту девчонку, Пенни Мрак. Я так и сделал. Но стоило ей оказаться у меня в руках, как она начала вопить про изнасилование, и содомию, и кровосмешение, и черт знает что еще.

Однако это обеспокоило его не так сильно, как следующий факт:

– И там были люди, и они слушали, Гаррет! Понимаешь, о чем я говорю? Люди слушали! И не просто слушали – некоторые пытались ей помочь! Мало того, они еще и погнались за мной, когда я решил бросить это гиблое дело и свалить!

– Поэтому такой шум там, снаружи?

– Не знаю. Может быть, они бунтят из-за того, что хотят, чтобы ты вышел к ним и научил танцевать дабларфаред! Ты ведь известный танцор!

Я покачал головой. Вздохнул. Еще раз покачал головой. Куда катится этот мир? С каких это пор танферцам есть дело до того, что происходит с одним из бесчисленных городских дикарей-оборванцев?

– Это все ты, Гаррет! – продолжал реветь Плоскомордый. – С тех самых пор, как ты занялся дознанием, ты только и делал, что дудел нам про кротких, которые что-то там унаследуют. И вот теперь полгорода повелось на твою благонамеренную чепуху!

– Это долго не продлится, – пообещал я в отчаянии оттого, что он вообще уловил идею о благих намерениях. – Социальная инерция слишком велика. Слишком много людей слишком глубоко вовлечены в свой прежний образ жизни – особенно там, на Холме. Расслабься, скоро им надоест, и они уйдут. Дин! У тебя не было проблем, когда ты провожал Белинду?

Он сказал, что проблем не было, – она не привлекла к себе никакого внимания. Значит, соглядатаи, засевшие вокруг дома, приняли ее за одну из моих подружек по спальне. В свою очередь, это означало, что мне придется как-то объясняться, когда об этом узнает Тинни.

А она всегда узнаёт.

– Ну что ж, поскольку вы все в сборе и не заняты ничем более интересным, послушайте вот что. – И я поведал им историю моего посещения брата Биттегурна Бриттигарна в храме Эас и Айгори.

Как выяснилось, я упустил поставить плуту ББ на вид его неблагоприятное поведение по отношению к его собственной религии. Дин указал мне на это – лучась самодовольством.

Синдж захотела посмотреть на каменное яйцо. Все захотели. Я пустил его по кругу.

– Жрец надул тебя, Гаррет, – сказал Джон Растяжка. – Этот камень подняли со дна ручья. Ты можешь накопать тысячу точно таких же на оружейном рынке.

Синдж дополнила:

– Наши предки собирали для солдат камни, выпущенные из пращи.

Праща никогда не была официально признанным оружием ни в одном карентийском роде войск, но в Кантарде обе стороны использовали подручные средства. Некоторые вояки были настолько отсталыми, что считали пращу технологической новинкой поразительной убойной силы – так что даже сами боги якобы протестовали против ее применения.

Было достигнуто общее согласие: мое каменное яйцо – обычный камень, а ББ просто посмеялся надо мной.

За входной дверью раздался шум. Плоскомордый подпрыгнул и принялся затравленно озираться. Брюзжа на всеобщую несправедливость, Дин направился на нос Гарретова флагманского корабля.

Вернувшись, он провозгласил:

– Просто толпа соседей. Вы будете говорить с ними?

– Нет. Если бы ты взял в дом собак вместо кошек, мы могли бы спустить их на этот сброд. Чудовище на моих коленях шевельнулось, но лишь для того, чтобы улечься поудобнее.

– Это будет долгая осада? – спросил Джон Растяжка. – Мне нужно возвращаться. Мои парни имеют склонность попадать в передряги.

– Не знаю, – пожал плечами Дин. – Но мистер Гаррет прав: в конце концов им это надоест и они разойдутся.

Ну да – когда мои приятели из Стражи скажут им пару слов, после чего эти идиоты решат, что домашний обед гораздо привлекательнее, чем толочься здесь, выкрикивая оскорбления из-за какого-то ложного обвинения.

У-упс! А что, если ребята Шустера схватят девчонку?

– Послушай, Плоскомордый, – сказал я, – а как дела у Торнады с ее любимцем?

– Дело закрыто, брат, – ухмыльнулся Тарп. – У Торнады в голове только физика... физика... что-то такое коллалгическое, и теперь ей нужен кто-то, кто захочет...

Я содрогнулся, хотя не имел ни малейшего представления, о чем речь. Если я вообще хоть что-то понял, то Торнада была права, и надо было искать такого человека, который считал бы подобные вещи захватывающими. Чем бы они ни были.

– Да, интересно, – сказал я, словно это действительно так. – Ну ладно, этот день был одним из самых долгих в моей жизни. Благодаря вот этим двоим душегубам, – ткнул я обвиняющим перстом в Синдж и Дина. – Они взяли за меня, когда червячки еще не вылезли

в поисках ранних пташек, так что теперь я настолько устал, что, наверное, даже не пойду на фабрику сегодня вечером.

– Тинни еще не перестала злиться на тебя, – сказала Синдж. – Ты бы держался от нее подальше, пока она не будет готова принять твои извинения.

– А когда она услышит про Белинду?

Жизнь становится все более запутанной, если ты слишком глубоко вовлекаешься в нее.

Дин насмешливо улыбнулся. Плоскомордый спросил:

– А как ты собираешься выйти отсюда? Я спрашиваю на тот случай, если мне все же придется выходить отсюда самому.

– Надо просто подождать, пока они не утомятся.

– Шум вроде не утихает.

Я пожал плечами. Усталость валила с ног. Кроме того, смутное чувство, что я угодил в западню, не покидало меня с тех пор, как я вернулся домой.

Бам-м! Грохот сотряс здание. Со стола посыпались предметы, портрет Элеоноры закачался и повис под углом. Дин шмыгнул в кухню. В ушах звенело. Я не слышал, чтобы что-нибудь упало, но, возможно, лишь потому, что на мгновение оглох.

Глаза Синдж расширились от ужаса. Джон Растяжка тоже выглядел напуганным. Крысиные инстинкты брали верх. Они не бросились прочь только потому, что бежать было некуда.

Мелонди Кадар лежала в обмороке.

– Неплохо, – сказал я.

Голос прозвучал странно. Я скорее чувствовал, чем слышал, как в отдалении перекачивается гром.

– Должно быть, где-то по соседству долбануло.

Плоскомордый что-то слабо промычал в ответ.

Гром и молнии никогда не причиняли мне беспокойства – я даже люблю порой посмотреть на хороший фейерверк в небесах. Но в моей жизни редко случались моменты, когда кованый сапог божества опускался на землю настолько близко от меня.

– Теперь толпа перед входной дверью, наверное, разбежится. Слышь, Плоскомордый?

Вернулся Дин. Половинка его любимого заварочного чайника болталась на его указательном пальце, в глазах стояли слезы.

Второй раскат грома зародился где-то в восточной стороне и побрел в нашу сторону, с оглушительным ревом прогремел над нашими головами и укатился на запад, затихая по пути. Симфония молний была открыта для всеобщего прослушивания вскорости после этого.

Затем некий юный бог, хулиган и фигляр, пинком распахнул шлюзы небес – и хлынул дождь. Бурлящие струи замолотили по крыше.

Котята высунули мордочки из своих укрытий. Здорово. Мир оставался стоять на месте.

Плоскомордый вернулся от входной двери:

– Да, все разбежались. Ты бы посмотрел, какие там градины валяются с неба! – Теперь в его голосе звучало скорее восхищение, чем испуг.

Я пошел взглянуть. Тарп был прав, потрясающее зрелище. Молнии так и хлестали повсюду, громовые молоты били по небесной наковальне, град сыпался таким потоком, какого я в жизни не видел.

Люди обычно преувеличивают размер градин. Такова человеческая природа. Я скажу только, что их были тонны, что они были большие и что, отскакивая от земли, они рикошетом переворачивали телеги и повозки. Отважные, предприимчивые, тупоумные мальчишки повыскакивали на улицу с ведрами и корзинами, собирая градины, всюю молотившие по земле.

Вспышка молнии чуть не ослепила меня. Мгновением позже рывкнул гром, с такой мощью, что я ощутил его всем телом. Что там случилось: банда Владык Бурь решила устроить

разборку? Мои приятели, бывшие сослуживцы, уверяют, что часто видели подобное на главном театре военных действий.

Морская пехота имеет множество материальных, равно как и социальных преимуществ. Так, морские пехотинцы на заболоченных островах в заливе не должны были беспокоиться о том, что могут угодить промеж двух сражающихся чародеев: чародеи с обеих сторон не возражали против любых смертоносных и жестоких приемов, но отказывались сражаться в условиях, чреватых для них физическим дискомфортом.

Мимо меня в дверь протиснулся Плоскомордый:

– Пусть я замерзну или утону, но лучше пойду, пока есть возможность.

У моих ног крутилась пара котят, пытавшихся выяснить, что представляют собой градины. Им не понравилось.

– Возьми котенка? – спросил я.

Плоскомордый ответил взглядом более холодным, чем целый бушель градин.

– Они милые, – настаивал я.

Тарп покинул меня, отсалютовав одним пальцем.

29

И снова я поднялся с постели раньше, чем это было разумно. Правда, поскольку я отправился спать рано, мне удалось избежать недосыпа – я просто не наверстал того, что недоспал днем раньше.

Все остальные встали раньше меня. Естественно. Как и следовало предполагать. И все они были в хорошем настроении, несмотря на дождливую и ветреную погоду. У Дина уже был разожжен уютный огонек. Я уселся и со знанием дела принялся наблюдать, как он суетится, разбираясь с ущербом, причиненным бурей.

– Ну и как, много придется покупать заново?

– Я составляю список. Не очень. У нас, вообще-то, было слишком много посуды – мы ведь не устраиваем приемов.

Он принес мне чая в треснутом стакане. Я отхлебнул.

– Что подельывает Синдж?

– Они с братом разговаривают с этой... штукой.

– С этой штукой? Что-о? Старина Весельчак снова с нами? Почему же ты сразу не сказал?

– Должно быть, возраст сыграл со мной шутку – я был уверен, что сказал. Его разбудил грохот грозы.

Я не купился на это. Теперь стало ясно, почему вчера у меня было такое странное чувство, когда я вернулся домой: Мешок с костями уже не спал, а лежал в засаде.

– Ну что же, налей еще чашечку, и я пойду.

Он пробурчал, что для этого мне вовсе не нужен чай.

Пулар Синдж стащила в комнату Покойника половину имевшихся в доме светильников. В его присутствии она нервничает. Впрочем, я знаю не много людей, которые чувствуют себя уютно в обществе трупов – особенно таких, в которых до сих пор обитают изначальные квартиранты, словно призраки, не способные встать и пойти куда вздумается.

Спрашивать Старые Кости о настроении было бы пустой тратой времени – термин «сварливое» обычно вполне подходит. Вместо этого я спросил:

– Где котята?

– Прячутся, – ответила Синдж. – Они в ужасе.

– Неудивительно. В свое время Его Милость был известен как гроза котят.

Джон Растяжка недоверчиво взглянул на меня, словно сомневался, шучу я или нет. Будь он человеком, сейчас был бы без кровинки в лице.

– Вы уверены, что он проснулся? – уточнил я. – Я здесь уже целую минуту, и он еще ни разу мне не возразил.

«Есть более важные вещи, Гаррет, требующие моего внимания, – откликнулся Покойник. – Дюжина умов там, на улице, нуждается в изучении. Я хочу пошарить в них, пока они считают, что я еще нежизнеспособен».

– О! А разве когда-то было не так?

«И этот человек еще удивляется, почему я предпочитаю сон его утомительному обществу!»

Он использовал один из своих меньших мозгов, чтобы общаться со мной. За его язвительными отповедями не стояло настоящее чувство. Он был рассеян, а это хороший знак, то есть он нашел новый мир достаточно интересным для приложения своего интеллекта.

«Вот что ты должен сделать. Начнешь немедленно. Пусть меня навещают мистер Тарп и мисс Торнада. Затем используй свой немалый талант к выдумыванию историй, чтобы побудить каждого, кого я сейчас назову, нанести мне визит. Итак, полковник Туп и Дил Шустер. Мисс Контагю. Эта девочка, Пенни Мрак. Любой человек в зеленых панталонах – или их управляющий. Жрец, с которым ты встречался. Учитель Уайт или кто-то из его приспешников. После того как я спрошу хотя бы нескольких, появится возможность разработки каких-либо стратегий. Разыскать мистера Контагю и мистера Темиска следует во что бы то ни стало: эти двое смогут прояснить нам назревающий переворот в мире организованной преступности».

Вот вам Покойник в чистом виде: он может продолжать, и продолжать, и продолжать – и продолжать. Чтобы добраться до самого конца, лично мне необходимо немало поработать ногами.

«Куда подевалась птица? Я не ощущаю присутствия попугая».

– Его здесь больше нет.

Я постарался, чтобы в моем голосе прозвучал восторг, но, по правде говоря, мне действительно не хватает этого цыпленка-матерщинника. Так, самую малость. В редкие слезливые моменты.

«Вот как? Интересный поворот событий. Я рад, что пропустил большую часть».

– Не многое потерял.

«Ты на самом деле веришь, что можешь обмануть меня?»

– Не помню кто, но кто-то когда-то сказал, что, пока есть жизнь, есть и надежда.

«Первым это сказал мой кузен Дупфель».

– Что?

Покойник ответил мысленным эквивалентом пожатия плеч. Он и так уже потерял немало времени.

«Я объяснил тебе, что надо делать».

Таков мой партнер! Не прошло и получаса – а он уже понукает меня, заставляя собирать нужные ему кусочки, чтобы найти смысл в бессмыслице. Впрочем, он действительно быстрее меня находит связи между событиями.

«Если окажешься в состоянии войти в контакт с мистером Дотсом таким образом, чтобы его последующие действия выглядели не зависящими от твоего визита, попроси заглянуть и его тоже. Затем ступай в „Бледсо“. Разузнай, что еще там сделали эти иноземцы».

Вряд ли они могли сделать многое – большая их часть сидела в тюрьме.

«У тебя есть знакомая ведьма».

– У меня их несколько.

«Исключая табун твоих вертихвосток».

– Да! Их-то я и не сосчитал!

«Свяжись с одной из них и попроси прийти сюда».

– Кого-нибудь, кто не знает о тебе?

«Это было бы предпочтительно».

– Я начинаю удивляться: почему я всегда так стремлюсь разбудить тебя? Жизнь настолько проще, когда ты спишь!

«Но она ни к чему не ведет».

– Ты не прав, Увалень. Она приводит в самые лучшие места.

Он принялся копошиться у меня в голове, очевидно пребывая под ложным впечатлением, что был туда приглашен. В считанные секунды он пришел в ужас.

«ГДЕ ПОПУГАЙ?»

– Мистер Большая Шишка? Устремился к более высокому призванию.

Попка-Дурак принадлежит легендам о давно минувших днях. И если есть на небесах хоть какое-то милосердие, он никогда не будет ничем иным, кроме как еще одним тошнотворным воспоминанием!

Весельчак топтался внутри моего черепа, словно два десятка обкуранных взломщиков в мягкой обуви. Будучи самим собой, логхир отбросил вопрос касательно этого надоедливое расфуфыренного цыпленка, словно кишашую червями дохлую мышь, и продолжал копать так, будто мистер Большая Шишка никогда не существовал.

– Кстати, о животных, – вспомнил я. – Расскажи мне об этих котятках, оскверняющих мой дом. Они не кажутся мне обычными.

«От тебя ничего не скроешь».

– Умник, отвечай на вопрос.

«Как ты и предположил, это не обычные котятки, хотя и демонстрируют черты характера, которые мы ассоциируем с домашними кошками. Но я пока не в состоянии заглянуть в их умы. Они меня боятся».

– Такое отношение кажется мне довольно разумным. Тебя все боятся.

«Почему бы и тебе не перенять этот подход?»

– Но я же знаю, что на самом деле ты всего лишь милый большой плюшевый мишка.

«Будь осторожен, когда выходишь из дома. Котятки могут попытаться сбежать».

Меня отпустили, позволив вернуться к делам. Иногда он забывает, кто здесь старший партнер.

Я пошел в кабинет, отыскал клочок бумаги, на котором с одной стороны оставалось чистое место, и составил список.

30

Я просунул голову в комнату Покойника:

– Ты окончательно проснулся, чтобы достать человека в квартале отсюда?

«Выражайся яснее».

– Я сейчас выглядывал за дверь. Если тебя хватит на квартал, можешь попробовать зацепить одного типа по прозвищу Скелингтон, он работает на Учителя Уайта.

«Где именно?»

Я описал место.

«Должно быть, я еще не настолько проснулся. Если бы птица была здесь, я смог бы выслать ее наружу и полететь вместе с ней».

– Понял.

Он хотел, чтобы я вышел из дому.

– Только не удивляйся, если Скелингтон пустится наутек, когда увидит, что я иду.

«На этом этапе карьеры ты уже мог бы научиться приближаться к людям, не внушая им страха».

Возражать не было смысла.

– Ну, я пошел.

Я натянул штаны, обхлопал себя сверху донизу: соответствующий ситуации арсенал низкой степени поражения был при мне. Я был готов.

Погодный спектакль уже закончился, но морось осталась. Не тот день, когда я стал бы работать – если бы не вернулся Умник и не принялся бы тыкать в меня своим стрекалом.

Скелингтон был еще в меньшем восторге от пребывания снаружи, чем я. Несчастный и скукоженный, он не замечал моего приближения до тех пор, пока не оказалось слишком поздно.

«Все прошло неплохо», – сказал я себе, когда Скелингтон перешагнул через порог моего дома.

Возможно, в дождливой погоде имелись свои плюсы.

Плоскомордого на месте не оказалось. Его не видели там со вчерашнего дня. Значит, уйдя от меня, он пошел не домой. Я написал ему записку, упомянув возможность оплачиваемой работы.

Торнады не было ни в одном из ее обычных уголков. И я не мог застать ее дома, поскольку не знал, где она живет. Я попросил передать ей, что у Гаррета есть для нее деньги, если она сама придет ко мне.

Относительно Тупа или Шустера не получалось придумать никакого плана, чтобы заманить их к себе.

Я прогулялся мимо заведения Морли. Сарж был снаружи – пользуясь дождем, занимался влажной уборкой: сгребал мусор и лошадиные яблоки на соседский двор. Завидев меня, он соорудил такую мрачную мину, что я только помахал ему рукой и двинулся дальше. Просто иду мимо. Даже и не думал заходить.

Возле жилища Харвестера Темиска двое бесших типов тихо переговаривались, обсуждая возможность снегопада. Я не узнал их. Правда, заметил знакомого гонца, приглядывавшего за этими громилами.

И ни разу на протяжении моих скитаний-на-пару-с-заползающими-за-шиворот-ледяными-струйками я не приметил Пенни Мрак. Это доказывает, что даже у четырнадцатилетней девчонки иногда бывает здравый смысл.

Белинду я вычеркнул: не имел никакого представления, где ее искать, и ни малейшего понятия, с кем можно передать ей послание.

Просто чтобы куда-то скрыться от своих невзгод, я забрел на конюшню к Плеймету.

– Гаррет! Ты похож на то, о чем говорят, когда ругают нашкодливую кошку!

Плеймет стучал молотом по раскаленному куску железа в кузне, устроенной в углу конюшни, – ковал подковы. Внутри строения заливался дождь, поскольку хозяин так и не успел устранить ущерб, причиненный помещению во время развлечения, в которое мы не так давно вляпались. Плеймет все брюзжал, что у него не хватает денег.

Вряд ли дело было в деньгах – он владел акциями того же предприятия, что и я.

– Мы, честные работяги, должны трудиться, невзирая на то, какая стоит погода. – Он хрястнул по раскаленной подкове. – Ты заставляешь меня жалеть о том, что я услышал зов, Гаррет. Порой мне очень хочется плюнуть на все и высказать тебе, какой же ты гад! Сейчас как раз подходящий момент.

– Эх, Плей, ну почему все так со мной обращаются?

– Потому что все тебя знают!

Я цыкнул, но не стал напоминать ему, что всегда оказываюсь рядом, когда кому-нибудь что-нибудь нужно.

– Итак, чему я обязан честью твоего посещения? Какого одолжения ты от меня хочешь на этот раз?

– Ничего, не считая того, чтобы укрыться от дождя. Я шел в другое место.

– Почему тебе было не остаться дома и не отдохнуть после ночного дебоша?
– Покойник проснулся.
– О! Благодарю.
– Видишь? Я тебя предупредил – единственного во всем этом отстойном городе. Так что не передавай этого дальше.
– Я уже сказал спасибо. Хочешь чая? Вода есть.
Огня в его кузне всегда хватает.
– Конечно. Слушай, ты, часом, не знаешь, что случилось с Антик Одер, у которой была витрина на той стороне улицы?
– Ага! Вот оно в чем дело!
– В чем? Покойнику нужна ведьма. А Бузинная Баньши загнулась, пока я не смотрел. Плеймет заварил чай, сверкая улыбкой цвета слоновой кости на махагоновом лице.
– Антик по-прежнему здесь. Но она не то, что тебе нужно.
– Почему нет?
– Она только прикидывается ведьмой.
Я хмыкнул и отхлебнул чая.
– Здесь что-то добавлено.
– Капнул чуточку рома с ванилью.
Я не большой ценитель крепких напитков, но это было действительно хорошо. В считанные минуты я стал не способен к адекватному поведению. И это показалось мне на тот момент неплохой идеей.
– Дождь стихает, Гаррет. Тебе пора.
Плеймет не из тех, кто позволяет дружбе вмешиваться в его дела. По крайней мере, надолго.
Я рассказал ему значительную часть того, что произошло, – надеясь, что у него возникнут какие-нибудь идеи. Увы, только зря потратил слова.
Он лишь спросил:
– И куда ты теперь отправишься?
– Не знаю. Вообще-то, я подумываю забраться к тебе на сеновал и минуточек сорок вздремнуть.
Плеймет нахмурился. Он думал, я просто треплюсь, но не учел моего состояния.
– Ну, наверное, это не повредит... Но разве тебе не стоило бы отнестись к делу серьезнее?
– Серьезнее? Зачем?
– Ну, это же твоя работа...
– Ну и что? Мне за нее никто не платит.
Он еще не скормил сено животным. Сеновал был первоклассный. Там витал сладкий клеверный дух, напомнивший мне об идиллических деревенских пастбищах.
Он ошибался – морось не собиралась утихать. Наоборот, она переросла в долгий, нудный дождь. Капли, барабанившие по черепице над головой, оказались мощнейшим снотворным. Или, может быть, это был ром. Я вырубился через полминуты.

31

Сначала я решил, что изменился стук дождя по крыше. Потом – что все дело в холоде. Но война научила меня просыпаться осторожно и не доверять первым впечатлениям. Я тихонько лежал и слушал, сдерживая дыхание.

У Плеймета были гости. И эти гости пришли не в поисках места, чтобы поставить лошадей.

Медленно, как ледник, я стал передвигаться, пока не смог взглянуть на них.

Там, внизу, был Учитель Уайт – на безопасном расстоянии от Плеймета и с виду даже наполовину не настолько свирепый, как ему хотелось бы казаться. Скорее он был похож на хулигана с большими претензиями.

Учителю ассистировали два могучих бесшеих мордворота, которые выглядели так, словно приехали из деревни. Возможно, так оно и было, учитывая, что Учитель имел всего с полдюжины собственных подручных и все они были не крупнее Паука Уэбба или Скеллингтона.

– Осторожнее с ним, – предостерег здоровяков Учитель. – Этот парень опаснее, чем кажется на первый взгляд.

Вообще-то, я с трудом себе представлял, чтобы кто-нибудь мог недооценить Плеймета.

– Я не вижу необходимости причинять кому-либо вред, – сказал ему Учитель. – Все, что мне от тебя...

– А я вижу, ты приперся сюда, чтобы указывать мне, что делать!

Я напрягся, приготовившись прыгнуть, хотя подозревал, что с Плейметом и без того все будет в порядке. Подкова могла оказаться на другом копыте: это плохим парням могла понадобиться помощь еще до того, как уляжется солома.

Плеймет – очень религиозный человек. Он постоянно проповедует, что нужно подставлять другую щеку. Но когда дело доходит до подобных подонков-профессионалов, он предпочитает принцип «око за око».

– Где Гаррет? – спросил Учитель.

Плеймет не отвечал.

Громилы двинулись к нему. Плеймет встретил одного из них неуловимо быстрым прямым ударом в шнобель, так что голова жертвы дернулась назад, словно готовясь спрыгнуть с насеста. Бандит приземлился на нижнюю заднюю часть с ошеломленным и глупым видом.

Второй гангстер получил тычок в грудь. По его лицу разлилось чистое изумление – с подобным отношением редко встречаешься, когда обучаешь штатских.

Плеймет схватил молот и показал его Учителю Уайту. Тот понял намек.

– Ладно, ребята, нам пора.

Неплохая мысль, учитывая, что я как раз собирался спрыгнуть и сделать жизнь Учителя по-настоящему трудной.

А потом я увидел, куда бы спрыгнул, если бы сделал это.

Паук Уэбб и еще двое, известные под именами Оригинал Пипа и Вернор Душило, вышли на свет, чтобы сопроводить громил до двери. Оказывается, они стояли под самым сеновалом, не производя ни единого звука.

Вернора Душило действительно так звали с рождения. Истории Оригинала Пипы я не знал. Сам я не стал бы ни на кого навешивать такое имечко – но это не значит, что мать его не придерживалась иного мнения.

Я спустился вниз через полминуты после того, как вышел Паук Уэбб с последними членами команды.

– Вот тебе еще одно доказательство, что просто знать тебя – это уже плохо, – заметил Плеймет.

– В чем было дело?

– Они искали парня по имени Гаррет. Сказали, что шли за ним до моей конюшни – правда, не сказали зачем. Однако настроение у них было весьма решительное.

Я соорудил удивленное лицо, причем без всякого притворства.

– Странные... Они ходили за мной довольно долго, чтобы понять, что я не могу сказать им того, что они хотят узнать.

– А что это такое, Гаррет?

– А? Что – «что такое»?

– Что они хотят узнать?

– А кто ж их разберет! – Я действительно понятия не имел. – Может быть, им просто хотелось поближе взглянуть на мое симпатичное лицо.

Они же знали, что я и сам не могу отыскать ни Чодо, ни Жнеца. Разве не так?

– Ну конечно! Наверняка так и есть, Гаррет. Как это не пришло мне в голову?

32

Я решил дать Учителю и его ребятам пятнадцать минут на то, чтобы убраться подальше, где они смогли бы укрыться от плохой погоды и забыть о претензиях к симпатичному, но несведущему сыщику. Плеймет поддержал мою тактику.

– Я так и не смог понять, что им в действительности было надо, – признался он. – Они рассказали мне одну за другой три разные истории. Но основным моментом было то, что им очень, очень, очень хотелось заполнить в свои лапы парня по имени Гаррет.

– Спасибо, что не выдал.

– Благодарность числится в Книге главных ценностей.

– Ну, я же милый юноша...

– А вот это по заслугам числится в Книге естественных удобрений. Почему бы тебе не убраться отсюда, чтобы я смог наконец закончить работу?

– Намек понят.

Некоторые люди просто одержимы идеей делать свое дело.

Я оставил Плеймету послания для Плоскомордого и Торнады – на случай, если он встретится с ними прежде, чем они услышат об этом где-нибудь еще.

Дождь был не сильным, но лил не переставая. Это был не тот дождь, какому радуются крестьяне – они предпочитают вымокать до нитки весной.

– Гаррет! – раздался за моей спиной глухой голос.

Я был в одном квартале от Плеймета. Шел сторбившись, жалея о том, что у меня нет пончо, какие были у нас на островах. Они не спасали от влаги, но зато не позволяли наиболее крупным каплям оставлять синяки на теле.

– О, Паук!

Я шарахнул Уэбба тростью по голове, развернулся и врезал Оригину Пипе в область, где располагался его тезка. Затем, без труда обогнув остолбеневшего Вернора Душило, дал между глаз Учителю Уайту и скользнул за его спину, когда он пошатнулся. Моя трость уже была на его горле. Я чуток приподнял его над землей.

Паук стоял, опираясь о стену и стараясь не отключиться. Оригинал корчился на мостовой в луже собственной блевотины и боролся за каждый вдох. Душило устроил целое представление, прыгая вокруг меня и выискивая слабое место.

– Ты сломал мне нос! – посетовал Учитель. – Моя новая куртка вся заляпана кровью!

Они не ожидали от меня такого взрыва. Однако, как выяснилось, я принес недостаточно взрывчатки.

– Учитель, – шепнул я ему на ухо, – не мог бы ты сказать, почему вы с ребятами меня пасете?

И тут деревенские мордовороты наконец откликнулись на жалобы друзей.

Я снова ткнул Учителя, на этот раз под зад – с безмерным энтузиазмом, – сделал вид, что кидаясь направо, и побежал влево, рассчитывая вернуться к Плеймету.

Один громила ухватил Вернора Душило и швырнул мне вслед, словно метательное ядро. Душило исполнил свое назначение вполне неплохо, учитывая, что из него во все стороны торчали руки и ноги, пытавшиеся хоть за что-нибудь уцепиться, пока он пролетал мимо. Прежде чем я успел выпутаться из него, мне на голову обрушилось несколько мощных ударов. У меня начало двоиться в глазах, а ноги стали слишком жидкими, чтобы пытаться бежать.

Где же Стража? Как раз сейчас ее небольшое вмешательство мне совсем бы не повредило! Тут подоспел и Уэлби Делл, замаскированный под симпатичного сыщика при помощи модного заклинания, которое можно купить на черном рынке почти за бесплатно.

Я был слишком занят своей болью, чтобы обращать на что-либо внимание. Что-то с хрустом врезалось мне в коленную чашечку. Еще один мордovorот пнул меня в ребра. А потом кто-то ударил меня сзади мешком тех самых камней, тверже которых была только его голова.

33

– Слышь, Учитель, этот гад вроде как пришел в себя, – произнес чей-то голос; как выяснилось, он принадлежал Вернору Душило.

Я был привязан к старинному деревянному креслу с подлокотниками. Местечко было того сорта, какие бандиты обычно используют в качестве убежищ, когда начинаются военные действия. Повсюду были раскиданы соломенные матрасы. Два из них занимали Паук Уэбб и Оригинал Пипа – оба еще в худшем виде, чем я.

Душило зашел мне за спину и приподнял подбородок, чтобы я мог видеть Учителя Уайта – тот сидел рядом, обмякнув на стуле и до сих пор немного подтекаая красным.

Появился Уэлби Делл, неся миску с водой, несколько кусков ткани и какой-то грязный комок, оказавшийся губкой. Он принялся хлопотать над лицом Учителя.

Уайт что-то промычал. Делл перевел:

– Где Чодо?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Дома, наверное. Он не очень-то часто выходит в последнее время.

Уайт промычал снова.

– Где Жнец? – спросил Делл.

– Харвестер Темиск не состоит со мной в переписке. – Я попытался повернуть голову, чтобы понять, где крупные ребята, но Душило мне не позволил. – Вам не кажется, что в пищевой цепочке вы стоите низковато для таких дел?

Уэлби Делл поморщился, – очевидно, он думал в точности то же самое. Все это впоследствии могло сильно испортить им жизнь. Учитель поставил их жизни на один бросок костей.

Итак, Учитель не подсчитал голоса, прежде чем нанимать помощников со стороны и совать всех в кипяток, а также до сих пор не расплатился с ними. Скоро они устроят большую бучу, спасая свои шкуры.

– Я верю тебе, Гаррет, – промямлил Учитель. – Я так и думал, что ты ничего не знаешь. Но ты ведь настоящий дока, когда нужно что-нибудь найти, так что тебе придется найти для меня Чодо и Жнеца.

Я постарался разработать мышцы, чтобы они были расслаблены, когда я спрыгну с кресла.

– Где же этот Скелингтон? – проворчал Учитель. – Оригинал и Паук теперь ни на что не годятся. Этот недоносок должен был быть... или он настучал на меня?

Его глаза сузились. К нему пришла новая мысль. Это было так необычно, что ему понадобилось какое-то время, чтобы свыкнуться с этим, прежде чем он спросил:

– Ты не знаешь, где Скелингтон, а, Гаррет?

Я покачал головой. Это было больно.

– Спроси директора Шустера.

Может, мне и не стоило особенно прыгать – у меня ведь были сломаны ребра, не считая вмятины в голове.

Какой-то бред. Учитель Уайт не так глуп, чтобы вот так, ни с того ни с сего, набрасываться на меня. У него что-то было на уме.

– Чертов Скелингтон! Чертов ходячий Скелингтон! Он струсил. Он донес на меня. Надо выметаться отсюда. Проклятый Скелингтон!

Способность к членораздельной речи покидала Уайта.

– Бретт, Барт! Нам пора, тупицы. Вы нашли Колду? Взяли у него эту дрянь? Скормите Гаррету, быстро! Надо убираться отсюда к чертовой матери.

Толстая, как окорок, рука вцепилась мне в волосы и дернула назад. Вторая ухватила за подбородок, заставив открыть рот. Еще одна запихнула туда пучок какой-то нарезанной травы – явно послужившей постелью целому поколению скунсов, прежде чем попасть в аптечный бизнес. И наконец, еще одна рука опрокинула надо мной старый бесформенный глиняный горшок с водой; ббольшая часть пролилась на мою одежду. Те же несколько рук закрыли мне рот и зажали нос, так что я не мог дышать. Старый трюк, чтобы заставить животное проглотить лекарство.

– Глотай, Гаррет, – приказал Учитель.

Я боролся, но о победе не могло быть и речи. Пучок травы спустился ко мне в желудок, словно комок непрожеванной пищи, царапая все по пути.

– Сейчас ты ненадолго заснешь, – сказал Учитель. – Ты проглотил снотворное, так что у нас будет время, чтобы травы Колды успели подействовать. – (Учитель слишком долго сдерживался, чтобы теперь не вывалить мне все плохие новости разом.) – Когда проснешься, заметишь, что тяжело дышать. Через какое-то время тебе придется постоянно помнить о том, чтобы дышать, иначе ты перестанешь это делать. А если перестанешь дышать – умрешь.

Я чувствовал, как что-то уже начало распространяться по желудку – и это было совсем не счастливое тепло «Вейдеровского особого».

– Предлагаю сделку. Пока будешь бодрствовать и следить за собой, с тобой не случится ничего плохого. Если заснешь – умрешь, ведь во сне не сможешь помнить, что тебе нужно дышать. Приведи ко мне Чодо или Жнеца прежде, чем загнешься, и я дам тебе противоядие. Ты знаешь, мое слово крепко.

У Учителя действительно была такая репутация. Правда, она основывалась исключительно на свидетельствах тех людей, которые к этому моменту были еще живы. Тех, с кем он не стал особо церемониться, уже не было рядом, чтобы сказать свое слово.

– Приятных снов, Гаррет. И не теряй понапрасну время, когда снова проснешься... Эй, вы, приберите этот хлам! – рявкнул Уайт. – Нам пора валить отсюда.

Этот человек был идиот. Он ухватился за то, что показалось ему хорошей идеей, не продумав ее как следует. Его самый большой просчет уже вертелся на кончике моего языка, когда сонное снадобье утянуло меня в темноту.

Вопрос был такой: как я найду его, когда буду готов передать ему Чодо, – даже если предположить, что мои поиски действительно увенчаются успехом?

В целом Учителя Уайта можно было считать ловким парнем. Доказательства? Он был до сих пор жив и даже дошел до среднего звена. Он оставался жив благодаря тому, что у него хватало осторожности не выказывать и следа воображения.

Но его теперешние действия предьявляли несокрушимое доказательство того, что он не обладал необходимыми качествами, чтобы быть настоящим заговорщиком.

Его неминуемо должны были убить.

И он имел хорошие шансы прихватить с собой меня.

34

Как у меня болела голова!

Это было не похмелье. Это была настоящая боль, причиненная настоящими ударами по голове – и сопровождаемая болью во всех других местах.

Я сидел все в том же кресле, правда уже не привязанный. Шел дождь – по-прежнему. Сырой воздух задувал в приоткрытую дверь, которая хлопала на ветру. Была середина ночи. Дождь не стал сильнее, но ветер был более холодным и яростным. Время от времени сотрясая стены, рывкал гром.

Я встал. Из-за перемены высоты тут же закружилась голова. В висках стучало. Ребра протестующе вопили. Возможно, пару звуков я издал и сам.

Света не было. Я не стал тратить время в поисках лампы, а направился к двери, контур которой как раз высветила молния. Мне было необходимо выбраться отсюда. Мне было необходимо двигаться. Я не мог допустить, чтобы меня здесь застали.

Я видел улицу, но не мог узнать места. Попытался заставить свою мысль сосредоточиться на воспоминании того, в какой части города располагалась территория Учителя Уайта. Это не помогло. Снаружи было холодно и сыро. Я был одет не по погоде. Подручные Учителя не только разоружили меня – они взяли и мою куртку. Они забрали мое каменное яйцо и мой пояс. Я доберусь домой замерзшим, промокшим и несчастным – если мне вообще удастся вычислить, в какую сторону идти.

Я вцепился в дверной косяк, чувствуя себя слишком слабым, чтобы двигаться. Куски затвердевшего дождя выбивали вмятины на моем лице. Обернувшись, я кинул последний взгляд на то, что мне следовало оставить за собой, и как можно скорее.

Там, внутри, были трупы. Оригинал Пипа и Паук Уэбб. Я не знал, отчего они умерли. Или как. И не собирался проверять. Оригинал по-прежнему лежал, свернувшись калачиком, на том же самом месте, вцепившись в матрас.

Я выбрался под дождь и с трудом зашагал вперед. Дошел до перекрестка. Его вид не сказал мне ничего. По-прежнему предполагая, что нахожусь где-то на участке Учителя, я свернул налево, поскольку этот путь вел в гору. С более высокой точки я мог при следующей вспышке молнии обнаружить какой-нибудь ориентир.

Дрожь била меня с ног до головы.

Еще через два квартала я наконец понял, где нахожусь. Я шел не в том направлении. Четыре квартала вниз... Споткнулся! Еще раз споткнулся. И вот наконец я был в знакомом переулке, и он вывел меня на известную всем улицу. Еще два квартала к востоку – и я вышел на дорогу, которая должна была привести меня домой.

Однако голова так и не прояснилась. У меня было серьезное сотрясение мозга. И большие проблемы с дыханием.

35

Совсем рядом со мной находился кто-то, на чье дыхание могли бы слетаться мухи... Потом я понял, что этот вонючий рот поддерживает мне жизнь, делая искусственное дыхание.

А потом я оказался дома – в кресле, в комнате Покойника. Не имея никакого понятия, как я сюда попал.

В кресле. Снова... Едва способный соображать. В окружении других кресел, занятых людьми, пожалуй, даже еще в худшем состоянии, чем я. Покойник держал их под контролем. Я почувствовал его хватку и на себе и тут же вознегодовал, пока до меня не дошло, что я до сих пор жив лишь потому, что Весельчак работает за меня моими легкими.

Компания, собравшаяся у Покойника, включала Скелингтона, еще более скелетоподобного, чем когда-либо, Джона Растяжку, сидевшего в кресле сестры, Плоскомордого, Торнаду и Прилипалу. Ион Сальватор пылал от смущения, находясь умом к уму со знаменитым Покойником. Ах да, и еще там были три парня, работавшие то ли на Тупа, то ли на Шустера, – они валялись в углу.

«Расслабься, Гаррет. Я должен без помех исследовать твои воспоминания».

Я не стал возражать, поскольку был сконцентрирован на дыхании. Ага! Вот и горячий суп, а также пунш! Вот и Синдж с котенком, который демонстрировал, что ему нечего делать в комнате Покойника. Синдж положила разбойника ко мне на колени. Его выгнутая спинка тут же расслабилась, шерсть улеглась. Он замурлыкал. Меня наполнили спокойствие и оптимизм.

Торнада и Ион Сальватор поднялись с места и направились к двери, очевидно получив задание. Плоскомордый покинул нас вскоре после них. Потом появился Дин. Он сказал, что дождь ослабел настолько, что пикси могли бы летать, если это кому-нибудь нужно.

Он вышел и сразу же вернулся с пуншем для моей второй руки.

Я почувствовал себя веселее. Мой желудок был наполнен, пунш согрел меня изнутри, а Синдж извне хлопотала над моими вмятинами и трещинами.

– Поосторожнее с ребрами! – предостерег я.

Сотрясение, кажется, куда-то пропало.

Мешок с костями снял с меня всю боль. Синдж вряд ли можно было назвать легкокрылым соловьем: она тыкала, пихала, копала и скребла, где только могла дотянуться.

– На этот раз ничего не сломано. Сними-ка рубашку, нужно посмотреть, насколько серьезны ушибы.

Люди Морли стояли рядом, нервно переглядываясь и явно желая оказаться где-нибудь подальше. Кто-то хихикнул; массивная фигура Рохли показала резкий жест. После этого остальные держали эмоции при себе.

Я сосредоточил мысль, желая узнать, что они здесь делают.

«Все будет закончено настолько быстро, насколько возможно. Я должен внедрить в того из них, которого зовут Рохля, ложные воспоминания – чтобы он смог донести информацию до мистера Дотса, не осознавая, что вступал со мной в контакт».

– Но что случилось со мной?

Мой мозг наполнился чуждыми образами.

Один из парней Морли обнаружил меня по пути на работу. Он опаздывал, виной чему была некая женщина. Замужняя – и ее мужем был совсем не этот парень. Он бы вообще не заметил меня, если бы ему не показал на меня какой-то уличный мальчишка. Придя в «Пальмы», парень рассказал Морли, что его друг Гаррет, весь в крови, валяется под дождем в придорожной канаве.

Значит, поняв, что не смогу дойти до дому, я пытался добраться до «Пальм». А потом пришли спасатели и вытащили меня.

«Ну вот».

Рохля и его ребята вышли из комнаты, двигаясь как зомби. Дин пошел проследить, чтобы они все благополучно выбрались из дома.

Я вспомнил ту ужасную вонь из чьего-то рта. И решил никогда никому не рассказывать о сделанном мне искусственном дыхании.

У Рохли всегда были проблемы с зубами.

«Я нахожусь в затруднении».

– Вот как? А где это место – где-нибудь поблизости от Йимбера? Эй, Дин, как насчет еще одного пунша?

Когда-нибудь я принесу извинения Максу Вейдеру. Как ни редко это бывает, но иногда пиво не лучший выбор.

Мельком взглянув на Покойника, Дин заявил:

– Вы получите еще один. После этого напитков больше не будет.

– Итак, в чем же затруднение?

«Я должен повидать полковника Тупа или Дила Шустера. Мне необходима их помощь, чтобы заглянуть в умы слуг А-Лафа».

– В таком случае ты поторопился отпустить Рохлю. Он с его командой могли бы пустить слух о том, как принесли меня домой, и как по мне было непохоже, что я долго протяну, и как ты не проснулся, чтобы прийти на помощь... Или пошли вон ту кучу стражников, что валяются там в углу.

Передняя стена дома содрогнулась от массивованного приземления пикси.

«Я еще могу исправить этот просчет. Дин! Отнеси несколько монет к входной двери в знак нашей благодарности людям мистера Дотса... А теперь, Гаррет, пусть мисс Пулар проводит тебя до постели. Тебе не о чем беспокоиться. Как ты и предположил, Учитель Уайт допустил крупную ошибку».

– Иногда даже странно, как только человек может быть таким тупым.

«Не стоит недооценивать возможности глупцов, проживающих в этом городе. Тем не менее заглянуть в ум мистера Уайта может оказаться интересным».

Я хотел спросить, что поведал ему Скелингтон, но Синдж не дала мне на это времени.

«Гаррет, я буду знать, где тебя найти. Дин, открой, пожалуйста, дверь».

36

Я спал как дитя благодаря моему партнеру: один из его меньших умов поддерживал мое дыхание. Ядовитое зелье вызывало сон, почти настолько же глубокий, как кома. На протяжении ночи, без моего ведома, ко мне приходили гости. Среди них был травник, он назвал зелье, которым меня опоили, но не знал другого противоядия, кроме удачи, времени и большого количества воды. Он был изумлен тем, что я до сих пор жив, – удача, похоже, была на моей стороне. Скелингтон знал, что Учитель Уайт раздобыл сонное зелье от некоего типа по имени Колда. Он был уверен, что противоядие существовало, и думал, что у Колды оно есть.

Кроме того, ко мне приходили ведьма и целитель – из тех, что лечат наложением рук. Ни та ни другой не принесли мне непосредственного облегчения. Оба согласились, что мне следует пить воду галлонами. Мешок с костями сумел где-то раздобыть ведьму, хотя я не смог ее найти. Он так и не объяснил, как ему это удалось.

Явились и другие, прослышав о моем пошатнувшемся здоровье, но они подождали до рассвета. Все, кроме Тинни Тейт. Она нашла в себе силы отбросить претензии и обиды в момент, когда жизнь подошла к острому краю. Я проснулся лишь настолько, чтобы успеть сказать: «Иногда сны становятся явью».

Тинни Тейт – совершенно невероятное рыжеволосое существо. Все превосходные степени здесь уместны. Она – свет моей жизни, когда не является ее тьмой и мраком. В некоторых отношениях она – золотой стандарт женщины, в некоторых – источник всяческой неразберихи и сумятицы. Проблема Тинни в том, что она знает, чего ей надо, не больше, чем я. Но в отличие от меня, она никогда не признает этого.

Она была здесь, о чем еще можно мечтать? У нее был абсолютно убитый вид – пока она не поняла, что я проснулся, и тогда сразу напустила на себя суровость.

– Когда ты так делаешь, у тебя проступают веснушки.

– Ты невыносим даже на смертном одре!

– Я совсем не собираюсь умирать, женщина! Разве что от острой тейтонедостаточности.

– И грубишь до последнего вздоха.

– Холодно. Мне так холодно... Если бы только можно было как-нибудь согреться...

Она стояла всего лишь в шаге от меня.

Только одна свечка давала слабый свет. Этого хватало. Вот уже в сотый раз я был ошеломлен и потрясен тем, что эта женщина является частью моей жизни. Как я мог роптать на богов, если время от времени они уступали и позволяли свершаться чудесам, подобным этому?

Ничего не произошло. Покойник был рядом – в моей голове, воплощая собой презрительное целомудрие.

37

Не важно, кто спит рядом с тобой, свернувшись калачиком или как-нибудь по-другому. Пулар Синдж все равно припрется, едва лишь первые птички начнут чирикать. И свалит всю вину на Дина. Или на Покойника, как в данном случае.

– Тебя хотят видеть там, внизу.

Что-то я сомневался – Его Милость мог вызвать меня и не беспокоя Синдж. Я заворчал, заворчался, забормотал, помянул кое-чью родословную. Когда я прибыл в помещение, которое Мешок с костями превратил в штаб, я уже знал, что ему было нужно всего-навсего, чтобы я сам позаботился о дыхании, а он смог бы освободить свой второстепенный ум, пыхтевший и сопевший за меня до сих пор.

Налицо был обширный и гнусный заговор, имевший целью удержать меня в доме. Сделать так, чтобы я не ввязался во что-нибудь, требующее большого напряжения, – например, не обидел кого-нибудь, кто намеревался отщипнуть от меня несколько кусочков.

Я уселся. Смотрел, как приходят и уходят люди. Дышал. Весельчак не держал меня в курсе происходящего. Такова была его манера работы – он собирал информацию. Он искал неожиданные связи между событиями. Впрочем, обычно его главным устройством сбора данных являлся я.

Дин принес еду и чай. Я поел. Потом еще немного посидел, глядя на приходящих и уходящих посетителей. Мне было интересно, кто им платит. Будучи прирожденным, вечно влюбленным голубоглазым сыщиком, я интуитивно чувствовал ответ. И физически ощущал, как от меня утекают денежки. Мои напарники не имеют никакого представления об управлении финансами.

Я не понимал, кто все эти гости. Некоторые были мне совершенно незнакомы – не гонцы Шустера, не игроки Организации, не мордвороты из банды Зеленых Штанов и даже не экземпляры из зоопарка Морли Дотса.

– Что происходит?

Покойник не ответил мне.

«Так ты считаешь, твое каменное яйцо забрали люди Учителя Уайта?»

– Оно было у меня перед тем, как я потерял сознание. Когда я проснулся, его при мне не было.

«Вот именно».

– Прошу прощения?

«Я послал мистера Тарпа туда, где тебя держали, сразу же после того, как вычислил это место. Проведенное им обследование обстановки и трупов говорит об участии третьей стороны».

– Что?

«Предполагалось, что, будучи отравлен, ты тем не менее останешься в состоянии сделать для Учителя Уайта его грязную работу. Но тот ты, который еле выбрался из логова Уайта, скорее всего, вообще не должен был проснуться. Некоторые из твоих ушибов и ссадин не имеют соответствия с твоими воспоминаниями. Есть указания на то, что кто-то пытался тебя задушить».

– Но как ты все это вычислил?

«Косвенные свидетельства. Твое состояние. Тот факт, что Паук Уэбб был задушен твоим поясом – он все еще был у него на шее, когда мистер Тарп прибыл на место. Второй человек также был задушен, на его горле имелись соответствующие отметины. Аналогичные отмети-

нам на твоём горле. Ещё более многозначительным является то, что тела и все остальные доказательства исчезли к тому времени, когда мисс Торнада пришла туда сегодня утром».

– То есть Учитель вляпался по самые уши и даже не знает об этом? Но кто?

«В этом и состоит вопрос».

– Да уж, всем вопросам вопрос.

«Возможно, мы вскоре сможем спросить об этом самого мистера Уайта. Его компаньон мистер Брикс рассказал нам, где его можно найти».

– Кто такой мистер Брикс?

«Человек, известный тебе как Скеллингтон. Его настоящее имя – Эммаус П. Брикс, хотя инициал посередине ничего не обозначает... Ага. Вижу, мистер Тарп достиг ещё одного успеха».

Двумя минутами позже компаньоны Плоскомордого по Уайтфилд-холлу, Орион Комсток и Джун Николист, спотыкаясь, ввалились в комнату, отчаянно сражаясь с деревянным ящиком, слишком тяжёлым для своего размера. Сразу же появился Дин, вооружённый специальным инструментом для взлома – ещё одним продуктом моей фабрики.

Синдж заплатила Николисту и Комстоку, тщательно зафиксировав операцию. Вероятно, присутствие Покойника никого не беспокоило. Они считали, что он по-прежнему находится в гeбepнaции, несмотря на это собрание, явно состоявшее из членов его клуба.

«Эти джентльмены не бывали здесь прежде. И скорее всего, больше не появятся».

– Угу.

Орион Комсток взял у Дина фомку.

Взвизгнули гвозди. Котьята заорали на весь дом. Я слышал, как они в смятении пронеслись вверх по лестнице, а потом ссыпались обратно вниз и скрылись на кухне.

«Ага. Как я и предполагал».

– Что там такое?

«Как думаешь, что они решат насчет того, с кем ты разговариваешь?»

Для прикрытия я направился в коридор.

– Я схожу. Вам нужно быть здесь, – сказал Дин.

Его голос звучал озабоченно.

Синдж тоже казалась взволнованной. Её шерсть на открытых частях тела встала дыбом, что с ней случалось не часто.

Мне показалось, что в моей связи с Покойником было даже нечто подспудно отвратительное... А потом я начал слышать другие голоса. Внутри головы.

Я подобрался к Комстоку с Николистом.

Деревянный ящик был обшит изнутри свинцовыми листами. В нём находилась пара одинаковых блестящих металлических статуэток в виде сидящей собаки, девять дюймов высотой каждая.

«Шакалы, – прокомментировал Мешок с костями. – Почти всегда – пожиратели падали».

– Парни, вы что, стащили это из «Бледсо»?

– Вроде мы так и договаривались, – подозрительно взглянул на меня Комсток. – В чем дело, проныра? Ты что, хочешь сказать...

– Да нет, просто не ожидал... Плоскомордый вам доверяет – я тоже. Но те, которых видел я, не сидели, а стояли.

Комсток пожал плечами:

– Мы видели и стоящих, и лежащих; одна сука вообще кормила щенков. Но Плоскомордый сказал, что тебе нужны те, которые уже запечатаны. Ну так вот они!

– Да, все верно. Вы хорошо справились.

Я потянул свои щупальца к ящику.

«Остановись!»

В моей голове слышался мрачный неразборчивый шепот.

– Эй, поосторожнее там! Эти штуки лучше не трогать голыми руками, – сказал Николист.

Моя ладонь замерла. Да, от статуэток накатывал холод.

Николист показал мне внешнюю сторону своего левого мизинца:

– Вон, взгляни, это я только ненароком задел.

На мизинце не хватало лоскута кожи – с четверть дюйма шириной и три четверти длиной.

Рану окружали жуткие кровоподтеки.

– Наверно, побаливает? – предположил я вслух.

– Побаливает. Ладно, Орион, нам пора, а то сейчас ищейки набегут.

Это опасение не пришло мне в голову – хотя было к месту в данной ситуации.

– Я выпущу вас. И спасибо, парни! Вы действительно очень мне помогли. Когда в следующий раз у нас появится крутая работа, мы обратимся к вам в первую очередь.

Орион с Джуном обменялись взглядами, пожатиями плеч и покачиваниями головы.

Я воспользовался глазком, но не увидел ничего особенно примечательного. Не считая главного спеца по починке дверей, Хламбо Малклара, который ставил свою повозку позади той, что, видимо, доставила ко мне металлических собачек.

– Все чисто, там только те же люди, что и всегда, – сказал я Комстоку с Николистом. – Выходите без суеты, и никто ничего не заметит.

Они вышли на улицу. Мистер Малклар взгромоздил на плечо ящик с инструментами. Это был широкоплечий, низкорослый, темноволосый угловатый человечек с некрасивым лицом, среди предков которого, несомненно, присутствовал гном. Он обладал одной из тех физиономий, которые нужно брить по три раза на дню, чтобы они выглядели просто грязными.

Хламбо – большой любитель капусты, как свежей, так и квашеной ее вариации. Если он пребывает где-либо долгое время, это становится подавляюще очевидным.

– Доброе утро, мистер Малклар. Похоже, на этот раз вас ждут петли.

– Зовите меня просто Хлам, мистер Гаррет. Меня все так зовут. Что у вас случилось?

И он вдохновенно пророкотал с дальнего конца. Даже не извинился. А зачем? Все произошедшее – часть естественного цикла.

– Как всегда. Правда, на этот раз плохие парни были крупнее, чем обычно.

– Нет! Не может быть! – Эти слова он отметил тоненьким писком. – Та дверь, что я поставил вам в прошлый раз, должна была простоять до...

– Дверь в порядке, мистер Малклар. Вопрос в петлях. И если бы вы видели тех парней, вы бы потом десять лет раздувались как индюк от того, насколько прочной оказалась ваша работа.

Малклар испустил рокочущий смех, гордый за себя. Затем сам себе ответил рокотом с противоположного направления. Воздух начинал становиться тяжелым. Малклар все так же ничего не замечал.

– У вас нет свободной комнаты где-нибудь в нижнем этаже? Какого-нибудь места, которое вы не используете? Дело в том, что я ведь все равно часто у вас бываю, а тут жена выгнала меня из дому... – Он прервал свою речь призывной руладой. – Даже не знаю почему. Может быть, нашла себе другого, кто ей больше по сердцу... В общем, так я был бы всегда на месте, если придет время послужить моему главному назначению.

– Что ж, Хлам, похоже, это не такая уж плохая идея. – (Очень сложно разговаривать, когда не хочется вдыхать.) – Но у меня и так уже живет столько народу, что мне за всеми не уследить. И – ничего личного, но я обязан им всем больше, чем вам.

– Ну ладно. Тогда остановлюсь у кузена Сеппа. Или у сестры. – (Гр-рым!) – Все это можно решить. Вот только, похоже, придется мне расширить дело. А то с этим законом и порядком дверей ломают все меньше и меньше.

Хламбо Малклар – настоящий гений в том, что касается инструментов и ручной работы. В дивном новом Танфере послевоенной Каренты найдется не много таких, как он.

Я глотнул свежего воздуха, пользуясь порывом налетевшего ветерка.

– Хлам, я хочу оказать вам услугу. Если вы поклянетесь на могиле матери, что почините мою дверь на века.

Гр-рум!

– Конечно, мистер Гаррет! Я думал, это уже улажено.

– Вы знаете, где находится трехколесная фабрика в Степкросс-Пуле?

– Конечно.

– Найдите там зеленую дверь и скажите человеку, который вам откроет, что я рекомендовал вам повидаться с мистером Дейлом Пиклем. Возьмите с собой инструменты. Там вам дадут любую работу, с которой вы только сможете справиться, и еще прибавят. А также место, где вы сможете остановиться, если в этом будет необходимость.

Мои партнеры по бизнесу (все владеют ббольшим количеством акций, чем я) согласны в том, что мы должны заботиться о наших кадрах. Макс Вейдер построил пивоваренную империю благодаря тому, что ценил и награждал людей, помогавших воплощать ее в жизнь. Все работники вейдеровской пивоварни счастливы своим положением и беззаветно преданы хозяину.

На фабрике наверняка найдется место для человека со способностями мистера Малклара. А если он там приживется, то вскоре станет менее ароматичным – они ведь не позволят ему самому готовить для себя.

Малклар сделал мне безмерное одолжение:

– Если вы отойдете с дороги, я почию вам петли. Это займет, наверное, час, не больше.

«Удачи в этом», – подумал я и обратил внимание на то, что Комсток с Николистом так и не забрали свою повозку. Если краденые повозки будут продолжать скапливаться перед моим домом, мне неизбежно придется отвечать на вопросы.

Я пошел внутрь дома, чтобы предупредить всех, что некоторое время у нас не будет входной двери.

38

В комнате Покойника было тихо. Синдж с Дином сделались незаметными вплоть до невидимости. Немногочисленные гости по-прежнему неподвижно сидели на своих местах. То же относилось к металлическим статуэткам в их свинцовом гробу.

– Эти ребята были правы, Весельчак. Очень скоро нам следует ждать визита Стражи.

Я снова услышал давешний шепот – нечто злобное и отвратительное.

«Ну и превосходно».

– Ты хочешь этого?

«Надеюсь, полковник Туп явится лично».

– Да, надежда есть, если он по-прежнему думает, что ты дрыхнешь. А вот Шустера мы, скорее всего, не заманим – он слишком умен и слишком охвачен паранойей, чтобы рисковать.

«Без сомнения».

– Ты, кажется, чем-то отвлечен?

«Пытаюсь определить местонахождение этого создания, Пенни Мрак. Я чувствую ее где-то здесь неподалеку, но она чрезвычайно неуловима. Даже пикси не смогли ее вычислить, когда я послал их прошлым вечером. Вот если бы у нас был попугай...»

– Он уже в лучших краях, далеко-далеко отсюда. Расскажи-ка мне об этих статуэтках.

Шепот все не прекращался, хоть я и не мог разобрать слов.

«Через минуту. Я хочу рассмотреть поближе одну идею, которую обнаружил в глубине твоего мозга».

Должно быть, она затаилась действительно где-то в самой глубине. Лично я не мог припомнить у себя никаких таких идей – если не считать мысли вернуться наверх к Тинни.

«Да. Пожалуй, на это мне хватит мощности. Думай о своем дыхании, тебе придется некоторое время обойтись без меня».

– Что?

Я ощутил заметную разницу, когда он отпустил меня. А я-то думал, что он уже это сделал!

Через несколько минут один из наших гостей встал и оцепенело побрел прочь. Я прилежно дышал, сконцентрировавшись на этой работе и одновременно наблюдая, как он проходит мимо мистера Малклара. Он не заметил миазмов, к этому времени уже заполонивших коридор. Он не слышал голосов. Он существовал на другом уровне.

Покойник сохранял над ним контроль до самой дороги Чародея, значительно дальше жилища миссис Кардонлос.

Итак, теперь я знал, что именно он выудил из моих мозгов: обрывок мысли насчет заполнения их пустых черепушек противоречивыми ложными воспоминаниями, чтобы эти люди не путались у нас под ногами. Чтобы нам не приходилось их кормить, подносить им горшок и обременять ими себя во всех прочих отношениях.

Второй человек поднялся и вышел из комнаты. Я не стал провожать его – мне не хотелось еще раз подвергать себя воздействию мистера Малклара.

– А это не преждевременно? Отпускать их всех, пока к нам не пришел кто-нибудь, кого мы могли бы расспросить про этих металлических собак?

«Шакалов».

– Все равно. Ты понимаешь, о чем я говорю? Сначала их хватятся, а потом вдруг заявятся эти – в полном расстройстве, ничего не помня...

«Я понимаю, о чем ты. Однако ты не доверяешь моей способности вызывать такое расстройство».

– Ничего подобного.

«Ты помнишь в прошлом случаи маразма у членов Стражи?»

– Конечно! Их, наверное, и сейчас хватает, но уже меньше, чем было, – с тех пор, как Туп и Шустер взяли дела в свои руки.

В итоге все оставшиеся гости, за исключением Скеллингтона, постепенно покинули нас.

– Итак, насчет этих собак... хорошо, хорошо, я знаю! Шакалов. Вот мы их заполучили, и что теперь? Что они такое? Зачем было их красть?

Я был бы совсем не против расстаться с ними. Особенно если это помогло бы мне избавиться от голосов в моей голове.

«Гаррет, я никогда не слышал об этом культе А-Лафа, но в нем присутствуют многозначительные параллели с другими культурами, особенно в отношении металлических изображений животных. Если металлом является никель или какой-нибудь сплав на его основе, их функции должны быть во многом похожи на функции тех никелевых статуэток, что несколько столетий назад украшали алтарь Тайнтаи Дароносицы».

Я никогда не слышал о Тайнтаи Дароносице. Впрочем, существовали целые полки богов, богинь и их команд поддержки, парусам которых не доводилось появляться у меня на траверзе. Божества приходят и уходят – просто их жизненные циклы длятся несколько дольше, чем у людей.

– Это все очень интересно, Весельчак. Но было бы еще интереснее, если бы ты обронил пару намеков насчет того, что происходит.

Я ощутил его оживание, когда он послал мне мысль: «С этим придется подождать. К нам идут официальные гости. Прими их не здесь, а у себя в кабинете».

Мельком я уловил краешек мысли, обращенной к Мелонди Кадар. Для племени моих пикси пришло время обрабатывать проживание.

Я поспешил в кабинет. Там не был слышен этот неумолчный темный шепот. В коридоре мне повстречался Дин, направлявшийся к входной двери – где мистер Малклар, несмотря на то что час уже прошел, до сих пор не починил и не заменил погнутые петли.

Интересно, мог ли он слышать это темное бормотание?

39

Из коридора доносился шум. Дин издавал оскорбленные звуки. Кому-то удалось прорваться через мистера Малклара. Выказав больше смекалки, чем я от него ожидал, Дин проделал достойный отступательный маневр, заманивший захватчика мимо комнаты Покойника – прямо к открытой двери в мой кабинет.

Человек, вломившийся ко мне, выглядел так, словно его наспех слепили из частей, ранее принадлежавших нескольким другим людям. На южном полюсе у него имелись жидкие ножки и почти полное отсутствие ягодиц. В верхней части присутствовали грудная клетка и плечи, достойные Плоскомордого или Плеймета. Затем следовала голова, вполне соответствовавшая своим антиподам. Все это было завернуто в плохо скроенную синюю униформу.

Он вбежал ко мне с пеной у рта:

– Вы спятили, Гаррет? О чем вы только думали, похищая религиозные ценности?

Последовали дальнейшие взрывы негодования, становившиеся все громче по мере того, как я продолжал не обращать внимания на его присутствие.

Наконец – мягко, спокойно, в разговорной манере – я спросил его:

– Ты правша?

– А? В смысле?

– Какой рукой ты ублажаешь себя? Ее я сломаю первой.

Я игнорировал его спутников. Забавно, один был одет в синюю форменную куртку, но без соответствующих брюк. У него они были коричневые. Может быть, он не мог себе позволить полное обмундирование.

Тот факт, что я по-прежнему больше интересовался своими делами, чем ворвавшимся в мой дом бушующим незнакомцем, несколько смутил грубияна. Было понятно, что я считаю его не более чем досадной помехой. Я сделал вид, что подписываю какие-то бумаги, затем поднял голову:

– Ты не ответил мне. А также не представился. Ты женат?

– Женат? – повторил он.

– Если будешь и дальше вести себя как обалдуй, мне нужно знать, куда выслать останки.

Я играл в тупого мачо. Я мог себе это позволить: за мной стоял Покойник.

«Этого воителя зовут Рейми Лист, – уведомил меня упомянутый напарник. – Он был назначен в Стражу по политическим мотивам, через голову принца Руперта, у которого, наверное, просто не было выбора. По рангу он капитан, номинально считается штабным офицером. Соображения, по которым его определили в Стражу, были не только политическими, но и имели целью поставить его на такое место, где он сможет поскорее угробить себя».

– Так вот, значит, как выглядит новая штабная униформа?

Капитан Рейми Лист раскрыл рот. Люди этого сорта попадают не так уж редко. Это был невежественный аристократ, который имел подозрения относительно собственных недостатков и вымещал их, оскорбляя стоящих ниже его на социальной лестнице.

– Итак, теперь, когда мы ведем себя вежливо, – что я могу для вас сделать, капитан Лист?

Покойник никак не объяснил информацию, которую послал мне. Я предположил, что он обшарил головы спутников Листа в поисках чего-либо ценного.

– Присаживайтесь.

Капитан Лист сел. Возможно, Весельчак немного способствовал его заторможенному состоянию. Спутники капитана остались стоять в дверях. Тот, что был в форменной куртке, сопроводил мои действия незаметным одобрителным кивком.

– Чем я могу быть полезен своим друзьям из Стражи?

Капитан Лист смутился:

– Э-э... полковник Туп хотел бы знать, зачем вы испортили внешний вид «Бледсо» и выкрали оттуда определенные металлические украшения.

– Я не делал ничего подобного. Если это и произошло, я не имею к этому никакого отношения.

Кстати, это было совершенной правдой.

Он мне поверил – замечательное достижение для слуги закона.

Дин принес для Листа и его соратников закуски на одинаковых маленьких подносиках. Через несколько минут капитан расслабился и принялся отпускать неуклюжие шуточки, с треском проваливая все попытки. Я, как прирожденный дипломат, время от времени вставлял милосердный смешок.

– Конечно, еще рано, но, может быть, кто-нибудь хочет пива? – предложил я.

В глазах Листа что-то шевельнулось. Бинго! Я узнал его порок, хотя Мешок с костями и не давал мне намека. Проблемы с алкоголем в сочетании с мерзкими личными характеристиками – готовый рецепт для нездоровых наслаждений.

Капитан Лист выиграл этот раунд со своим демоном. Было действительно рановато – демон еще не полностью проснулся и не мучился жаждой.

Но появился Дин с подносом, полным запотевших кружек. Никто не стал упускать благоприятную возможность.

– Мистер Гаррет, – сказал Дин, – мне придется сегодня выйти на улицу, если вы не предпочтете прекратить развлекаться. Мы уже дошли до дна запасного бочонка.

– Ох!

– В погребе есть вино, но оно, возможно, прокисло.

– Ладно, что-нибудь сообразим. Попозже.

«От одной кружки пива останется достаточно запаха, чтобы человек попал под подозрение».

– Да, наверное...

– Наверное – что? – нахмурился капитан Лист.

– Наверное, мне пора возвращаться к работе. Дин, список покупок при тебе? Дин! Куда он подевался?

– Ушел обратно в кухню, – сообщил стражник в синей куртке.

Я встал. Лист тоже. Мы пожали друг другу руки, и я поблагодарил его за то, что он заглянул ко мне.

«Пусть идет. Не давай ему времени подумать».

Что я и сделал. И в процессе торопливого исхода он совершил, наверное, единственное социально полезное деяние за всю свою жизнь.

– Дагоновы яйца, парень! – взревел он, проходя мимо мистера Малклара. – Неужто к тебе в задницу забрался скунс и подход там? Сделай что-нибудь! Ты можешь навозного жука задушить своей вонью!

Стражник, который был совсем без униформы, задержался позади остальных.

– Слушай, приятель, я не знаю, что ты сделал, но, если сможешь придумать, как повысить концентрацию, я бы взял у тебя бутылочку, – прошептал он. – Мне приходится работать сиделкой при этом остолопе шесть дней в неделю.

– Когда окажетесь только вдвоем где-нибудь в дурной части города, зайди сзади с крепкой доской и шарахни его по затылку, – посоветовал я.

Стражник ухмыльнулся:

– Мне нравится твой образ мыслей. Проклятье! Вон он опять идет. Сейчас начнет вопить. Я повернул обратно, намереваясь навестить Покойника.

Мистер Малклар остановил меня:

– Скажите, мистер Гаррет, у меня действительно проблемы?

– Что?

– Этот человек, который только что ушел, сказал мне...

– Да, Хлам, вы действительно едите слишком много квашеной капусты – но ведь это всегда можно изменить... Впрочем, это не мешает ему оставаться придурком.

Я поспешил в комнату Покойника.

– Ну как, стоило ли с ним столько возиться?

«Этот человек, в сущности, является вторым по значению после полковника Тупа. Он убежден, что заменит полковника на его месте еще до конца этого года. Его заверили, что именно так обстоят дела».

– Что? Существует заговор, чтобы сместить Тупа? – Я был удивлен, но не поражен. – Неужели этот Лист на деле более компетентен, чем дает понять?

«Еще менее. Под его руководством Стража вскоре развалится, вернувшись к прежним временам коррупции и безделья. И это в лучшем случае. В худшем – он станет марионеткой в руках заговорщиков, не умнее, чем он сам. Они хотят избавиться от Дила Шустера, потому что он не принадлежит к их социальному слою».

– В таком случае их ждет неприятный сюрприз.

«Разумеется. Самый неприятный. Для мистера Шустера практически не существует иного тормоза, кроме Уэстмена Тупа. Тот, кто устранил полковника, пожнет бурю».

– Удалось выяснить еще что-нибудь интересное?

«Если тебя интересует составление диаграммы командной цепочки внутри Стражи, теперь мы знаем все имена. Или если ты интересуешься личностью информаторов и сыщиков под прикрытием, которые работают на полковника Тупа, они у нас тоже есть. Кстати, их список включает некую Софджинек Кардонлос. Официально не замужем».

– Ага! Я всегда был уверен, что она – женщина Шустера.

«В этом нет ничего невозможного».

Еще бы!

– А насчет Зеленых Штанов что-нибудь есть?

«Его не подпускают к ним близко. Однако до него доходят слухи».

Мы прошлись по всем темам, пока я не узнал все, что он пожелал сообщить.

– Итак, – сказал я, – что насчет того, чтобы вернуть им этих собачек?

«Шакалов! Ты что, тупой?»

– Нет. Но разве это так уж важно?

«Слова всегда важны, Гаррет. Особенно когда это имена. То же относится к символам, особенно религиозным. Шакал является значительной фигурой во многих религиях. И более всего – в тех, которые придерживаются мрачного взгляда на земное существование. А культ А-Лафа, похоже, относится к этому вопросу мрачнее многих других».

Умник ввел бы меня в курс дела насчет шакалов, выбрав удобный момент, если бы действительно знал о них что-то важное. Обычно он не гнушается претендовать на знания, которых на самом деле не имеет. У него не только несколько мозгов – у него несколько эго.

– На основании чего ты пришел к этому заключению?

«На основании их поведения. На всеобщем мнении, что этот культ более жесток, чем его женская половина, которая и сама кажется довольно темной. Вкупе с воспоминаниями об исторических прецедентах».

– Ты уже упоминал о древних культах. И не объяснился.

«Древние культы, да... Ни один из них не был похожим на этот. Эти люди сами не порождают страдание и отчаяние, которое приносят в жертву своему богу. Они лишь собирают их, где бы... ага!»

– Что?

«К нам гости. Опять. Проводи их в дом так быстро, как только сможешь».

– Ты следишь за Малкларом? Он ведь видит всех, кто приходит и уходит.

«Он забывчив. Все его существование сосредоточено сейчас на работе, которую он делает, и его злосчастном метеоризме. Мысль о том, что за его бедственное положение несет ответственность его же собственное газоотделение, никогда прежде не приходила ему в голову. Но впусти этих людей в дом».

Итак, он не собирался объяснять мне ничего про этих шакалов. Да и знал ли он о них что-нибудь на самом деле?

40

«Эти люди» прибыли на борту большой черной кареты, которую вел Сарж, человек Морли. Рядом с ним на козлах сидел второй парень, известный мне только как Теодор. Они были взвинчены.

Ближайшая к дому дверца кареты распахнулась, из нее выскочил Рохля. Он выругался, врезавшись в повозку, брошенную Комстоком и Николистом, и принялся озираться по сторонам, словно ожидал увидеть орду венагетских головорезов. Я не видел оружия, но подозревал, что у них целый арсенал.

Рохля махнул рукой. Из кареты выбрался человек, подталкиваемый сзади. Запястья были связаны у него за спиной, на глазах черная повязка. Уэлби Делл. Вот как. Интересно... Рохля заставил его пробежаться к дому.

Теодор прыгнул на землю и помог Рохле извлечь из недр повозки сопротивляющегося Учителя Уайта. Учитель не имел представления о том, куда его ведут, но собирался бороться за каждый шаг. Потребовались совместные усилия Рохли и Теодора, чтобы ввести его в дом.

В карете было еще двое пассажиров: третьестепенный гангстер из Организации по имени Мусор Блейз и мой закадычный друг мистер Морли Дотс. Я был не особенно удивлен, увидев его. Не вызвал у меня потрясения и тот факт, что из кареты не вывалились головой вперед импортные мордovorоты Учителя. Она тронулась с места сразу же после того, как Рохля помог боссу проскользнуть мимо мистера Малклара.

Послышался рев, какой можно услышать только от лавочника, лишившегося чего-то, что он долго держал в руках.

Полузадушенный голос Морли произнес:

– О боги Райма!..

Я переждал с полминуты, надеясь, что дуновение ветерка рассеет миазмы. Ожидая, я мельком заметил пикси, которые хлопотали словно пчелки, если использовать старую шутку.

Мое ожидание было напрасным: как раз когда я подошел к ним, мистер Малклар повторил свое высказывание с мощью, способной очистить собор во время исповеди.

– Простите, мистер Гаррет. Ничего не могу с собой поделать.

– Я знаю, Хлам. Никто не может. Но мы в силах следить за тем, что едим. Сколько еще вы здесь собираетесь пробыть?

– Осталось немного. Понимаете, эти шурупы...

– Меня это не заботит. Это ваша работа. Однако вы можете сделать для меня одну вещь: поглядывайте по сторонам и следите за всеми, кто будет проявлять интерес к моему дому. Типы, которые пытаются взламывать двери, могут попытаться проникнуть внутрь, пока эта дверь снята с петель.

– О! Конечно! – (Гр-рум!) – Об этом-то я и не подумал! Конечно я буду поглядывать.
– Ну и замечательно. Вы хороший человек, Хлам.

Я поспешно ретировался. Пожалуй, Учитель Уайт оказал мне услугу, устроив так, что я не имел необходимости дышать.

Новоприбывшие собрались в комнате Покойника. Никто не выглядел счастливым – и Морли, возможно, меньше всех. Он чует правду мгновенно и сразу же просек, что Покойник уже не дрыхнет. Я подтвердил его подозрения.

– Если ты и твои парни хотите убраться отсюда, идите. Если так вам будет спокойнее.

Они не возражали. Вся толпа тут же затопала к выходу, а Морли напоследок одарил меня мрачным взглядом и приглашением:

– Заходи ко мне в клуб, когда найдется минутка.

– Конечно!

Он проследовал за парнями.

Ментальную атмосферу наполнил призрачный смешок:

– Что, им не удалось уйти быстро?

«Да. – (Ментальное веселье продолжалось.) – Им это никогда не удастся».

Покойник развлекался вовсю – теперь он был рад, что проснулся.

Появилась Синдж. Полпути она преодолела вороватой побегжкой – девушка по-прежнему чувствует себя неуютно, когда Покойник рядом.

Его Милость раздал нам инструкции. Синдж сняла с Учителя повязку и вытащила кляп, но оставила руки связанными за спиной. Первое, что он увидел, был я, сидевший лицом к нему.

– Ну что ж, Уайт, времена меняются. У тебя есть что сказать?

Учитель был не рад – даже самую малость. Но он не мог видеть Покойника оттуда, где сидел, и, следовательно, еще не вкусил истинного отчаяния.

Уайт не ответил на мой вопрос. Он не был абсолютным умственным пигмеем – ему хотелось сначала оценить свое положение, прежде чем что-то предпринимать.

– Вот как обстоят дела. Твое зелье не подействовало, точнее, не совсем. Так что я не собираюсь предъявлять тебе претензий.

Я поднял бровь и подмигнул ему. Цвет его лица от природы не был настолько бледным, как у Скелингтона, но сейчас подходил близко к тому. Он не мог видеть Покойника, а вот Скелингтон был полностью в поле его зрения.

«Его ум хорошо экранирован. Я понемногу продвигаюсь. Мне нужно действовать осторожно, чтобы не возбудить в нем подозрений. Отвлеки его».

– Учитель, сам-то ты делаешь когда-нибудь домашние задания? Разве ты не знал, что нельзя отмачивать такие штуки, как твоя, и надеяться выйти сухим из воды?

Ему было нечего сказать.

– Конечно, в тот момент это казалось неплохой идеей? – Я дал ему несколько секунд. – Должно быть, кто-нибудь подсказал тебе ее? Дин, я весь иссох. Не мог бы ты принести мне воды?

«Его группа поддержки не знает ничего, что представляло бы большую ценность. Хотя, взятые все вместе, они могут предоставить обширный список мест, где мистера Контагью и мистера Темиска быть не может».

– Но есть ли какая-нибудь закономерность? Или лазейка?

«Твои непрестанные вопросы пробудили в мистере Уайте подозрение, что я могу быть не вполне недееспособен».

Мне не нужен был Весельчак, чтобы понять, когда Учитель уловил истину. Он стал еще бледнее, чем был.

– Что ты сделал с моим барахлом, которое отобрал у меня? – спросил я. – Где оно? В твоём бумажнике? Хорошо. И так – кто убил Паука и Оригинала? Что? Ты не можешь мне сказать? Ты не знал? Ты ведь оставил их вместе со мной.

– Они должны были приглядывать за тобой. Проследить, чтобы ты не загнулся или что-нибудь еще, пока не проснешься.

«Он действительно верит, что это так».

– А что случилось с Бреттом и Бартом?

– Они мне были больше не нужны. Я заплатил и отпустил их.

Прибыл Дин с водой. И со списком покупок. Список был что надо – показывал совершенно ясно, насколько дорого нам обходятся все эти развлечения.

– Что, у нас совсем нет больше чая?

– Совсем.

Я застонал.

– А что делает Синдж? Ей удалось успокоить котят?

– Им не по себе. Они все забрались в корзину, но больше уже не паникуют.

Голос в моей голове сообщил: «Джентльмены из-за города были наняты через посредство некоего Щура Вролета».

В мозгу мгновенно выстроилась мерзкая цепочка. Щур работал на Зеленого Боба Рактика. Ни один из них не имел участка, на котором требовались бы Бретты и Барты. Однако Зеленый Боб докладывался Попрыгунчику Багтсу, а сестра Попрыгунчика была замужем за Милягой Скалдитом, глупым, но восторженно-кровожадным братом Рори Скалдита. Невротичный младший отпрыск семейства Скалдит был владельцем целого табуна специалистов по насильственным действиям.

– Учитель, а тебе не кажется, что ты, сам того не зная, делал кое для кого грязную работу? Например, для некоего Миляги Эс?

«Сейчас он тоже так думает».

Однако Учителю по-прежнему было нечего мне сказать.

«Гаррет, наш упрямый гость чрезвычайно рассержен».

– Я бы тоже на его месте... Эй, Учитель! А что насчет моего противоядия?

Уайт посмотрел на меня так, словно недоумевал, неужели я настолько безнадежно наивен.

– Мне дадут выбраться отсюда? – спросил он.

– У тебя есть хороший шанс. Однако в каком виде ты при этом будешь, еще остается решить. Как считаешь, может быть, пригласить Щура и Зеленого Боба на посиделки?

Он превосходно понял, что я имел в виду.

– Противоядие существует.

– Это я знаю. Но вопрос доверия, посылать ли за ним тебя. По крайней мере, до тех пор, пока не устроим тебе аналогичную неприятную ситуацию.

«Легче легкого».

– Что?

«У этого человека крепкая естественная стенка, окружающая его мысли. Однако он не может защищать их сознательно».

– К чему ты клонишь?

«У него есть друзья среди Стражи. Внутри Аль-Хара. Если его как следует подтолкнуть, он может помочь нам заполнить зеленоштанников».

– Это интересно. Но зачем тратить такую информацию? Туп и сам в состоянии нам их передать.

«Возможно, ты прав», – признал Покойник. С видимой неохотой.

– Итак, вот какое у тебя положение, – сообщил я Учителю. – Мой друг сейчас имплантировал в твой мозг логхирского мозгового червя. Он сведет тебя с ума – понемногу. Ты станешь вроде этих ребят, которых можно увидеть на улице, – ходят и спорят сами с собой. Разница в том, что тебе будет становиться все хуже и хуже. Только логхир сможет вытащить червя обратно, а в наши дни под рукой есть лишь один логхир.

Я не стал подчеркивать иронию ситуации. И не стал ничего говорить насчет того, кто что с кем сделал. По настоянию Покойника я сказал только:

– Приведи нам любого из этих парней на пару слов, и твоя жизнь станет намного легче.

Покойник мысленно передал ему список, включавший в себя тяжелейших из тяжеловесов преступного мира Танфера. Учитель пообещал, что сумеет как-нибудь доставить одного из них в объятия Покойника, но добавил, что это может произойти не так скоро, как нам бы хотелось.

«О, это произойдет скоро, – предрек Покойник, включив Учителя в число своих адресатов. – Или не произойдет никогда».

Спустя несколько мгновений Уайт был уже на свободе. Покойник окружил его атмосферой смятения, чтобы прибавить ему прыти.

41

– Что еще за мозговой червь? Это что, правда?

«Он будет думать, что правда. Этого достаточно».

– Надеюсь, что так. Эти люди не любят, когда им угрожают.

«Друг от друга они это терпят. Ты вернул яйцо?»

– Да, оно у меня.

Логхир ничего не упустит!

«Поднеси его поближе».

Я повиновался. Встав, я смог увидеть дверной проем: несколько котят наблюдали за нами из коридора. Синдж проскользнула мимо них в комнату:

– Мистер Малклар закончил работу.

Она сделала запись в грессбухе и взяла денег, чтобы заплатить Малклару. Наконец-то! Миазмы достигли комнаты Покойника.

– Плоскомордый или Торнада не собирались вскоре заглянуть? – спросил я.

«Я их не жду».

– Просто я подумал, что кто-нибудь из них мог бы сходить с Динем за покупками. У нас закончилась провизия. А Дин несколько староват для того, чтобы выходить наружу в одиночку в такое время.

«Понимаю. Ты уверен, что это то яйцо, которым в тебя бросили?»

Я рассмотрел его поближе.

– Здесь не очень светло, но... оно кажется немного другим.

«Это камень. Просто камень, и ничего больше. Либо Биттегурн Бриттигарн навешал тебе на уши лапши, либо у тебя больше нет оригинала».

– Сейчас посмотрю на него где-нибудь, где посветлее.

Я пошел к входной двери, намереваясь выйти на дневной свет. Выглянув наружу через плечо Синдж, я увидел мистера Малклара, который как раз трогался с места в повозке. И... две проходившие мимо женщины воззрились на мистера Малклара в благоговейном ужасе. Они заохали и принялись махать перед собой руками в тщетной попытке отогнать это.

– Эй, Весельчак! Эта девчонка, Пенни Мрак, сейчас на той стороне улицы.

«Где?»

– Точно перед гостиницей Элмера Стика.

«Я ничего не ощущаю. Постарайся быть настолько точным, насколько сможешь».

– На лестнице. Вторая ступенька сверху, с левой стороны, опирается на перила. – Я вышел наружу, чтобы лучше видеть.

«Ага!»

Пенни Мрак взвилась так, словно кто-то ее шлепнул. Она бросилась бежать, сбивая с ног пешеходов, посылавших ей вслед проклятия. У нее были трудности с контролем над конечностями, но она ни разу не упала. Чем дальше она убегала, тем лучше контролировала себя.

Я исследовал камень при лучшем освещении.

Это был не он. У этого на поверхности были тоненькие красные прожилки. И он не был настолько гладким. И от него не исходило то теплое, расслабляющее ощущение, когда я начал крутить его в пальцах.

Я вошел обратно в дом.

– Ну что, она оказалась для тебя слишком увертлива?

«Именно. Она представляет собой невероятно маленькую цель. И к тому же ускользающую. Она ощущает мой интерес в то же мгновение, когда он касается ее».

– Это не тот камень.

«Я так и думал. Настало время рассмотреть поближе твои воспоминания относительно него».

– Почему?

«Он, несомненно, имеет важное значение. Во всяком случае, достаточно важное, чтобы его подменили».

– Но Учитель Уайт...

«Не будем опережать события. Они могут происходить и без одобрения, и даже без ведома мистера Уайта. Сядь. Расслабься. Подумай о том, насколько полезно было бы иметь под рукой попугая в таких ситуациях, как сейчас, с этой уличной девчонкой».

– Как бы я хотел, чтобы ты перестал доставать меня на этот счет!

«Хороший партнер должен доставать. Итак, вернемся к „Пальмам“. К твоей первой встрече с этим камнем».

Я ощутил, как щупальца его разума скользнули в мой мозг, в самую глубину, к моим воспоминаниям о тех кратких мгновениях. Я привык к такому – хотя это мне и не нравится, – так что постарался просто сосредоточиться на другом, пока он вызывал к жизни мое прошлое, выкапывая детали, которые я не сумел заметить сознательно. В первую очередь я сконцентрировался на дыхании.

«Готово».

– И?..

«Ты сделал некоторые неверные умозаключения».

– Это впервые в моей жизни. Давай выкладывай.

«Начнем с того момента, когда ты вышел из дверей „Пальм“. Фактически ты не видел, как член банды Зеленых Штанов швырял в тебя камень. Камень просвистел мимо тебя, ты пригнулся, а потом заметил громилу в зеленых штанах. Ты сложил вместе три и три и получил пять. Зеленые Штаны не ответственны за это грязное дело. Его присутствие там могло быть случайным».

– Но он убежал!

«Разве?»

– По крайней мере, так я помню.

«Он не убежал. В твоей памяти даже отложилось, что он казался изумленным, когда вы с мистером Дотсом набросились на него».

– Да, действительно.

Зеленоштанник на самом деле вел себя так, словно был абсолютно сбит с толку.

– У меня такое чувство, что мы никогда не выясним всей правды в этом вопросе, потому что тот парень уже мертв. Но если это сделал не он, то кто же? И почему?

«Замечательные вопросы, как один, так и другой. Ты в тот момент даже на подсознательном уровне не увидел ничего, что могло бы пролить на них свет. – И со злорадным весельем Покойник подколот меня еще: – Так что, возможно, ты все же был изначально прав, хотя и исходил из неверных предпосылок».

– О чем ты болтаешь?

«В конечном счете камень мог швырнуть в тебя и громила в зеленых панталонах».

– Здесь я должен вскочить и начать бегать кругами, взвизгивая и выдирая на себе волосы?

«Существенным моментом является то, что ты, возможно, пришел тогда к правильному выводу. Но даже если так, ты сделал это, не опираясь на доказательства. Ты исходил из собственного предубеждения и из того факта, что больше на улице никого не было».

– Я начинаю подумывать о том, чтобы подпалить этот дом и перебраться куда-нибудь в другое место. Тогда мне больше не придется выносить эти измышления.

«Гаррет, я показываю тебе, каким должен быть настоящий мыслительный процесс, чтобы он раскрывал...»

Наш диалог, грозивший перерасти в нешуточную перепалку из-за мелочи, прервался, поскольку в дверь проскользнула упомянутая ранее Тинни и требовательно спросила:

– Почему ты меня не разбудил?

– Я пытался. Ты сказала, что отрежешь мне уши, если я не оставлю тебя в покое. Сказала, что всю ночь была на ногах и тебе необходимо выспаться.

Тинни в последнее время не очень-то способна быть человеком по утрам. Как и я.

Другая вещь, по которой мы сходимся во мнении, – это что с рыжеволосой точки зрения я всегда не прав.

– Наверное, мне следовало проявить немного больше твердости? – добавил я.

Как правило, она с готовностью бросалась на подобную наживку.

Наверное, мы в последнее время стали слишком свободно себя чувствовать в обществе друг друга: ее выражения оказались совершенно неподобающими для леди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.